

Э.Д. Филлипс

ЗАГАДКИ
ДРЕВНИХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

МОНГОЛЫ

Основатели империи Великих ханов

Э. Д. Филлипс
Монголы
Основатели
империи Великих
ханов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интересоваться монголами я начал еще в детстве, прочитав о них в «Очерках истории» Г.Дж. Уэллса – в книге, которую современники часто ругали за то, что в ней не упоминались принятые в то время концепции. Меня всегда поражали размах и скорость походов, которые монголы предпринимали до изобретения огнестрельного оружия и задолго до изобретения современных средств транспорта. Поэтому я изучил все наиболее значимые миграции и завоевания кочевников северных степей, исследовал их образ жизни. Без такого интереса к монгольской истории в ней трудно выделить что-либо, кроме разрушений, которые я на последующих страницах старался не преувеличивать. Я попытался описать эпоху владычества монголов с их собственной точки зрения, а не как мрачный промежуточный период истории Китая, Ирана или России.

Книга выходит в серии, посвященной археологии, но в ней представлено значительно меньше сведений о материальных остатках культуры описываемого народа, чем в других книгах серии. И это не случайно. Степные кочевники – монголы оставили после себя гораздо меньше, чем, скажем, скифы или сарматы. Кроме того, монголы старательно скрывали следы захоронений своих правителей. В эпоху их владычества местные жители того или иного региона продолжали не только сочинять литературные произведения на своих языках, но и заниматься изобразительным искусством, строить здания в привычном стиле, хотя, конечно, в результате монгольского завоевания в их искусстве появились и некоторые особые черты. Поэтому эти объекты и произведения нельзя на-

звать вполне монгольскими и на страницах моей книги они не показаны. Лучше всего повседневную жизнь монголов эпохи завоеваний (что и является основной темой сочинения) иллюстрируют находки на местах раскопок Каракорума в Монголии и Сарая-Берке на Волге.

Но представить себе жизнь и быт монголов, как в степях, так и за их пределами, помогает не только археологический материал. Существует много произведений искусства – китайского, персидского и даже европейского, – которые подробно изображают монгольские шатры, одежду, доспехи, оружие и лошадей. Особенно примечательны в этом отношении миниатюры средневековых рукописей, которые и приведены здесь в качестве иллюстраций. Эти миниатюры можно дополнить сведениями из описаний Карпини, Рубрука и Марко Поло. Им, европейцам, многое в повседневной жизни монголов казалось странным и непривычным, и путешественники старались записывать все, что видели. Благодаря всем этим источникам мы получаем более или менее полную картину монгольского быта XIII-XIV веков.

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга не является полной историей монголов с древних времен до наших дней. Основная ее тема – описание событий, благодаря которым монголы заняли свое место в истории человечества, а именно завоеваний XIII века. Но следует уделить внимание также происхождению монголов и судьбе государств, на которые поделилась их империя, до тех пор, пока ими правили монгольские ханы. Жизнь Тимура, который был монголом, но не из царского рода, сама по себе здесь не рассматривается, хотя упоминается о влиянии, какое он оказал на монгольские государства того времени. Общая цель повествования – показать завоевания монголов, которые словно могучим потоком прокатились по всему миру, и как затем этот поток разделился на отдельные течения, замедлил свой ход, а позже и вовсе превратился в лужицы и болотца. В последней главе мы возвращаемся на историческую родину монголов, чтобы вкратце показать, какие изменения происходили в Монголии, по мере того как русские и китайцы расширяли свои границы. Но поздняя история монголов лежит за пределами нашего повествования; о современной республике Монголия не рассказано вовсе.

Театр действия описываемых событий велик, поскольку в XIII и XIV веках монгольские войска вели войны в различных уголках мира, от Маньчжурии до Палестины и от Явы до восточной Германии. И при этом они почти не пользовались кораблями, если не считать тихоокеанского побережья Азии. Во время пика их могущества в XIII веке перемены в одной части света быстро отзывались в другой – и это задолго до изобретения совре-

менных средств связи. Их систему коммуникации можно отнести к замечательным достижениям. Прежде чем говорить о завоеваниях, нужно должное внимание уделить их войскам, дисциплине, стратегии и тактике, оружию и снаряжению воинов. Кое-что следует сказать также и о социальной структуре монгольского общества, и о материальной культуре монголов. Многие в своей повседневной жизни они унаследовали от общей традиции кочевников восточноазиатских степей, но некоторые коренные перемены ввел один монгольский вождь, чье имя известно любому, – Чингисхан.

Наиболее значительные шаги монголы сделали в области ведения войны; их влияние на оседлых жителей завоеванных территорий не столь велико, хотя поначалу монгольское нашествие казалось ужасной катастрофой. Но в общемировом масштабе их давление ощутимо. Монголы не были ни первыми, ни последними кочевниками, стремившимися завоевать цивилизованные страны, но именно они предприняли самую решительную попытку навязать свою власть всем остальным народам. После их неудачи кочевничество перестало быть серьезной альтернативой оседлому образу жизни не только правителей, но и большей части населения.

Так как монголы воевали и правили во многих странах, то свидетельства их истории многочисленны и разнообразны. Уже второе поколение завоевателей оставило свои собственные письменные источники. По стандартам современной науки, историю монголов невозможно серьезно изучать не только без общего знания истории, этнологии и географии, но также и без учета документов, написанных на монгольском, китайском, японском, бирманском, турецком, персидском, армянском, грузинском, сирийском, греческом, арабском, русском,

латинском, французском и итальянском языках в их средневековых формах. Конечно, не найдется такого ученого, который в совершенстве владел бы всеми этими языками. Поэтому исследователю приходится полагаться на переводы и комментарии. Помимо письменных источников, ценные сведения представляют археология и произведения искусства.

Кое-какие сведения историки получают во время раскопок поселений в Крыму, на месте Старого и Нового Сараев (столиц Золотой Орды на Волге), а также Каракорума в Монголии. Раскопки в издавна густонаселенных городах Китая и Ирана не дают особо много находок именно монгольского периода, но по крайней мере в Китае найдено несколько надписей, уточняющих образ жизни высокопоставленных монгольских чиновников. В разных частях Азии находят довольно большое количество различных монгольских монет. Китайские, индийские и тем более персидские картины и миниатюры точно передают внешний вид монгольской одежды и доспехов, изображают военные лагеря монголов и их жизнь при дворе. Временами среди европейских и японских произведений искусства также встречаются изображения монголов.

Глава I МОНГОЛЫ И ТРАДИЦИИ КОЧЕВНИКОВ

Страна, которую сейчас называют Монголией, была родиной кочевников за много столетий до того, как мир узнал о монголах. Она входит в особую полосу степей Северного полушария, которые простираются от Венгрии до Маньчжурии южнее лесной полосы. С юга, в отличие от западных степей, ее не ограничивают ни внутренние моря, ни горы, а всего лишь пустыня Ордос и возделанные земли Китая в среднем течении реки Хуанхэ.

Территория между горной системой Большой Хинган, отделяющей степь от Маньчжурии на востоке, и Алтаем, Тянь-Шанем и вкраплениями пустынь на западе, поделена с севера на юг на три части.

Северная часть, прилегающая к Саянам, Алтаю и другим горным хребтам у Байкала, состоит из покрытых лесом гор и плодородных равнин, пересеченных многочисленными реками и озерами, принадлежащими бассейну реки Селенги, которая впадает в Байкал, а также бассейнам рек Шилка и Керулен-Аргунь, которые далее образуют Амур. Центральная часть охватывает пустыню Гоби, шириной в 700 миль с севера на юг и 1200 миль с востока на запад. Южная часть опять-таки представляет собой равнины, пересеченные двумя небольшими горными хребтами к северу от Хуанхэ, причем по южному хребту проходит Великая Китайская стена. В целом же вся территория представляет собой плато на высоте в среднем 3000 футов над уровнем моря. Здешний климат, за исключением крайних северных областей, особенно засуш-

ливый, а разница температур летом и зимой больше, чем в других степях.

Предполагается, что особенности климата этой и других частей Северо-Западной Азии привели к образованию так называемого монголоидного типа, распространившегося во многих других регионах. Наиболее характерная черта данного типа – довольно толстая желтоватая кожа с меньшим, чем у других рас, количеством пор, волосяных мешочков и сальных желез и более глубоким расположением нервных окончаний, так что тело не так сильно теряет тепло на холоде и влагу на жаре. Но местное население никогда не принадлежало исключительно к одному типу; во все времена существовали примеси европеоидной расы с более густым и разнообразным волосяным покровом.

Хотя разница в физическом отношении между северными китайцами и монголами не столь уж велика, между ними издавна наметилась разница в культуре. Свидетельством тому могут стать хотя бы языки, поскольку китайский язык, по всей видимости, никак не связан с алтайскими, к которым причисляют монгольский. Алтайские языки, вероятно, зародились далеко от северо-западной долины нижнего течения Хуанхэ, откуда происходят китайцы, и на них сначала говорили племена, занимавшиеся охотой в северных лесах. Их разделяют на три основных семьи: тюркскую, монгольскую и тунгусскую, в порядке расположения с запада на восток. Такая последовательность до сих пор наблюдается там, где народности остались в лесах или рядом с ними, но на открытой степи все перемешалось в результате миграций и завоеваний.

Разнице в языках соответствует разница между кочевниками и земледельцами, что отразилось в традиционно пренебрежительном отношении китайцев к монголам и, наоборот, монголов к китайцам и другим оседлым народностям. Без общего представления об истории кочевого образа жизни, в особенности связанного с коневодством, невозможно понять историю монголов.

Кочевой образ жизни в степях не развился непосредственно из первобытно-охотничьего, как считали раньше, благодаря приручению овец, крупного рогатого скота и лошадей, которые до этого служили добычей.

В настоящее время предполагается, что земледельцы в степях появились раньше кочевников и что, когда земледелие постепенно распространялось из Западной Азии, с ним вместе шло и скотоводство. Сначала существовала смешанная экономика, основанная на выращивании культурных растений и на разведении домашних животных, причем скотоводство оказалось более выгодным на открытых равнинах. Позже некоторые племена полностью специализировались на скотоводстве, покинули насиженные места и принялись кочевать с одного пастбища на другое. Они сохранили такие традиционные навыки, как сооружение жилищ, повозок, изготовление металлических изделий, но образ их жизни и интересы стали совершенно иными по сравнению с образом жизни и интересами земледельцев.

В западных степях, где эти процессы происходили в 3-2-м тысячелетиях до н. э., кочевниками стали народности европеоидного типа, которые некогда были земледельцами, воспринявшими достижения цивилизаций Западной Азии. Позже, во 2-м тысячелетии до н. э., кочевники стали регулярно ездить на лошадях, особенно во

время войны, а после 1000 г. до н. э. по всем степям распространились всадники, любимым оружием которых был лук. Некоторые из них достигли Джунгарии и Алтая, а также равнин к северу и югу от Гоби. Там они встретили монголоидные племена, которые, по крайней мере на севере, не имели никаких или почти никаких контактов с земледельцами или цивилизациями. Большинство северных монголоидных племен прежде вело охотничье-собираТЕЛЬский образ жизни, и они непосредственно стали кочевниками и всадниками. По жестокости и свирепости они превзошли своих учителей.

К 400 г. до н. э. в китайских источниках упоминаются конники, которые заставили китайцев отказаться от колесниц и самим развить конницу. Постепенно граница на севере Китая между земледельцами и кочевниками становилась более четкой, и в последние века до нашей эры китайские государства принялись сооружать защитные стены – преимущественно для сдерживания кочевников.

Приблизительно тогда же, когда сильнейшее царство Цинь покорило окружающие царства и объединило их, стало происходить объединение кочевников в большие группы племен. И наконец, династия Хань, сменившая династию Цинь в конце III в. до нашей эры, встретила с сильным соперником в лице племенной конфедерации (или империи) гуннов («сюнну»), которыми руководили вожди, носившие титул «шань-ю». Гунны заложили основы культурной традиции, которые переняли многие кочевники, в том числе и (в немалой степени) монголы.

В подчинении у шань-ю находились так называемые «мудрые цари» Правый и Левый, то есть главнокоманду-

ющие западного и восточного флангов при построении войска лицом на юг. Их власть простиралась не только на военные отряды, но и на постоянные группы племен. Титулы этих военачальников и других командующих передавались по наследству в семьях благородного происхождения. Каждой группе подчиненных был выделен отдельный участок для пастбищ. Армия делилась на войска по 10000 всадников, которые, в свою очередь, состояли из отрядов в 1000, 900 и 10 всадников. Воинами считались все мужчины подходящего возраста. В тактике часто использовались засады, когда часть отрядов изображала отступление и завлекала врага в ловушку.

Китайские историки писали, что в военное время гунны скачут на лошадях и занимаются стрельбой из лука, а в мирное время им нечего делать, тогда как китайцы в мирное время работают, а к военному времени они не подготовлены. Кочевники ели мясо, пили молоко и носили шкуры домашних животных; они требовали дань от китайцев зерном и шелком и, если этого оказывалось недостаточно, затапывали поля копытами своих лошадей. Когда отцы умирали, сыновья брали себе в жены приемных матерей (было распространено многоженство), а братья женились на вдовах своих умерших братьев. Точно так же китайцы описывали и монголов тысячу и более лет спустя. Можно найти много подобных совпадений.

Позднее «империи» тюрков следовали тому же образцу. Время от времени часть Северного Китая попадала под власть гуннов, тюркских тоба, монгольских киданей, основавших династию Ляо в 937 г., и тунгусских чжурчжэней, вытеснивших киданей и основавших в 1135 г, династию Цзинь.

Но никто из них не смог покорить Китай полностью, как это удалось сделать монголам в начале XIV в., а после них маньчжурам – в XVII в. Самой большой силой в степи до монголов можно назвать различные формы государственных образований тюрков в VI-VII вв. н. э., которые почти на равных противостояли великой китайской династии Тан, но никогда не вступали в длительные военные действия. Центр тюркского влияния располагался обычно к северу от Гоби в бассейне реки Орхон, притока Селенги, то есть в том же регионе, где монголы основали свою столицу Каракорум. Их войска также делились на тысячи и десятки, а ханы считали себя избранниками Неба и предводителями всех кочевников, как это явствует из древних надписей, найденных в долине Орхона.

Многие термины социальной и военной организации монголы заимствовали у своих прежних правителей, тюрков. Для примера можно привести такие слова, как «орду» («орда»), означающее большой лагерь с палатками главных военачальников, или двор правителя; «тюмен» («тумен»), означающее «десять тысяч», особенно военный отряд из 10000 всадников и группу населения, откуда производили их набор; «хан» – верховный правитель и «хатун» – его супруга или высокородная госпожа; «дархан» – свободный человек или небольшой вождь; «улус» – группа людей или племен. Без таких слов монгольская история немыслима.

Китайцам было известно о монголах за столетия до того, как те стали представлять собой угрозу. Исторические хроники династии Тан VI в. упоминают их под именем «мэн-у» среди других северных народностей, которые все вместе назывались «шивэй». Мэн-у обитали на южном берегу реки Шицзянь, которая вытекала на восток из озера Куйлунь; это, вероятно, была река Аргунь, выте-

кающая из озера Улюнгур. Шивэй брили головы, запрягали в повозки быков и жили в хижинах, покрытых войлоком, или в палатках, перевозимых в повозках, как это делали тюрки. Они делали седла из травы, а в качестве поводов использовали веревки. У них было мало лошадей и совсем не было овец, зато много свиней и коров. Это, вне всякого сомнения, описание племен, которые только начали переходить от жизни в лесу к кочевой жизни в степи, бедных и плохо оснащенных орудиями труда. Возможно, что другие народности шивэй были тунгусами.

Мэн-у или мэн-ку появляются снова уже в хрониках Ляо вместе с «та-та», или татарами, как кочевники, которые питаются мясом и кислым молоком и делают набеги на Китай, хотя и безуспешно. В документах Цзинь их постепенно описывают как все более опасных. Второй император, Тайц-зун (1123-1135), покорил довольно большую часть Монголии в ходе укрепления своих владений. Следующий за ним император вынужден был ограничиться защитными войнами или обменом подарками. Во время набегов мэн-ку захватывали китайских и киданьских детей и уводили их жить к себе. На следующей стадии Хабул-хан из рода борджигинов, предок Чингисхана, образовал так называемое монгольское государство («Да мэнку го»), объединив все племена и группы монголов под своей властью. Поначалу он считался вассалом цзиньского императора Сицзуна, но потом принялся воевать с ним. В конце концов он заключил мир и даже пришел сдаваться ко двору Цзинь, но ему настолько не верили, что послали в его лагерь наблюдателя. Хабул-хан убил этого наблюдателя, и так началась очередная война, в которой правители Цзинь послали против монголов татар. В ходе войны Хабул-хан умер, и его преемником стал Амбагай. Во время перемирия татары предательски

схватили Амбагая и вместе с его двоюродным братом, Окином Баркаком, сдали цзиньским властям. Император приказал казнить их, прибыв к деревянному ослу.

Под руководством следующего хана по имени Кутула монголы вместе с повстанцами из Маньчжурии снова напали на государство Цзинь. Великий поход правительственных войск 1143 г. прервался из-за недостатка продовольствия и нападений со стороны монголов. Император уступил укрепления к северу от Керулена, но оставил войска на стратегических позициях. Позже Курула с четырьмя братьями погиб в ходе междоусобиц и монголы потеряли влияние. В 1161 г. в битве у озера Буйр-Нур их победили объединенные силы татар и Цзинь, после чего власть Цзинь восстановилась на западе вплоть до владений кераитов.

Таково было положение дел на момент рождения Чингисхана. Его отец, Есугэй из рода борджигинов, попытался восстановить власть над монголами, но его отравили татары до того, как он успел собрать достаточное количество последователей, чтобы называться ханом. Его называли просто «баатур» («багатур»), что значит «воин» или «герой».

Собственно монголы, или «мангхолы», принадлежали к группе народностей, которых называют монгольскими, чтобы отличить их от тюрок и других групп. Они делились на племена и роды, отношения между которыми удается выяснить не всегда. Восточнее всех обитали монголы и татары – первые по берегам рек Онон и Керулен, а последние южнее этих рек, в районе озера Буйр-Нур. Далее на восток расположены горы Хинган. Еще южнее на западных склонах гор жили хонгираты; к северу от монголов и к востоку от озера Байкал обитали мер-

киты и урианкаты, к северу от Байкала буряты, а к западу ойраты и туметы, скорее лесные охотники, чем настоящие кочевники. На запад от монголов, вдоль Орхона и верхней Селенги, обитали кераиты, а еще дальше на запад, в степях и лесах, найманы. Кераиты и найманы, как следует из личных имен и титулов, больше всех подверглись тюркскому влиянию и (по крайней мере, их вожди) исповедовали христианство несторианского толка. К югу от пустыни Гоби, вдоль Великой стены обитали онгуты, также несториане, смешавшиеся с тюрками и монголами. Найманы, кераиты и онгуты были самые развитые из всех, особенно по сравнению с восточными монголами.

Основной единицей любого монгольского племени был патрилинейный род, или «обох»; роды, происходившие от общего предка, считались родственными, и брак между их представителями запрещался. Группа таких родов называлась «ясун» («кость»); роды из разных ясунов обычно договаривались между собой о браке. Внутри самого обоха не все обязательно были родственники, к нему могли причисляться рабы или слуги, захваченные в плен во время войны или при других обстоятельствах. Эти работники назывались «отоле богол» или «джалаху». Различные роды входили в состав племени, которое называлось «ирген», а племена образовывали союз племен, или «улус». Целые роды или племена вместе с вождями и пастбищами могли коллективно подчиняться другим родам или племенам. В таком случае они назывались «унаган богол»; рядовые члены рода подчинялись своим собственным вождям и вождям главного племени, но вожди подчиненного рода могли заключать брак с родом вождей главного племени. Покоренные племена могли становиться унаган богол. Рабы и слуги, не принадлежав-

шие определенному роду, назывались «богол» или «харачу».

Вожди могли освобождать представителей низших классов, давать им титул «дархан», и те таким образом становились младшими представителями знати. В качестве одной из привилегий им дозволялось удерживать за собой добычу, убитую во время великой охоты, которую в мирное время монголы проводили ради тренировки. Выше всех дарханов была собственно знать, или «нойя-т»; главные военачальники и другие командующие войсками назывались нойонами. И наконец, выше всех стоял хан вместе со своей семьей. Вне зависимости от родственных связей два человека могли стать «андами», или названными братьями. Группа воинов могла объявить себя «нукерами», то есть последователями известного вождя. Нукеры были гораздо более преданными и полезными, чем родичи, особенно для одинокого искателя приключений, только начавшего путь к власти и нуждавшегося в преданных сторонниках.

Положение женщины внутри патриархального рода не было столь уж плохим, несмотря на обычаи многоженства и тяжелые обязанности. Принадлежность к семье и роду означала возможность выживания, а многоженство только облегчало эту задачу. Хотя случались и внебрачные отношения, сыновья одного отца считались равными по своим правам, независимо от того, родились они от жены или от наложницы. Между собой жены ссорились редко. Обычай брать себе в наложницы жен скончавшегося отца (за исключением матери) возмущал китайцев, но среди алтайских племен это было обычным явлением. Так вдовы и их дети получали безопасность и защиту, иначе их бы обратили в рабство и забрали бы все имущество и скот. К советам женщин прислушивались во

многих делах, кроме войны и охоты, а в более поздние времена вдовы ханов становились правительницами. Монгольские женщины славились среди других народов своей преданностью и целомудрием.

Монгольский образ жизни того времени отличался крайней простотой, за исключением западных племен, контактировавших с такими народами Центральной Азии, как тюрки и уйгуры, и особенно тех, что общались с китайцами. В монгольских степях кочевники пасли коров, овец, коз, а также все увеличивающиеся табуны лошадей. Лошадей оставляли пастись в полудиком состоянии, пока не наступало время их объезжать; тогда наездники ловили их гибкими шестами с петлей на конце. Это требовало большой ловкости, силы и умения. В сухих районах монголы начали разводить также и верблюдов. Тогда еще не все племена связали свою жизнь со степью, были и такие, что жили в лесах. При этом все монголы были прекрасными охотниками.

По археологическим находкам трудно восстановить материальную культуру, особенно раннего периода, потому что все дошедшие до нас вещи сильно испорчены, да и вообще в Монголии производилось не так много раскопок. Можно предположить, что некоторые предметы повседневного обихода современных монголов были распространены и в древности, но в остальном мы сильно зависим от рассказов путешественников, записавших то, что произвело на них впечатление. Кое-что можно узнать из таких источников, как «Тайная история».

Питались монголы, как и другие алтайские кочевники, почти исключительно мясом, а именно бараниной и реже говядиной, добавляя к этому мясо диких животных, охотиться на которых никогда не переставали. Кроме то-

го, они ели сыр и творог из молока овец, коз и кобыл. Зерно и рис, если их употребляли в пищу, приходилось ввозить. Пили они молоко и кумыс (заквашенную сыворотку кобыльего молока), который одновременно освежал и согревал, поскольку содержал алкоголь. Вожди пили и другие, иноземные напитки, и среди них часто бывало распространено пьянство.

Шатры монголов (юрты), как и сейчас, представляли собой сооружения из легкого круглого деревянного каркаса, покрытого войлоком, количество слоев которого зависело от времени года. Форма юрт как нельзя лучше подходила для того, чтобы выстоять при сильном ветре. Использовались также и небольшие палатки, которые можно было очень быстро сгрузить с повозок и собрать, а также очень быстро разобрать и погрузить обратно. Большие юрты устанавливали на особые повозки и не разбирали. Кроме больших, были и малые повозки-шатры на двух колесах, которые покрывали войлоком и возили в них различные ценные предметы, особенно небольшие изображения богов и духов. Смазанный жиром войлок защищал от холода, ветра и влаги; его белили известью, а откидные двери обычно украшали изображениями птиц, животных и деревьев. Каркас юрт делился на две части. Внизу ставилась складная решетчатая стена из реек высотой около пяти футов, с открытым местом для двери. Решетка охватывала пространство диаметром 12-15 м. Сверху ставился купол из шестов, расходящихся, как спицы зонтика, от центрального кольца, которое не закрывалось и через которое выходил дым. Для коротких остановок в подходящую погоду часто устанавливали одну крышу. В особенно большие, крытые повозки и телеги с шатрами запрягали быков, числом до двадцати, которыми правили женщины.

Такой шатер называется «гер»; слово «юрта» или «юрт», которое употребляют русские и европейские писатели, означает также родную землю или владение; так, например, юртом Чингисхана была Монголия. Некоторые исследователи полагают, что круглый шатер изначально был изобретен не в степи, а произошел от жилища «типи», или вигвама, в котором жили многие племена Северной Азии и Северной Америки, однако оно было дополнено нижним каркасом для высоты и устойчивости. Сегодня монголы устанавливают еще и раскрывающиеся шатры «майханы»: для их изготовления требуется меньше дерева. Такой тип жилища, похоже, столь же древен, как и гер.

По описаниям средневековых и современных путешественников можно с достаточной точностью восстановить расположение таких шатров в лагере и обстановку в них. Круглые шатры устанавливались входом на юг, а группа шатров родственных семей устанавливалась незамкнутым кругом, также открытым пространством на юг. Вокруг лагеря в качестве защиты расставлялись повозки. Такой лагерь назывался «айил». Внутри шатры делились на две части. Гостям дозволялось входить на западную, левую от входа половину, а на восточной, женской, половине находились кухонные принадлежности, большие керамические сосуды для воды и выдолбленные из стволов деревьев кадки для молока и молочных продуктов. В центре шатра, непосредственно под дымовым отверстием, находился очаг с таганом, куда ставили котлы. За очагом располагалась лицом на юг лежанка хозяина. Слева от нее стоял небольшой квадратный сундук с украшениями и одеждой. Над головой хозяина подвешивали войлочного божка, которого называли «братом хозяина»; а над головой хозяйки висел «брат хозяйки».

Идол у подножия постели присматривал за работой слуг, а еще по одному на каждой половине наблюдали за женщинами, доящими коров, и мужчинами, доящими кобыл. (В хозяйстве свободного монгола, жилье которого мы описываем, имелись слуги или рабы, обитавшие в стоявших поблизости шатрах и палатках.) К деревянному каркасу прикрепляли козлиные рога, на которые вешали куски мяса, посуду, луки и колчаны со стрелами. Пол жилища покрывали войлоком, кожами или ковриками, которые укладывали на солому или сухую траву. Огромные и роскошные шатры ханов и военачальников сооружали по такому же образцу.

Обычная одежда монголов была такова: как мужчины, так и женщины носили длинные мешкообразные платья, застегивающиеся у груди, а под ними штаны. Обувью служили сапоги из войлока или кожи. Летнюю одежду иногда шили из хлопка и китайского шелка, но даже летом в холодные дни носили шерстяные халаты и шапки из войлока. Халат запахивали у груди и закрепляли с левой стороны одной лентой, а с правой – тремя лентами, которые, удерживали внешнюю складку. Женщины шили одежду с оборками и складками, стараясь подгонять ее по фигуре. Мужчины подпоясывались кожаными ремнями, на которые вешали колчаны и луки. Богачи украшали одежду каймой и кантами из шелка, подбитыми шерстью. В особенно холодную погоду надевали шубы различного качества, в зависимости от средств обладателя» – нижнюю мехом внутрь и верхнюю мехом наружу. Женщины из высокопоставленных семейств носили особые головные уборы из коры бересты или другого легкого материала, которые покрывали шелковой накидкой, и прикрепляли пучок перьев. Этот парадный головной убор назывался «бохтаг». Его часто изображали на рисунках. Шелко-

вые и меховые парадные платья ханов и военачальников отличались богатством.

Рядовые женщины должны были непрестанно трудиться. Они управляли повозками, устанавливали и разбирали шатры, доили коров, сбивали масло, скоблили шкуры и сшивали их сухожилиями, шили обувь и одежду, готовили пищу и присматривали за детьми. Одежду не стирали, по крайней мере при свете дня, – за это другие женщины могли провинившуюся побить. Посуду также никогда не мыли водой.

Мужчины делали повозки, телеги и каркасы для шатров, а также удила и седла из кожи на деревянном каркасе и другие предметы упряжи. Они изготавливали лук, стрелы и другое оружие для войны и охоты. Кроме этого, мужчины присматривали за лошадьми, объезжали их и доили кобыл. Кобылье молоко они взбивали в больших кожаных мешках, подвешенных на раму, и готовили из него кумыс. Женщины также прекрасно умели скакать на лошадях, и их учили стрелять из лука, хотя представительницы богатых семейств занимались этим редко, ведь, по их мнению, красота заключалась в излишней полноте и чрезмерном употреблении косметики.

Судя по дошедшим до нас сообщениям, в имперские времена похороны вождей обставлялись с величайшей пышностью, причем многие черты ритуала зародились в гораздо более древние времена. Однако пока еще не найдено ни одного захоронения, которое бы подтвердило написанное Карпини, Рубруком или Марко Поло. Карпини, например, утверждает, что монгольских вельмож хоронили в юрте сидящими за столом с мясными блюдами и кувшином кумыса и что вместе с ним погребали оседланного коня и кобылу с жеребенком, а сверху втыкали шест

с кожей коня. Хотя в описаниях можно встретить многие черты, свойственные более ранним ритуалам кочевников, им нет никаких археологических подтверждений, поскольку захоронения ханов прятали под дерном, не оставляя никаких знаков на могиле (и она зарастала травой без следа). О других захоронениях почти ничего не известно.

В исторических документах можно найти подтверждения того, что монголы, как и другие кочевники до них, верили в загробную жизнь, где вождям понадобятся кони и имущество, а также слуги и воины. Поэтому вряд ли стоит сомневаться в описаниях, согласно которым убивали всех, кого похоронная процессия великого хана встречала на своем пути к священной горе Бурхан-Халдун, чтобы они служили своему повелителю и после смерти. Это походит на обычаи других кочевников, которые монголы у них могли позаимствовать.

Монгольская религия относилась к типу шаманских. Шаманство было широко распространено среди всех северных кочевников и других народностей Северной Азии. В нем не было развитой теологии, догматики или философии, поэтому иудеи, христиане и мусульмане, имевшие развитые доктрины и священные книги, не признавали шаманство религией. Однако шаманство могло приспособиться к более суеверным формам христианства, таким, как, например, несторианство – в той его форме, в какой оно было распространено в Центральной Азии, а также к некоторым грубым разновидностям буддизма. Шаман, или по-монгольски «кам», был колдуном, предсказателем и лекарем – одним из первых специалистов в наметившемся среди человечества разделении труда. Предполагалось, что он служит посредником между миром мертвых и живых, духов и людей. Монголы ве-

рили в существование бесчисленного множества духов, среди которых были и духи предков. Каждому природному объекту и явлению соответствовал свой дух; духи обитали в земле, в воде, в растениях и на небе; от духов зависела вся жизнь людей.

Среди всех духов главным считался дух неба, Тенгри, с которым якобы в особом родстве состояли все верховные вожди и которому они служили. Воля Тенгри и других духов высказывалась в снах, видениях и во время камлания. Иногда она открывалась непосредственно правителю. Но хотя Тенгри благодарил и наказывал своих последователей в этой жизни, рядовые монголы не исполняли почти никаких особых ритуалов в его честь и лишь позже, под китайским влиянием, стали украшать таблички с его именем и курили перед ними благовония. Ближе к нуждам повседневной жизни стояла богиня Начигай, которую также называли Этуген или Итуген, повелительница травы, урожая и стад. Ее изображение украшало каждое жилище, и к ней обращали мольбы послать хорошую погоду, большой урожай, прибавление в стаде и процветание семейства.

Среди монголов бытовало множество обычаев и предрассудков, которые мало изменились в эпоху завоеваний и сохранились до более поздних времен. Свои молитвы они обращали к идолам богов и духов, так называемым «онгонам», которых женщины изготавливали из войлока, шелка и других материалов. Некоторые из онгонов хранились в особых повозках, устанавливаемых за обычными жилищами и военными шатрами. В начале трапезы и в некоторых других случаях губы идолов смазывали мясом, молоком и другими продуктами. Позже

особый онгон в шатрах военачальников олицетворял дух Чингисхана.

Поклоняться ему под страхом смертной казни должны были все без исключения, как монголы, так и чужеземцы. Знамя («туг») Чингисхана также стало священным объектом, и монголы верили в то, что в нем обитает душа их вождя, который следит за своим народом. Ему подносили кумыс, расплескивая его вокруг. Духу Чингисхана также посвящали лошадей, на которых никто не смел ездить. Почитание духа Чингисхана является одним из самых ярких примеров культа предков, он всегда играл важную роль в религии монголов.

Монголы также в какой-то степени почитали солнце, ветер и стороны света, в которых обитали свои духи. Огонь считался элементом, очищавшим от всякой скверны. Шатер умершего человека и все его имущество очищали, пронося вещи между двумя кострами. Особенно это было необходимо в том случае, если покойный погиб от удара молнии. Чужеземных послов, перед тем как те представляли перед ханом, также проводили между двумя кострами. Огня нельзя было касаться ножом, мясо также нельзя было доставать из котла ножом или резать его возле котла. Существовали и другие запреты, такие, например, как запрет мочиться в проточную воду или купаться в проточной воде; за нарушение этих запретов полагалась смертная казнь. Все эти обычаи зародились в глубокой древности, когда люди старались ублаготворить злых духов и уберечь свое племя от «осквернения». Их должны были соблюдать все, и монголы, и те, кто посещал лагерь монголов.

Глава 2 ЧИНГИСХАН

ВОЗВЫШЕНИЕ ЧИНГИСХАНА

Ранние годы жизни Чингисхана, или Темучина, как его звали изначально, изложены с красочными и легендарными подробностями в «Тайной истории монголов». Он вырос в обедневшей семье погибшего Есугэя и со временем поступил на службу к Тогрул-хану, правителю кeraitов, одному из самых влиятельных вождей монгольских племен того времени. Тогрул-хан был андой Есугэя, и, кроме того, империя Цзинь даровала ему титул «ван», что значит «царь» или «князь». «Ванхан», как его часто называли, считался вассалом Цзинь среди кочевников, и поэтому Темучин также формально как бы считался вассалом Цзинь. В орде Тогрула и во время сражений на его стороне Темучин встречался с воинами из различных племен, таких, как джелме, субудэй, джебе и мукали, на многих из которых произвела впечатление его яркая личность, и поэтому они стали его нукерами, тогда как с родичами Темучин враждовал.

Сами монголы в то время постепенно возвращали былое могущество и страстно желали назначить своего хана. На этот титул претендовали многие, в том числе и Джамуха: в детстве был он андой Темучина, но тот с ним позже поссорился. Поначалу среди монголов последователи Темучина были в меньшинстве и сторонники Джамухи почти одержали верх над ними в кровавых битвах, поэтому Темучин был вынужден продолжать службу у Тогрула. Однако Джамуха, по всей видимости, также не добился полной независимости от Ванхана, потому что то же время от времени появлялся у него на службе.

Постепенно Тогрул становился все менее благо-склонным по отношению к Темучину, хотя никогда открыто не высказывал своей ненависти, в отличие от своего сына Сэнгума и Джамухи. Однажды Тогрул попытался заманить Темучина в ловушку, послав ему ложное приглашение; Темучина вовремя предупредили, и он избежал опасности. После этого между Темучином и Ванханом началась открытая война.

В первом сражении в Восточной Монголии, у края открытой степи при Калакалджит-элет близ источника Халка, войско Темучина успешно сражалось с кераитским войском Джамухи до тех пор, пока Сэнгум не был ранен в щеку и кераиты не покинули поле битвы. Но у Темучина не было достаточно воинов, чтобы в дальнейшем продолжать сражения, и его потери усугублялись тем, что их было значительно труднее восстановить. Поэтому он удалился в леса Хингана, где кераиты не стали бы преследовать его, и постепенно прокладывая себе путь к озеру Балджуна, на север от Онона. Туда его воины заранее переправили женщин и детей.

Темучин выжидал там лето вместе с самыми верными сторонниками, среди которых стало честью отвесть горькие воды Балджуна. К нему присоединился его брат Хасар, который покинул семью и службу у Ванхана. Темучин воспользовался этим и послал двух слуг Хасара к Ванхану, якобы для того, чтобы верховный правитель принял провинившегося обратно, но на самом деле они должны были разузнать, готовы ли войска врага к сражению. Узнав обстановку с помощью шпионов и встретив подкрепление, Темучин день и ночь вел свои войска к тому месту в верхнем течении Керулена, откуда они могли окружить лагерь кераитов в Джеджер-ундур (вероятнее всего, к югу от Орхона). Затем целых три дня они сража-

лись с застигнутым врасплох врагом, пока тот не запросил пощады. Ванхану и Сэнгуму удалось скрыться, но позже они погибли во время скитаний.

Сражение при Джеджер-ундуром сыграло решающую роль в завоевании Монголии. После него Темучин сражался с меркитами и найманами, которым помогал Джамуха, пока их ханы и правители не погибли или не убежали. На курултае (собрании вождей) 1206 г. он провозгласил себя Чингисханом или «всемирным правителем» улуса Эке-Монгол. Это весьма важная дата в истории человечества: решения, принятые на этом курултае, определили судьбы многих миллионов людей по всей Азии.

Чингисхан учредил свой туг – знамя или штандарт, подобный штандартам (бунчукам) тюркских ханов. Он представлял собой шест, с верхнего конца которого свисали девять хвостов белого яка, поскольку число «9» считалось священным. Этот штандарт всегда несли впереди во время сражений, когда Чингисхан сам присутствовал на поле битвы. У каждого из военачальников имелись свои, менее пышные штандарты. После смерти Чингисхана возникла легенда, что его душа поселилась в туге и слилась с «сульдэ», или духом, охраняющим борджигинов и защищающим всех монголов.

Шаман Кокчу объявил, что Вечное Синее Небо, «Мункэ коко тэнгри», сделало Чингисхана своим представителем на земле. Род борджигинов стал «алтан уруком», то есть «золотым родом», господствующим над всеми остальными родами. Все подданные Чингисхана с этого дня стали называться монголами.

НОВОЕ МОНГОЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО АРМИЯ

Чингисхан преобразовал увеличившееся монгольское государство по феодальному образцу под своим началом и началом своих родичей. Все племенные отношения были отменены, за исключением тех случаев, когда они совпадали с новым порядком. Основным принципом организации стал принцип деления на «десятки», и он действовал как во время войны, так и во время мира. В «Тайной истории» приведены обширные списки командиров «десятков тысяч» и «тысяч», назначенных из воинов, лично доказавших свою преданность правителю.

Все эти командиры, «нойоны» или «берки», возглавлявшие отряд войск, руководили своими подчиненными и в мирное время. Термин «нойон» не воинское звание, а скорее общий титул крупного феодального владыки. Командующий десятком тысяч назывался «тумен», тысячей – «минган», сотней – «джегун» и десятком – «арбан». Любой человек обязательно находился в подчинении у нойона, а нижестоящий нойон подчинялся вышестоящему нойону. Покидать одного нойона и переходить к другому запрещалось под страхом смертной казни.

Хотя основным предметом реформ Чингисхана стала организация войска, он также прославился тем, что создал Ясу, или систему монгольских законов. В нее вошли как древние обычаи и правила, так и новые, придуманные Чингисханом. На протяжении многих поколений монголы по всей Азии почитали Великую Ясу как волшебную книгу и как победный талисман. Писцы записали ее монгольским вариантом уйгурского алфавита, хотя сам

Чингисхан не умел читать и не учился этому. В Великой Ясе имелись особые правила для членов Золотого Рода и, по всей видимости, законы, регулирующие деятельность войск. До нас не дошло полного текста законов, хотя из различных источников известны фрагменты.

Яса содержала следующие заповеди: почитать добродетельных и невинных; уважать ученых и мудрецов любого народа; любить друг друга; делиться пищей; не красть; не прелюбодействовать; не лжесвидетельствовать; не предавать; защищать стариков и бедных; уважать все религии и не отдавать предпочтение ни одной. В основном все предписания касались исключительно монголов, а в том случае, если их действие распространялось и на чужеземцев, это оговаривалось особо.

Отдельные правила можно отнести к разряду международного права (по крайней мере, ближе к концу правления Чингисхана). Предполагалось, что великий хан послан самим Богом с целью завоевать всю землю, и поэтому непокорность и сопротивление монголам рассматривались как бунт против Бога. Если другие народности покорялись своей участи, то с ними обращались довольно хорошо, но если они сопротивлялись, то монголы высказывались примерно следующим образом: «Откуда и что нам знать? Только Вечный Бог знает, что случится с вами». Существование суверенных государств, равных по своему статусу Монгольской империи, не признавалось. Эти правила оправдывали любые жестокости и зверства, военные набеги и подавления восстаний. В них отчетливо видна воля самого Чингисхана.

Основополагающим принципом монгольского общества была жесткая зависимость каждого его члена от начальников. Никто не смел покинуть место, куда его по-

ставил начальник, и никто не имел права сменить работу без непосредственного приказа. Бремя налогов распределяли поровну между всеми членами общества, независимо от богатства или положения. В Ясе были предусмотрены законы относительно сбора налогов, а также призыва на военную и курьерскую службу и всеобщей обязанности участвовать в великой охоте. Эту охоту устраивали зимой, не столько ради пополнения запасов дичи, сколько для военных маневров под непосредственным надзором хана, который проверял готовность своей армии к войне. При этом духовные лица всех религий, врачи и ученые освобождались от призыва и налогов.

Уголовное право предусматривало наказания за убийство и причинение телесных повреждений, воровство, неуважение брака, общественного порядка и правосудия. Обычным наказанием за многие проступки, в том числе и за обжорство, была смертная казнь. Серьезными преступлениями считались нарушения военной дисциплины и следующие своевольные действия: милосердие к пленным без ведома того, кто взял их в плен; укрывательство сбежавшего раба или пленника; обладание краденым конем и отказ выплатить штраф; касание ногой порога шатра военачальника. Высшим командирам нельзя было обращаться за помощью к кому-то иному, кроме Чингисхана. Жизни лишали также за мошенничество и невозможность выплатить штраф; за убийство животного по магометанскому, а не по монгольскому обычаю; за купание в проточной воде; за то, что помочился в воду, в золу или внутри юрты. Менее серьезные проступки либо облагались штрафом, либо за них назначали удары палкой. Смертная казнь представителей царского рода заключалась в том, что их заворачивали в ковер или покрывало и забивали насмерть, не проливая крови.

Армия в том виде, в каком она была образована в 1206 г., по-прежнему делилась на тумены, хотя главенствующая роль все больше переходила к имперской гвардии «кешик». Кешик существовала уже в войсках тюркских ханов и при таких монгольских ханах, как Тогрул. Но в период правления Чингисхана она превратилась в особую военную силу.

Число личной охраны хана увеличилось с 1000 до 7000, и каждый охранник теперь назывался «багатур». Количество дневных стражников («туграут»), ночных стражников («кебтеут») и лучников («корчи») увеличилось до 1000 в каждом соединении. Гвардейцы также служили на конюшне, на кухне и несли караул при дверях. Всего гвардия насчитывала более 10000 воинов вместе с командирами. Она была основной ударной силой армии. В нее набирали особо отличившихся монголов; в каждом отряде служили сыновья командиров и те, за кого они могли поручиться. Таким образом Чингисхан был как бы лично связан с лучшими представителями своего народа. Рядовой гвардеец при необходимости имел право командовать любым отрядом других войск. Кешик заодно служила своего рода военной академией и высшим командным училищем, ведь ее представители нередко занимали самые высшие посты. На поле боя гвардейцы находились в центре, рядом с Чингисханом, если он присутствовал во время сражения, и их посылали для решительного наступления. Гвардейцы никогда не отдыхали от службы, поскольку они должны были выполнять приказы самого хана.

В армии царила жесткая и практичная дисциплина. Перед сражением начальники должны были проверять оружие своих подчиненных и снабжать их всем необходимым под страхом смертной казни. За выполнением

этих правил следили инспекторы хана. Если во время битвы человек что-либо ронял, то скачущий за ним должен был подобрать эту вещь и вернуть владельцу. Нельзя было грабить вражеский город без разрешения, покидать в беде товарища из своего арбана и спать на посту. За эти нарушения полагалась смерть. Если военачальникам не удавалось выполнить приказы хана или успешно руководить своими отрядами в бою, их снимали с поста. Командиром нельзя было назначать человека, намного превосходящего по физическим возможностям и выносливости других членов отряда, потому что он не мог правильно оценивать и рассчитывать силы своих подчиненных. Так монголы стали не только воинственным, но и полностью военным народом.

Оружие и доспехи монголов принадлежали к известным типам оружия и доспехов кочевников, хотя и с некоторыми изменениями. Рядовой воин имел при себе короткий составной лук, сделанный из пластин дерева гибких пород, прикрепленных к центральному хлысту, и более длинный лук того же типа для стрельбы стоя. Дальность стрельбы этих луков превышала 200 ярдов (180 м). Легкие стрелы предназначались для дальнего боя, а тяжелые, с широкими наконечниками – для ближнего боя. В двух колчанах хранилось по тридцать стрел каждого типа. Кроме этого, воины были вооружены мечами и легкими саблями, а тяжелая кавалерия еще и копьями. Доспехи состояли из конического стального шлема с кожаными накладками, закрывавшими шею; кожаного камзола, который в поздние времена часто покрывали кольчугой или металлическими полосами, и щитов из кожи или ивы (четырёх размеров, в зависимости от назначения). Всадники с луками щитами не пользовались, а всадники с мечами и саблями были обязаны их иметь.

Монголы ездили верхом на малорослых лошадях высотой 130-140 см. Их поили раз в день, а питались они подножным кормом. На лошадей не садились, пока они не достигали трех лет, а после на каждом коне скакали один день и по возможности давали ему отдыхать три-четыре дня. Порой за одним всадником следовало до двадцати запасных коней. На богатых пастбищах Северной Монголии лошади собирались в стада до 10000 голов и никогда не отбивались от стада.

Снаряжение состояло из резака, напильника для отточки стрел, шила, рыбного крючка с леской, бечевки, железного котелка, двух кожаных фляг – одна для воды, другая для кумыса, – водонепроницаемого кожаного вещевого мешка, мехового шлема и плаща из овечьей шкуры для очень холодной погоды. Многие воины возили с собой палатки и легкие круглые шкуры с протянутой по краям веревкой, которые служили своего рода спальными мешками. Пищевой паек включал в себя вяленое мясо и сыр из кобыльего молока, но предполагалось, что основную часть пропитания войска должны добывать себе сами, грабя поселения противника. Позже многие воины перевозили запасное оружие и рабов в отдельных повозках.

Армия передвигалась колоннами, обычно на определенном расстоянии друг от друга, но колонны сообщались между собой посредством быстрых гонцов. Таким образом, войско можно было легко разделить для удара по разным направлениям или нападения на противника с разных сторон. Способность к рассеянию очень помогала пересекать засушливые области, а также создавать иллюзию большого численного превосходства. Позже в армии стали использовать верблюдов для перевозки тяжестей, а под влиянием китайских обычаев появились

осадные машины, пушки, минеры и саперы. Сигналы передавались флагами днем и факелами ночью; к атаке призывали звуки литавр и труб, иногда при этом играли короткую мелодию.

Атаку начинал «караул», или легковооруженный авангард, за которым следовали быстрые лучники. Потом они расходились и уступали дорогу тяжелой кавалерии. Обычно во время атаки никто не кричал, основные силы передвигались в тишине, тесным строем и равномерным шагом, который назывался «волчьим». Часто прибегали к обманному отступлению и засадам, бежавшего врага преследовали беспощадно.

ПЕРВЫЕ ИНОСТРАННЫЕ КАМПАНИИ

Установив свой порядок в Монголии, Чингисхан с армией в 20 туменов готов был продолжать войну в других землях. Он страстно желал разрушить империю Цзинь, правители которой лишили жизни многих его родичей. Но сначала ему нужно было обеспечить тыл от нападения других кочевников и окружить Цзинь с севера.

В 1207 г. Чингисхан послал своего старшего сына Джучи во главе с Правой, или Западной армией, сражаться против ойратов, бурятов и тюркских киргизов на Енисее, а также против туметов. Все эти племена были покорены и стали вассалами Джучи – так было заложено основание его будущих владений на западе.

На юге, на территории современной провинции Ганьсу, обрамленное пустыней Ордос и горами, располагалось царство Си Ся (Западное Ся). Оно представляло собой как бы заслон на пути к Китаю для любых завоева-

телей с запада. Его основали после падения династии Тан кочевники тангуты из Тибета, перенявшие буддизм и китайскую культуру. Армия тангутов в 150000 всадников и пехотинцев была сформирована по китайскому образцу.

Чингисхан, и раньше делавший набеги на эту территорию, перевалил горы, вышел к Урахую и победил 50-тысячное войско, высланное ему навстречу. Когда монголы приблизились к столице Чжунсин, или Эрикайя, расположенной за отрогами Алашань, их в течение двух месяцев удерживало еще одно 50-тысячное войско под предводительством тибетца Ашагамбу. Наконец Чингисхан сделал вид, что бежит, и завлек врага в засаду, где и разгромил. Затем он осадил столицу, которую защищала система каналов, проведенных от реки Хуанхэ. Вниз по течению монголы соорудили плотину, которая направила воды реки вспять и затопила город, причинив большие разрушения. Цзиньский император отказался помогать тангутскому правителю Ли Анчуаню под тем предлогом, что тангуты не проявляли по отношению к нему должной преданности. Осада продолжалась до 1210 г., пока плотина не прорвалась и монголы не отступили, однако тангутам все-таки пришлось сдаться, а Ашагамбу попал в плен.

На западе Чингисхан обратил свое внимание на государство каракитаев (каракиданей). Оно еще называлось Си Ляо, или Западное Ляо, поскольку его основали остатки киданей из государства Ляо, которых Елюй Даши из царского рода киданей в 1129 г. привел на восток после того, как государство Ляо в Китае пало. Столицей государства, охватывавшего территорию Джунгарии, бассейна Тарима и Трансоксианы (территории к северу от Амударьи), был город Баласагун на реке Чу. Киданьские

правители величали себя тюркским титулом «гурхан», поскольку большинство их подданных были тюрками, но придворные сохраняли китайскую культуру и исповедовали буддизм в его китайском варианте. В это время государство каракитаев находилось в полном упадке и вассальные правители не желали платить высоких налогов. В 1209 г. Барчук, «идикут», или священный правитель тюрков-уйгур, поднял восстание против гурхана и перешел на сторону Чингисхана. Тот благосклонно принял его и провел свою армию по территории уйгуров до долины реки Или, где к нему с готовностью присоединились Арслан, хан тюрков-карлуков, и Бузар, правитель Алмалыка. Пожалуй, самым важным итогом этой кампании было то, что на службу к монгольскому хану поступили грамотные уйгурские чиновники.

КИТАЙСКАЯ КАМПАНИЯ

Теперь, после того как Чингисхан научился проводить войска по пустынным землям и захватил большое количество верблюдов, он решил напасть на Северный Китай непосредственно через пустыню Гоби.

Его противник, империя Цзинь, имела армию примерно в 500000 человек, из которых 120000 были конные лучники, по происхождению кочевники-чжурчжэни. В числе оборонительных сооружений была Великая Китайская стена и две стены меньшей протяженности – одна шла с севера на юг вдоль Хингана, а другая ограждала запад, до границ Си Ся, проходя по территории онгутов, дружественных Чингисхану. К востоку от Хингана и вдоль западной части стены находились пастбища цзиньской кавалерии. Столицу Цзинь, город Чжунду (располагавшийся на месте современного Пекина), защищала внут-

ренная стена, шедшая вдоль гор до моря, а также укрепленные проходы.

В 1209 г. Чингисхан с негодованием выгнал сборщиков дани императора Вэй Шао Вана. Он продолжал усиливать свои войска, а тем временем посылал чужеземных купцов и настроенных против цзиньских властей чиновников разведывать обстановку. Оставив в Монголии 20-тысячное войско под командованием своего брата Темугэ, Чингисхан в 1211 г. двинул силы через пустыню Гоби, вероятнее всего тремя отдельными группами. Правая армия под руководством его сыновей Джагатая, Джучи и Угэдея направилась на Цзинчжоу. Восточнее от них Центральная и Левая армии под руководством Чингисхана и военачальников продвигались на Хуанчжоу, к северу от Чжунду и далее на запад к Дашилюаню. Монголы пересекли пустыню до наступления жаркого лета, и в этом им сильно помогли верблюды. В мае они уже шли по онгутским пастбищам в непосредственной близости от гряды Ехулин, которая защищала равнину Чжунду.

Цзиньские войска вышли навстречу этим армиям на востоке. На прямой дороге к столице от Хуаньэрци до долины Ян полководцу Ван-ень Хуша приказали укрепить Ушабао, в то время как 2000 воинов под командованием Кэшиле Цзинчжуна должны были строить укрепления вдоль Ехулина. Джебе, которому указывал путь киданец Елюй Туха, почти случайно напал на силы Хуша и разрушил все, что они построили. Планы Цзинчжуна выдал другой киданец, Шимо Минань, которого послали на переговоры. Когда объединенная армия напала у Хуаньэрци, китайская кавалерия, подошедшая слишком близко к пехоте, была вынуждена отступить под градом монгольских стрел, а также под натиском тяжелой кавалерии под командованием Мукали и кешика под командо-

ванием Чингисхана. Цзиньская пехота в смятении бросилась отступить. Все их войска побежали по проходу, и погоня продолжалась на протяжении 30 миль. Тем временем Западная монгольская армия взяла города на Хуанхэ и захватила множество лошадей.

Затем Джебе занял важную крепость Цзюй Юн Гуань, блокировавшую основной проход на Чжунду; успех ему принесло ложное отступление, благодаря которому защитников удалось выманить из укрытия и разбить. Теперь Чингисхан мог занять Лунхудай, расположенный менее чем в 25 милях от Чжунду, и разграбить равнину. Джебе не удалось захватить столицу приступом, но он взял восточную столицу, Дунцин, все тем же обманным маневром.

Весной 1212 г. монголы оставили территорию онгутов, но вернулись осенью, чтобы разбить очередное цзиньское войско под Аодунсяном. Монголы устроили засаду на пути к городу Сицзуну. Во время битвы Чингисхана ранили, и поэтому монголам пришлось отступить. Цзиньцы вернули город Дэсинчжоу. В 1213 г., несмотря на голод, бунт китайцев, восстание киданей и нападение тангутов, 100-тысячное цзиньское войско предприняло очередной поход к Вэйчжуаню, к северу от Цзюй Юн Гуань. Чингисхан разгромил и его, напав центральными отрядами, в то время как фланги зашли за холмы и окружили цзиньцев. Но крепость Цзюй Юн Гуань не сдавалась. Тогда Джебе, пройдя по другим долинам, напал на крепость Цзу Цзин Гуань. После этого монголы легко смогли приблизиться к Цзюй Юн Гуань с юга. Но и теперь цзиньцы не стали выслушивать предложений завоевателей.

В столице Цзинчжун казнил императора Вэй Шао Вана и поставил вместо него Хуаньцуну, но и его убили китайские полководцы, перешедшие на сторону монголов. Хуаньцун пытался заключить мир, но три армии Чингисхана продолжали прочесывать Северный Китай, уничтожая остатки цзиньских войск. Одна из них прошла по западным частям провинций Хубэй и Шаньси, другая между восточной частью Хубэй и морем, а третья по восточной части Хубэй и по провинции Шаньдун. Пленников гнали вперед, чтобы они возводили осадные сооружения под градом стрел. При этом Чингисхан удерживал только укрепленные проходы и города вокруг Чжунду.

Монголы по-прежнему не могли взять Чжунду приступом. Стены города, сооруженные из утрамбованной глины с кирпичными бойницами и достигавшие в высоту 40 футов, были укреплены 900 башнями; внутрь вели 12 или 13 ворот, и весь город был окружен рвом. Подземные ходы соединяли главный город с четырьмя пригородами, каждый площадью около квадратной мили. В них располагались свои арсеналы и войска. Главный город защищало 12000 воинов, а каждый из дополнительных городов – по 4000, и эти дополнительные войска могли легко зайти в тыл нападающим.

Чингисхан снова предложил условия сдачи, которые были приняты в мае и согласно которым Хуаньчун должен был выдать дочь Вэй Шао Вана вместе со всем, что у нее было: свитой, конями, золотом и шелком. Но когда монголы ушли, император, вопреки советам своих министров, решил перенести столицу в Далян. А это означало – покинуть северные провинции и исконные земли чжурчженей в Маньчжурии. Чингисхан же воспринял такое ре-

шение как измену и отказ от договора. Монголы снова принялись готовиться к походу на юг.

В 1215 г. войска монголов, киданей и китайцев под руководством Самухи осадили Чжунду. Они полностью окружили северную столицу и отрезали пути, по которым из Даляна доставлялось подкрепление. Голод вынудил осажденных открыть ворота. Осаждающие разграбили город и убили несколько тысяч его обитателей. Кучи костей и гниющих трупов поразили воображение оказавшихся там послов Хорезма. Чингисхану отослали богатую добычу вместе с чиновниками. Один из них, по имени Елюй Чуцай, принадлежавший к киданьскому царскому роду, настолько тронул предводителя монголов своей преданностью бывшим властителям и чувством собственного достоинства, что Чингисхан назначил его своим советником, и это сыграло большую роль в дальнейшей судьбе Китая.

Государство Цзинь полностью потеряло влияние к северу от Хуанхэ, а на юге ему пришлось столкнуться с голодом и крестьянскими восстаниями. И все же оно отразило нападение тангутов, набрало новую армию и укрепило подступы к Даляну. В крепость Дун Гуань, защищавшую проход к низовьям Хуанхэ, были посланы свежие силы.

Монгольские войска под предводительством разных военачальников снова опустошили территории к северу от Хуанхэ. Монголы заявили, что простят измену Хуаньцуну, если он удовольствуется скромным титулом царя Хунань, провинции к югу от реки. Но Хуаньцун отказался. Тогда монголы разорили владения Цзинь в Маньчжурии и заставили платить дань Корею. В 1217 г. Чингисхан назначил главным полководцем Мукали и наградил его ти-

тулом «го он», или «князь государства»; кроме того, Мукали получил право воздвигать девятибунчужный туг. Сам хан принялся строить планы очередной военной кампании и уже никогда больше не посещал Китая.

ВОЙНА С ХОРЕЗМШАХАМИ

В 1216 г. Чингисхан вернулся в Монголию, чтобы проследить за порядком в Северной Монголии и на завоеванных территориях каракиданей. Сын наймана Таянхана Кучлук сбежал в 1208 г. к гурхану Чжулху и взял в жены его дочь. В 1211 г. он сверг Чилуку и захватил власть над центральной частью его царства, предоставив войскам хорезмшаха Мухаммеда захватывать западную его часть. По уговорам своей жены он принял буддизм и стал преследовать мусульман. Вознамерившись завоевать весь Каракитай, он с переменным успехом воевал с хорезмийцами. В 1217 г. Чингисхан послал на запад Джебе с 20000 монголов. Благодаря политике веротерпимости Джебе добился благорасположения мусульман и стал преследовать Кучлука до гор Бадахшана, пока не схватил его и не обезглавил. Теперь границы монгольской империи дошли до Памира и Сырдарьи. Дальше располагалось государство Хорезм.

Тем временем Чингисхан по совету Елюя Чуцай провел административные реформы на завоеванных территориях. Монгольские военачальники предлагали перебить основную часть населения Северного Китая и отдать эти земли под пастбища. Елюй Чуцай доказал, что благодаря налогам на землю и торговле солью и железом можно получить гораздо больше прибыли, и тем самым спас многие десятки тысяч жизней. Чингисхан позволил ему воплотить эти планы в жизнь и для начала ввел общий

подушный налог. Он учредил центральную канцелярию во главе с Елюем Чуцаем и принимал туда на службу способных китайцев, уйгуров, а позже и мусульман из Средней Азии.

К тому времени государство тюркских хорезмшахов, расположенное к востоку от государства каракитаев, достигло своего наивысшего развития. Его основали Азиз, умерший в 1156 г., и его преемник Такаш, выгнав из Средней Азии своих бывших хозяев сельджуков и подчинив земли к северу от Амударьи и Хорасан. При этом Такаш не стал воевать с каракитаями, справедливо рассматривая их как защиту от восточных кочевников. Его сын Мухаммед, пришедший к власти в 1200 г. и называвший себя «мечом ислама», оказался менее благоразумным.

Он с удовольствием наблюдал, как Кучлук сверг гурхана, а позже воевал с ним как с неверным. На севере своей страны он с 60-тысячным войском встретил 20-тысячное войско монголов во главе с Субудэем, посланным разделаться с остатками меркитов. Мухаммед напал на неверных, но добиться перевеса в битве ему не удалось.

Мухаммед присоединил к своему государству большую часть Афганистана и часть Северной Индии. Он даже пытался оказывать воздействие на своего духовного покровителя, багдадского халифа Назира, надеясь в будущем лишиться светской власти и его. Воинственность Мухаммеда на самом деле только ослабляла Хорезм и расшатывала позиции ислама во всей Азии. Ослаблению способствовала и длительная вражда Мухаммеда со своей склочной матерью, кипчакской царевной Турхан-ханум и с поддерживающими ее караханидами. Иранские чиновники плохо ладили с тюркскими военачальниками, а

всех их ненавидели крестьяне, страдавшие от высоких поборов.

Первые контакты Мухаммеда с Чингисханом были дружественными. В 1215 г. Чингисхан благосклонно принял послов Мухаммеда, наблюдавших резню в Чжунду, и сказал им, что правители запада и востока должны поддерживать мир и торговлю между своими государствами.

В 1218 г. Чингисхан отправил посольство к Мухаммеду с предложением заключить мирный договор и принять титул «самого дорогого сына». Мухаммед подписал договор, но признание зависимости уязвляло его самолюбие. Вскоре после этого на запад под предводительством четырех купцов-мусульман отправился караван из 500 верблюдов, которых сопровождали 450 человек. В городе Уtrar на Сырдарье их задержал правитель города, Иналчик. Отобрав все товары, их казнили как шпионов. Исходил ли приказ от самого Мухаммеда, неясно, но он никого не наказал и даже присвоил часть добычи.

Чингисхан отправил посла Ибн-Хафаджа Бугру и двух монголов с требованием выдать ему Иналчика для наказания; в противном случае, угрожал он, смерть грозит всем мусульманским подданным Мухаммеда. Чингисхан выдвинул это требование только после того, как испросил совета у Неба, но Мухаммед отказался, казнил Бугру и отослал обратно двух монголов, обрив им бороды.

Такое оскорбление посланников терпеть было нельзя, и ответом на него могла стать только война. Чингисхан призвал всех монголов в возрасте от семнадцати до шестидесяти лет, а также войска кипчаков, карлуков, уйгуров, киданей, чжурчжэней и китайцев. Тангутский правитель отказался выслать помощь, Потому что его отговорил Ашагамбу, которого к тому времени отпустили. По-

сле этого Чингисхан решил во что бы то ни стало уничтожить тангутское царство, даже ценой собственной жизни.

Летом 1219 г. в верховьях Иртыша Чингисхан собрал армию численностью более 150000 человек. Все они были всадниками, за исключением осадных инженеров из Китая, которые перевозили катапульты, баллисты для метания тяжелых каменных глыб, примитивные пушки, стрелявшие каменными и железными шарами, а также огнеметы для ближней атаки. Еще одним заимствованием из Китая стала шелковая нижняя рубашка, в которой увязали стрелы, нанося лишь легкие ранения. Тяжелую артиллерию перевозили по частям на яках и верблюдах. Войска передвигались по дороге через Алтай; реки пересекали по деревянным мостам достаточной ширины, чтобы по ним проехали две повозки. По всему пути были расставлены сторожевые отряды, а в пустыню посланы авангарды с запасами продовольствия и животными, предназначенными в пищу и для перевозки тяжестей. Во все отряды были назначены переводчики из мусульман, знакомых с западными краями; разведчики постоянно пополняли и исправляли сведения о враге.

У Мухаммеда было около 300000 воинов, но он не доверял своим командирам и опасался собирать все войска в одном месте. Вместо этого он предпочел оставить в каждом городе по гарнизону или даже войску, которое могло бы долго выдерживать осаду. В Утраре он оставил 50000 и 100000 в Самарканде. Сам же он удалился в Балх, надеясь собрать войска, преданные ему лично. Еще он планировал соорудить защитную стену длиной 50 миль вдоль оазиса Самарканда, для чего за год собрал трехлетние налоги, но строительство затянулось.

Монголы, собрав последние союзные войска в каялыкской степи к югу от Балхаша, прошли 600 миль по пустыне и вышли к Утрару, которым все еще правил виновный Иналчик. Чингисхан оставил там несколько туменов, которые через шесть месяцев взяли крепость и казнили Иналчика. Одна часть оставшейся армии под предводительством Джучи взяла города в нижнем течении Сырдарьи, а другая захватила верхние долины. Сам Чингисхан направился через пустыню Кызылкум к Бухаре. Большею части тюркского гарнизона удалось вырваться из осады, но их позже догнали и добились. Защитников города перебили, а оставшихся в живых жителей прогнали прочь в чем были. Главную мечеть и дворец разграбили и предали огню.

После этого Чингисхан дошел до Самарканда, который защищали смешанные войска тюрков, иранцев и афганцев, всего около 110000 человек. На третий день осады было перебито около 50000 человек, сделавших вылазку и попавших в засаду; на пятый день гарнизон сдался. 50000 жителей оставили в городе вместе с кадием и шейхом, остальных прогнали, часть города затопили и разрушили. В качестве рабов увели 30000 ремесленников и еще больше забрали для осадных работ. Остальным разрешили вернуться за плату. Остальные хорезмские города монголы также взяли осадой, ни разу не встретив войска шаха в открытом бою. Города, которые были построены в оазисах и благосостояние которых зависело от оросительных каналов и садов, так никогда и не были полностью восстановлены. Их культура и искусство пришли в упадок на долгие десятилетия, и они утратили ведущее положение в исламском мире.

Чингисхан отправил три тумена на запад через Амударью для преследования Мухаммеда, который пере-

бегал из одного города Северного Ирана в другой, пока не оказался на острове Абакан у южного берега Каспийского моря, где в 1220 г. умер от плеврита, назначив своим преемником Джелаль-ад-Дина.

Последним из хорезмских городов пал Гургандж на Амударье, где Джелаль-ад-Дин некоторое время оказывал сопротивление, прежде чем тайно сбежать. Защитники города вступили в безнадежную схватку с несколькими сотнями тысяч воинов Джагатая, Угэдея и Джучи. После захвата города жители были перебиты, за исключением 100000 ремесленников, детей и молодых женщин. Джучи, назначенный правителем города, не смог предотвратить резню.

В 1221 г. Джелаль-ад-Дин находился в Газнани к югу от Гиндукуша и готовился к дальнейшему сопротивлению. Чингисхан, передвигаясь по высокой горной местности, разрушил много селений, в том числе и известный буддийский центр Бамиан. Джелаль-ад-Дину удалось выиграть одну важную битву у Парвана, в котором его 90-тысячное войско сражалось с монгольским военачальником Шиги Кутуку, но после этого его покинули гуры и афганцы, поссорившиеся с тюрками. С 50 тысячами он дошел до Инда, где его и прижали к реке ниже Пешавара. Все его воины были перебиты или сброшены в воду, но сам Джелаль-ад-Дин спрыгнул на коне с высокого утеса. Потом он сбежал в Пенджаб, где его преследовали без особого успеха. Его сторонники подняли восстания в Герате, Мерве и Балхе, которые монголы подавили после упорной осады. Утверждается, что в Мерве погибло около полумиллиона жителей, а в Балхе остались только бродячие собаки. В 1223 г. Чингисхан отправился домой,

разрушив очередную империю и на время ослабив влияние ислама в Средней Азии.

ДЖЕБЕ И СУБУДЭЙ НА КАВКАЗЕ И НА РУСИ

Войсками, преследовавшими Мухаммеда, руководили Джебе и Субудэй. Они прошли по Северо-Западному Ирану и, взяв Касвин, ушли зимовать в степь Мугнан, на территории Азербайджана. Там их атаковала 10-тысячная конница, посланная царем Армении Георгом IV. Монголы легко разбили это войско и прошли вверх по Куре к Тифлису, где одержали победу над основным войском Грузии, но не смогли взять сам город. Вернувшись в Иран, они захватили и разграбили Хамадан, после чего отправили посольство в Багдад, требуя от халифа дань. Потом они стали готовиться к походу на север, где, как нам сейчас известно, они должны были объединиться с войсками Джучи, которому было приказано двигаться на запад от аральской степи и встретить остальных на Волге. Но этого не случилось из-за болезни Джучи.

Монголы прошли через Грузию, разгромив еще одно войско, потом через Ширван и Дербент, перетаскивая повозки и осадные машины через ущелья по мостам. Победив кипчаков и аланов, они вошли на территорию Украины и Крыма, где провели зиму 1222/23 г. Весной они узнали, что русские собирают войско из разных городов численностью в 82000 и хотят напасть на них под предводительством Мстислава Галичского. Русским должна была помогать 10-тысячная кипчакская конница. Войско Мстислава пересекло Днепр и напало на монголов, не дожидаясь подкрепления с севера и кипчаков. Монголы утомили русских долгим отходом до реки Калки и там на-

несли им тяжелое поражение. Передовой отряд русских войск обратился в бегство и помешал еще не подготовившимся основным частям. Так было разбито первое русское войско, а за ним последовало и второе, которое прибыло, ничего не зная о судьбе первого. Третье войско было осаждено у частокола Киева и загнано в Днепр. После этого Джебе и Субудэю было приказано вернуться на восток. По пути назад они атаковали Волжскую Булгарию. Джебе погиб, но к основным войскам присоединился Джучи. Монголы решили вернуться на Русь с большими силами под предводительством Джучи.

ТАНГУТСКАЯ КАМПАНИЯ И СМЕРТЬ ЧИНГИСХАНА

Теперь Чингисхан был готов отомстить тангутам. Готовясь к встрече с ним, Ашагамбу собрал большую тангутскую армию с войсками союзных тибетцев и цзиньцев. Как и правитель Хорезма Мухаммед, Ашагамбу решил разместить свои силы в хорошо укрепленных городах и не вступать в открытый бой.

Весной 1226 г. Чингисхан, которому в то время исполнилось уже семьдесят два года, прошел от Керулена во главе 10-тысячной армии, в которую входили отряды афганцев и гуров. Несмотря на падение с лошади и жар, Чингисхан продолжал поход и наголову разбил армию тибетцев и тюрков у границ Си Ся. Его войска захватили Эрикаю, второй по величине город царства. В сентябре Чингисхан встретил армию Ашагамбу на затопленной и превратившейся в ледяное поле равнине реки Хуанхэ. Монголы, обмотав копыта своих лошадей тряпками, неслышно приблизились и уничтожили тангутскую армию;

они преследовали ее остатки до Алашаня, где и схватили Ашагамбу.

В начале 1227 г. от болезни умер Джучи. Чингисхан приказал Темугэ поставить на его место сына Джучи, Бату.

Эрикая продолжала сопротивляться в кольце монгольских войск, а тем временем Чингисхан переместился в верхнюю долину Вэй, где смыкались границы тангутов, Цзинь и Южной Сун. Он намеревался вторгнуться в Хунань. Тут ему доставили послание от тангутского правителя, который просил мира. Чингисхан составил договор, согласно которому тангутский царь должен был в течение месяца передать ему Эрикаю и присягнуть на верность.

После этого Чингисханом вновь овладела болезнь и он понял, что его конец близок. Он назначил своим преемником Угэдея; временной правительницей до созыва курултая назначалась Бортэ, а после курултая и до возведения на престол править должен был Толуй. Царя тангутов надлежало казнить сразу, как он прибудет, его подданных – обратить в рабство, а Эрикаю разрушить до основания. Толуй должен был договориться о свободном проходе через территорию Сун с целью нападения на Хунань с тыла.

24 августа Чингисхан умер. Его тело отвезли в Монголию и похоронили в тайной могиле на священной горе Бурхан-Халдун.

МУКАЛИ В КИТАЕ

Пока Чингисхан находился на западе, военными операциями в Китае руководил Мукали, получавший рас-

поражения своего господина. Войска Мукали, насчитывающие предположительно 70000 человек, почти наполовину состояли из киданей и китайцев, служивших в основном осадными инженерами. Войска передвигались по густозаселенным плодородным равнинам, отделенным друг от друга горными цепями, осаждая города и опустошая местность. В ожесточенные битвы они вступали очень редко. Кампания началась осенью 1217 г. наступательными операциями в восточном Хубэе и Шаньдуне, в западном и южном Хубэе и в Шаньси. Цзиньские войска контратаковали в Хубэе, но в 1218 году монголы их оттеснили и в походе на юг по долине Фэнь и среднему течению Хуанхэ покорили Шаньси. Взятый в плен китайский полководец предложил Мукали не допускать грабежей, не убивать всех без разбора и отпустить пленников – таким образом монголам будет только легче завоевывать страну.

В 1221 г. Мукали планировал вместе с войсками Сун пойти в большое наступление и разрушить западный фланг Цзинь. Послы Цзинь вернулись после встречи с Чингисханом на Амударье с требованием вернуть территории к северу от Хуанхэ. Мукали, которого сначала сопровождали тангутские войска (позже покинувшие его), прошел по восточному Ордосу и Шаньси, к западу от Хуанхэ. С большим трудом он одержал победу над двумя цзиньскими армиями, но не мог захватить наиболее важные города. В апреле 1223 г., во время очередного наступления в Шаньси, он скончался.

Преемником Мукали стал его сын Бору, продолживший сражаться в той же местности, пока войска Сун продолжали атаковать с юга. Но в 1228 г. скончался и Бору, не завершив покорения государства Цзинь, которым правил новый император Айцзун. Цзиньцы сопротивлялись

гораздо ожесточеннее всех других государств, на которые нападали воины Чингисхана.

МЕСТО ЧИНГИСХАНА В ИСТОРИИ

Как вождь и завоеватель Чингисхан стоит в одном ряду с Александром Македонским и Наполеоном, хотя действовал он методами своих земляков-кочевников Атиллы и Тимура. Его войска не превосходили противника численностью, хотя благодаря их подвижности у соперников и возникала подобная иллюзия. Своей жестокостью он обязан суровому образу жизни кочевников, у которых было принято после решающего сражения устраивать массовую резню. Он был убежден в том, что ему небом суждено стать правителем всего мира, но ведь даже среди христианских правителей вплоть до недавнего времени было распространено мнение о богоизбранности. Что касается зверств и злодейств, то в недавней истории их было достаточно как в Европе, так и в Азии, причем совершали их люди, воспитанные в цивилизованном мире, а не выросшие в диких степях. Уважение, оказываемое ими таким людям, как Елюй Чуцай и даосский мудрец Чжан Чжунь, которого он вызвал из Северного Китая и с которым беседовал на границе с Индией, доказывает, что, случись ему родиться в ином месте и в иной культурной среде, в историю он вошел бы не только благодаря пролитой им крови.

Глава 3 НАСЛЕДНИКИ ЧИНГИСХАНА УГЭДЕЙ (1229-1241)

После поразительных побед Чингисхана история монголов утратила импульс и ни один из его преемников не мог похвастаться особо выдающимися достижениями в области войны и государственной политики. Однако на протяжении долгих десятков лет монгольская империя великих ханов продолжала оставаться уникальным явлением на территории почти всей Азии.

Своим преемником Чингисхан назначил Угэдея – во многом потому, что тот хорошо понимал людей и был дружелюбно к ним настроен, а это помогало добиться благорасположения со стороны тех, кому предстояло поддерживать систему управления. Елюй Чуцай, понимавший, что ни один другой хан не позволит ему проводить свои реформы, убедил Толуя и Джагатая поддержать Угэдея на курултае 1229 г. в Каракоруме.

Чингисхан разделил свою империю на улусы, которыми должны были управлять его сыновья под руководством Угэдея.

Джучи получил земли к западу от Иртыша и Аральского моря, простирающиеся до Руси; но его сыну Бату (Батыю) еще только предстояло покорить большую их часть. Земли вокруг Амударьи до Монголии и Китая отошли лично Угэдею, за исключением области к востоку от реки Или. Толуй получил во владение собственно Монголию, и под его руководством его дядья Хасар и Те-

мугэ владели Северо-Восточной Монголией и Маньчжурией.

Следующим шагом было определить ход дальнейших завоеваний и завершить нерешенные задачи. В Иране вновь объявился Джелаль-ад-Дин, желавший отвоевать царство своего отца. На Волге предстояло завоевать болгар, а на северо-западе оставались русские княжества, хотя и пострадавшие от нашествия, но не подчиненные. Но наиболее безотлагательной задачей представлялся новый завоевательный поход против империи Цзинь.

Когда китайские послы попросили мира, Угэдей решительно отказал им. Цзиньцы решили защищать долину в нижнем течении Хуанхэ силами крепостей, ряд которых тянулся на юго-запад от Дун-Гуань и которые удерживались 100-тысячным войском. Основная 200-тысячная армия сосредоточилась от Лояна до Пэйчжоу.

В 1230 г. монголы атаковали восточную часть Ганьсу, но получили решительный отпор. Угэдей вернулся к плану отца, согласно которому нужно было обеспечить проход по территории Сун. Власти Сун разрешили монголам пройти. Толуй захватил два прохода, ведущие на восток от долины Вэй, а Угэдей напал с юга на Шаньси. Когда Толуй перешел через Сычуань, монголы, зайдя с юга и с востока на Далян, разбили 150-тысячную армию Цзинь в битве при Гуаньчжоу в 1232 г. Цзиньцы были вынуждены отвести все войска на защиту самого Даляна.

Субудэй начал осаду летом 1232 г. Поначалу монголов сдерживали железные фугасы с порохом, которые взрывались среди их саперов, огненные пороховые ракеты, камни из катапульт и стрелы из духовых труб. Тем временем Угэдей заболел, а Толуй умер. Субудэй взял

все руководство на себя и послал за помощью к сунцам, которые выслали 20000 воинов под командованием Мэнхуна.

Голод и болезни подорвали решимость жителей Даяна. В 1233 г. Айцзун сбежал на восток в Куэйде, а его семью захвативший власть Цуй Луй передал монголам в знак капитуляции. Субудэй перебил всех мужчин семьи, приказал также выдать всех сановников и спросил разрешения перебить остальное население. Елюй Чуцай уговорил Угэдея казнить только представителей царского рода Ван-янь. Айцзун пытался скрыться дальше, но его схватили, и тогда он покончил с собой. Теперь у монголов оказалась общая граница с государством Сун.

В 1234 г. монголы вместе с пленниками отправились на север, разоряя завоеванные земли, пока Елюй Чуцай не положил этому конец. Безответственные сановники посоветовали Ли Цзуну, императору Сун, послать армию на север, чтобы заявить свои права на территории, некогда завоеванные Цзинь. В 1235 г. Угэдей строил планы наказания сунцев, но умер до того, как успел приступить к действиям.

На том же курултае 1235 г. Угэдей решил воевать с Кореей, Ираном, Багдадским халифатом и с русскими княжествами. Формально Корея была завоевана еще в 1218 г., и время от времени монгольские войска совершали на нее набеги. В 1231 г. они вновь атаковали ее после того, как правитель Кореи отказался выполнить их требования. После этого корейские земли поделили между монгольскими чиновниками и вновь подвергли их разграблению. Но основное внимание Угэдея было обращено в другую сторону.

Еще до смерти Чингисхана в Иране объявился Джелаль-ад-Дин, покинувший свои владения в Индии. К 1225 г. он собрал большое количество последователей в Кермане, Ширазе, Хорасане и Мазендеране и выступил против багдадского халифа Назира. Но на стороне Назира выступили тюркские и арабские князья. Тогда Джелаль-ад-Дин пошел на Азербайджан и Грузию. Он выиграл два сражения и занял Тифлис, где перебил многих христиан и оказал покровительство мусульманам.

Монголов предупредили о приближении Джелаль-ад-Дина, но высланные ему навстречу войска были разбиты у Дамгана. В 1228 г. пять монгольских туменов у Исфахана разгромили почти половину вражеского войска, но и сами пострадали до такой степени, что им пришлось покинуть Иран. Едва спасшийся Джелаль снова собрал армию, с помощью которой надеялся покорить Армению и Ирак. Приблизительно в то же время Назир умер и его преемник Мостассем наделил Джелала властью над Ираном, при этом отказав его притязаниям на Ирак. Джелаль попытался договориться с сельджукским султаном Рума (Малой Азии) Какобадом о совместной защите ислама, но они не сошлись во взглядах, и сельджуки присоединились к другим мусульманам в борьбе с Джелалем. Джелаль сбежал в Азербайджан, но получил обещание, что ему помогут, если он двинется против монголов. В это время под Хормаган прибыли три тумена, намеревавшиеся покорить Иран и соседние с ним страны. Многие сторонники постепенно покинули Джелала, и в 1231 г. он был убит одним курдским вождем. Хотя Джелаль-ад-Дин был жестоким и непредсказуемым, а его хорезмийские воины печально прославились зверствами по всему Ближнему Востоку, все же он один оказывал ожесточенное сопротивление монголам.

Монголы, не встретив организованного сопротивления, опустошили Северо-Западный Иран, Северный Ирак, Армению и Азербайджан, собрав необыкновенно большую добычу в Тебризе и обложив ежегодной данью все покоренные земли. В Восточном Ираке, который не восставал против них, монголы поставили своих начальников провинций и оставили мусульман эмирами городов.

В 1238 г. Хормаган и его сын Байджу в жестокой битве победили арабских правителей Ирака. В Армении они взяли Каре и Ани, древнюю столицу, пощадив одних лишь ремесленников и детей, которых увели в плен. Но в 1240 г. армянский царевич Арак добился у Угэдея приказа, согласно которому князьям возвращали их земли. В 1238 г. монголы прошли по кавказской Албании и Грузии и взяли Тифлис. Царице Русудани пришлось найти прибежище в горах Имеретии.

Но наиболее известной кампанией за время правления Угэдея считают повторное вторжение на Русь, предпринятое Субудэем в интересах Бату (Батыя). Кроме своей армии Бату получил по одной пятой от войска каждого улуса. Помимо 50000 монголов у него в подчинении находились 70000 тюрков с монгольскими командирами. Среди его военачальников стоит упомянуть сыновей Угэдея Гуюка и Кадана, а также сына Толуя Мункэ.

В 1236 г. началась операция против болгар и других народностей, проживавших по соседству с русскими княжествами. В 1237 г. основная армия загнала болгар на Русь, а Мункэ напал на куманов (половцев) в нижнем течении Волги и Дона. Зимой 1237/38 г. монголы взяли Рязань, Коломну, Москву, Владимир, Суздаль, Ростов, Ярославль, Переяславль-Новый, Тверь и многие другие города. Они разбили войско великого князя Юрия на реке

Сить, а сам князь Юрий погиб в сражении. Только весенняя распутица помешала монголам дойти до Новгорода и Балтийского моря. Субудэй повернул на юг и прошел по еще не разоренным землям, где можно было найти провиант, до бассейна Дона, где его войска долго отдыхали, пасли своих истощенных лошадей и набирали других у покоренных куманов.

Во время этого отдыха среди некоторых представителей царского рода наметилось некоторое недовольство. Особенно против Бату был настроен Гуюк, которого Угэдей отозвал в Монголию. Став великим ханом, Гуюк остался врагом Бату.

В 1238 г. куманский хан Котян, сбежавший на запад с 2000 мужчин, женщин и детей, получил от венгерского короля Белы разрешение войти в Венгрию, но при условии, что они станут его подданными и примут католичество. Монголам, которые вели сражения на Каме, Оке, на юге Руси и в Крыму, было пока не до куманов, но Бату предупредил венгров о том, что им не миновать расплаты за дружбу с Котяном.

В 1240 г. монголы под предводительством Монгке дошли до Киева. В декабре к осаждающим прибыл Бату и город был взят штурмом. Руководивший обороной князь Дмитрий проявил такую доблесть, что Бату оставил его в живых. Так было покончено с государством, основанным варягами.

Далее монголы пошли по Волыни, Подолью и через Карпаты по направлению к Польше и Венгрии. Бату и Субудэй вели основную армию к главным венгерским городам, Пешту и Грану.

Бела попытался блокировать карпатские перевалы, но монголы прорвались через заставы и вырезали вен-

герские гарнизоны. К середине марта первый тумен подошел к Пешту, разрезав страну на две части, сообщение между которыми стало невозможным. Тем временем группа войск Кадана двумя отрядами вошла на равнину с юга.

На севере войска Кайду одержали победу над польской армией при Хмельнике, а затем разделились на четыре части и сошлись при Бреслау (Вроцлаве). Пятое войско опустошило Литву и Восточную Пруссию.

У Вальштадта близ Лигница силезский эрцгерцог Генрих, возглавлявший войско рыцарей, кавалерии и пехоты Силезии, Польши и Моравии, встретился с монголами прежде, чем успел объединиться с армией Венцеслава из Богемии. На его воинов обрушился град стрел, из засады выскочили монголы и перебили около 30 тысяч. Голову эрцгерцога трижды провезли вокруг Лигница. Венцеслав вернулся со своими 50 тысячами, чтобы присоединиться к армиям Тюрингии и Саксонии. Когда другое войско Кайду вернулось из Литвы и Пруссии, он двинулся на юг, навстречу Бату.

Когда куманы, к тому времени отколовшиеся от венгров, ушли в Болгарию, монголы принялись опустошать местность вокруг Пешта, пока Бела не направился на северо-восток, чтобы вступить в решительную схватку. У слияния рек Шайо и Тисы он обнаружил укрепленный в лесу лагерь Бату. Но прежде чем он успел напасть, монголы перешли по единственному мосту через Шайо и окружили венгерский лагерь у Мохи. Они обстреливали лагерь ядрами и горящими стрелами, пока венгры не бросились бежать. Беле удалось спастись, но другие полководцы погибли.

Захватив всю Венгрию, монголы поделили ее между собой, выпустили свою монету и назначили чиновников, словно подготовившись к постоянной оккупации. Они оставались здесь до 1241 г., и все европейские правители решили, что Венгрия потеряна навсегда. Бату преследовали по Хорватии и Далмации до острова Тран в Адриатическом море. Но схватить его преследователи не успели, так как получили приказ вернуться назад. Заодно прекратились и набеги на Австрию и Богемию. К Бату приехал курьер и привез сообщение о смерти Угэдея.

Угэдей умер 11 декабря 1241 г. Согласно установленному обычаю Бату должен был присутствовать при выборах нового великого хана. Нехотя он двинулся вниз по Дунаю, прошел через Болгарию и Россию, позволив части своих войск разграбить Албанию, Далмацию и Сербию. Таков был итог самого западного похода монголов. Смерть Угэдея спасла Западную Европу от нашествия, которое, сложись обстоятельства иначе, несомненно доказалось бы до Атлантики.

Угэдей подорвал здоровье чрезмерным употреблением вина (что, впрочем, обычно для всех монгольских ханов, за исключением Чингисхана). Для цивилизации оказалось благом, что он был менее предан традиции, в отличие от Джагатая, который лично следил за выполнением Ясы во всех деталях. Угэдей к тому же часто прислушивался к советам чужеземных чиновников.

При Угэде монголы постепенно начали переходить к гражданскому правлению. Во всех завоеванных государствах они вводили свои порядки, которые дополняли, но не отменяли большинство прежних – так, чтобы только поддерживать власть великого хана и не слишком менять сложившуюся систему на низших уровнях. Среди

степных кочевников были распространены сходные с монголами обычаи – и потому они легко вливались в механизм гигантского государства.

К моменту смерти Угэдея империя объединила всех кочевников северных степей. Всего собственно монголов тогда насчитывалось около миллиона, включая женщин и детей. За пределами Монголии в основании государства находились тюрки и другие кочевники, из числа которых набирались простые воины. Каждый из сыновей Чингисхана (за исключением верховного правителя Угэдея) управлял своим великим улусом, но мог набирать войска и получать прибыль и из других улусов. Таким образом центральная власть объединяла все области империи. Кроме того, у каждого (и у великого хана в том числе) имелись личные земли, «индже», предоставлявшие все необходимое для содержания двора; свои земли были и у младших представителей Золотого рода, а крупные нойоны получали наделы, которые назывались «куби». Обычно индже представлял собой участок степи, но если там находились постоянные поселения, то князь получал только часть налогов, а оставшееся отправлял великому хану. При этом князья и нойоны могли полностью распоряжаться другими ресурсами своих владений.

Ниже ханов областей стояли нойоны различной степени, непосредственно управлявшие туменами хозяйств, учрежденными в последней стадии завоевания. На территориях кочевников гражданская и военная власть почти не различались, поскольку все взрослые кочевники автоматически становились воинами. В оседлых землях административную власть исполняли «даругачи» (по-тюркски «баскаки»), собиравшие налоги и следившие за порядком. У них в подчинении находились местные

войска, но при необходимости они могли попросить монгольского военачальника о помощи.

Весьма существенной частью гражданской службы была имперская почта, или «ям». Служащие почты перевозили приказы и донесения, на почтовых станциях предоставляли транспорт для переезжающих чиновников и иностранных послов. На каждой почтовой станции держали определенное количество лошадей, кобыл с жеребьями и овец для мяса; чиновники, имевшие как знак власти особые таблички «пайцы», сменяли здесь лошадей, оставляя уставших и пересаживаясь на новых.

Налоги состояли из ежегодной дани монголам; кроме того, купцы и ремесленники регулярно предоставляли денежный налог «тамга»; кочевники и скотоводы выплачивали головами скота «копчур», а с земледельцев взималась пошлина «калан».

Среди высокопоставленных чиновников у Угэдея служили Елюй Чуцай, уйгур Чинкай и тюрок-мусульманин из Хорезма Махмуд Ялавач. Елюй Чуцай заведовал проведением экзаменов на занятие должности, которые по китайскому образцу проводили даже среди пленников и рабов. Таким образом ему удалось освободить около 4000 образованных пленников, ставших судьями или чиновниками. Елюй Чуцай лишал местных правителей самовольно присвоенных ими привилегий и судил за растрату общественных средств как за высшее преступление. Кроме того, он сформировал систему судов, подчиняющихся верховному суду; основал школы, в которых дети монголов получали китайское образование; ввел единую систему мер и весов и даже попытался сделать бумажные деньги единым платежным средством. Правда, многие из

этих типично китайских порядков были приняты только на востоке империи.

ГУЮК (1246-1248)

Хотя Угэдей назначил своим преемником внука Ширамуна, вдова Угэдея, Торегенэ, два года правила самостоятельно, а затем поставила правителем своего сына Гуюка, вопреки воле Бату и других. Во время своего регентства она сместила с главных постов Елюя Чуцая (вскоре умершего), а также Чинкая и Махмуда и назначила главным советником другого мусульманина, Абд-ар-Рахмана.

Во время ее правления заболевшего Хормагана сменил на посту его сын Байджу, победивший сельджукского султана Килиджа Арслана в битве при Козе-даге и заставивший его сдаться. Правитель Малой Армении Хетнум также поклялся в верности монголам, так что теперь Монгольская империя достигла Средиземного моря у берегов Киликии. На западе Бату, которому подчинились русские князья, устроил свою столицу в стоящем на Волге городе Сарае. Формально Бату подчинялся великому хану, но на самом деле он никогда не присягал на верность Гуюку.

В 1246 г. орхонский курултай окончательно утвердил Гуюка верховным правителем. Карпини описывает, как правителя поднимали вместе с женой на большом ковре из войлока, пронесли между собравшимися представителями знати, военачальниками и послами, а затем посадили на золотой трон. Гуюк отличался от Угэдея тем, что был довольно скуп, жесток и неулыбчив. Он казнил Абд-ар-Рахмана и вновь поставил советниками Чинкая и Махмуда. Для европейцев он представлял интерес преж-

де всего тем, что вел дипломатические переговоры с папой.

Папу Иннокентия IV и христианских правителей Европы приводили в ужас методы Бату, но поскольку монголы повели решительное наступление на мусульман, то европейцы надеялись на то, что монголы присоединятся к новому крестовому походу. Некоторые христиане все еще верили в легенду, распространяемую, по всей видимости, несторианами, о великом христианском правителе, пресвитере Иоанне, который готовится напасть на сарацин с востока. В любом случае союз с монголами казался необходимым условием спасения христианства, особенно учитывая вражду между папами и императорами. В июне 1245 г. в Лионе был проведен собор, на котором говорили о единстве христиан и о возможной защите перед нашествием монголов. По своему собственному признанию папа Иннокентий отправил к монголам четыре посольства, из которых два возглавляли францисканцы и два доминиканцы. Плано Карпини возглавлял дипломатическую миссию в 1245-1247 гг. Его сообщения дополняют сообщения другого монаха, Бенедикта. Хотя ценные сведения добыли все послы, особый интерес для нас представляет ответ Гуюка и совет, который Карпини дал папе после своего возвращения. Предполагалось, что письмо папы великому хану должен доставить Бату, но Бату настоял на том, чтобы Карпини сам проделал весь путь.

В письме, которое перевозил Карпини, монголов осуждали именем Христа за все их зверства и предупреждали о том, что они навлекут на себя гнев Господа, если не прекратят резню. Кроме того, их спрашивали о причинах такого поведения и о том, что они намерены предпринять в будущем. Гуюку, по всей видимости, было

известно и о содержании другого письма, которое перевозил португальский доминиканец Луис. В нем монголов призывали признать Иисуса Христа и почитать его христианским богослужением под руководством святых братьев. Письмо папы пришлось перевести с латинского на персидский и только затем на монгольский. Ответ Гююка переводили в обратном порядке. Но папа и великий хан не понимали друг друга не только из-за того, что говорили на разных языках. Гююк решил, что письмо папы пришло от верховного правителя, которому подчиняются все остальные князья и вассалы, и что этот правитель требует подчинения и от него. Здесь стоит привести наиболее примечательные отрывки из его послания:

«Кроме того, ты сказал, что для нас лучше всего будет принять крещение. Ты лично написал мне об этом, высказав требование. И я не могу понять этого требования. Помимо требования, ты написал следующие слова: «Ты напал на земли мадьяр и других христиан, чему я крайне изумлен. Поведай, в чем они провинились?» Эти слова мы также не можем понять. Чингисхан и Угэдейхан сообщили им Повеление Небес. Но те, о ком ты говоришь, не подчинились Повелению Небес. Те, о ком ты говоришь, задумали злодеяние: они проявили дерзость и казнили наших послов. Поэтому Вечное Небо наказало и погубило этих людей на этих землях. Если не по Повелению Небес, то как может кто-либо покорять и убивать одной лишь своей силой?

И когда ты говоришь: «Я христианин, я молюсь Господу. Я предъявляю обвинение другим и презираю их», то откуда тебе знать, кого Бог прощает и кому Он дает свое благословение? Откуда тебе это известно настолько, что ты говоришь такие слова?

Благодаря милости Вечного Неба нам дарованы все земли от восхода до заката. Разве можно действовать как-либо иначе, чем подчиняясь Повелению Неба? Отныне ты должен объявить от всего сердца: «Мы согласны стать вашими подданными и передать все наши силы в ваше распоряжение». Ты лично как глава всех правителей и все они без исключения должны оказать нам услугу и присягнуть нам на верность; только после этого мы признаем вашу покорность. Но если ты не покоришься Повелению Небес и пойдешь против нас, мы дадим тебе знать о том, что ты стал нашим врагом. Вот что мы тебе сообщаем. Если ты не станешь подчиняться нашим приказаниям, то мы не сможем сказать, что с тобой будет. Об этом знает только Небо».

Вернувшись, Карпини сообщил, что монголы намерены покорить весь мир, и посоветовал всем христианам объединиться и встретить монголов лицом к лицу в битве. Он рассказал о хитростях, какие монголы применяют во время сражений, и предложил спрятать все драгоценности в пещерах.

Приблизительно в то же время были посланы миссии Асцелина (или Эццелино) Ломбардского и Андре де Лонжумо, но они не продвинулись дальше Ближнего Востока.

В 1245 г. Асцелина послали в лагерь Байджу, располагавшийся в Муганской степи. Это путешествие заняло два года, и трудности, вероятнее всего, возникли при прохождении через мусульманскую Сирию. В Тифлисе к посольству присоединился Гишар Кремонский из доминиканского монастыря, основанного там в 1240 г. Асцелин провел два месяца у Байджу, который хотел послать его дальше в Монголию, но разгневался, когда монах ответил

отказом. Еще более Байджу разгневался, выслушав упреки папы и требование принять христианство. Он ответил, что монголы никогда не станут собаками, подобно христианам и их папе. Несколько раз он угрожал послам смертной казнью. У себя он удерживал их до тех пор, пока точно не узнал, пересекают ли франки Сирию для очередного крестового похода и прибывает ли из Монголии Эл-джигидей для похода против мусульман. Наконец Асцелин и его спутники получили приблизительно такое же письмо с ответом, что доставил Карпини. Они отправились домой, и в пути их сопровождали два монгольских посла: Айбек (вероятно, уйгур) и несторианин Саргис. Папа принял этих послов с почестями и вместе с ними отправил очередное письмо с возражениями и сожалениями.

Андре де Лонжумо послали в 1245 г. с приказанием прибыть в Тебриз и не отправляться дальше. Поскольку он знал арабский язык, его хорошо приняли арабские правители Баальбека и Хомса, но для того, чтобы достичь монгольской территории, не выдавая своих замыслов, ему пришлось проделать немалый крюк через Мертвое море и Верхнюю Месопотамию до Мосула. По прибытии в Тебриз он встретился с известным несторианином, монахом Раббаном Ата, но о его переговорах с монголами ничего не известно. Андре привез письмо папы Раббану Ата с просьбой содействовать объединению христиан Европы и Азии. Раббан Ата был уважаемым другом Ван-хана и Чингисхана, спасшим многих восточных христиан от преследований со стороны монголов и фанатиков-мусульман. В своем ответе он посоветовал папе прекратить вражду с императором Фридрихом II, особенно после того, как пало Иерусалимское королевство и многих христиан вырезали.

К этому времени монголы уже были готовы сотрудничать с христианами в походе против мусульман. Элджигидей, которому приказали напасть на Багдад, рассчитывал, что если Людовик IX нападет на Египет, как и было задумано, то это отвлечет султана Айюбидов и его воинов-мамлюков и они не придут на помощь халифу. Поэтому в 1248 г. он отправил из Мосула посольство во главе с двумя несторианами, Давидом и Марком, которые должны были подождать Людовика в Никосии на Кипре. Андре играл роль переводчика. В письме Элджигидея, составленном, по всей видимости, его секретарем-персом, не чувствуется обычной заносчивости. Напротив, Людовика там прославляют и называют «мечом Христа», возлагают большие надежды на его победы в Азии и утверждают, что христиане под правлением Гуюка наслаждаются свободой вероисповедания вне зависимости от конфессии. Людовик, в свою очередь, послал к Элджигидею и Гуюку посольства с письмами и дарами. Оба высокопоставленных монгола должны были получить по частице креста, а Гуюк вдобавок к этому часовню-шатер, украшенную вышивкой со сценами из жизни Христа.

Но пока Андре находился в пути, Гуюк умер. После встречи с Элджигидеем, который уже не исполнял обязанности представителя великого хана, Андре со спутниками направились в орду Огуль-Гаймыш, регентши-вдовы, к востоку от озера Алакуль. Вдова хана приняла их как вассалов, доставивших дань, и потребовала приводить дары ежегодно. При этом она ничего не сказала о возможном обращении в христианство или о военном союзе. Письмо Элджигидея оказалось неискренним, и выяснилось, что Гуюк строил те же планы, что и другие монгольские ханы до него.

На западе прежде всего Гуюк хотел подчинить Бату. В 1248 г. он отправился на запад через улус Бату, где предполагалось пополнить войска. Суркуктени, вдова Толуя и мать Мункэ, предупредила Бату, и тот с большим войском отправился на восток. Но прежде чем два войска встретились, Гуюк, который к тому времени тяжело болел, неожиданно скончался.

МУНКЭ (1251-1259)

После смерти Гуюка вновь встал вопрос о престолонаследии. Хотя регентшей стала Огуль-Гаймыш, Суркуктени со своими сыновьями встала на сторону Бату, который созвал курултай в ее лагере. Курултай предложил передать трон Бату. Но Бату не хотел возвращаться в Монголию и назвал ханом своего верного друга Мункэ, сына Толуя. Его решение утвердили на новом курултае 1251 г., собранном у подножия горы Бурхан-Халдун. Теперь ведущая роль перешла к дому Толуя; при нем у монголов появилось несколько способных правителей, но им также пришлось столкнуться и с новыми опасностями.

Мункэ был строгим и требовательным правителем, пытавшимся возродить среди монголов былую простоту нравов. Он обложил население умеренными налогами, отменил долги и ввел прогрессивный подоходный налог. Доходы провинций шли на содержание местных войск и почтовых станций. Правители-вассалы должны были выделять войска только в качестве дани. А так как Мункэ воспитывала Суркуктени и он изучал методы управления Елюя Чуцая, то новый правитель имел кое-какое представление и о цивилизации. Как писали иностранные послы, он окружил себя мудрецами и намеревался построить в Каракоруме обсерваторию. Он потребовал, чтобы

персидские, уйгурские, китайские, тангутские и тибетские чиновники составили словари своих языков. При его дворе постоянно находились послы со всех частей света и представители всех религий, службы которых он постоянно посещал.

При этом внешнюю завоевательную политику он проводил в духе Чингисхана. В Китае предстояло завоевать империю Сун, на западе – до конца покорить Иран и подчинить багдадского халифа. Но улус Бату он рассматривал только как источник дополнительных войск. Младший брат Мункэ, Арик Богэ, наблюдал за порядком в Монголии.

Что касается Китая, то решения 1235 г. мало влияли на положение дел, пока в 1246 г. не умер Мэнхун и его не сменил ставленник хана.

В Сычуани, в верхнем течении Янцзы, а также в Хунани и Хубэе продолжали оставаться монгольские силы. В 1251 г. был разработан новый план действий, осуществлять который предстояло Хубилаю, самому способному из братьев Мункэ, которого поставили над всеми китайскими территориями к югу от Гоби. Хубилай воспитывал ученый-конфуцианец Яо Чи; оставив Каракорум, Хубилай продолжал советоваться с ним и с другими китайскими учеными и чиновниками. Он даже назначил другого ученого, Чжао Би, воспитателем монгольских юношей в духе конфуцианства и заставил его выучить монгольский, чтобы перевести на него китайские книги.

Хубилай не слишком стремился нападать на основной центр китайской культуры, но считал, что государство Сун не заслуживает права на существование и что Китай следует объединить под властью монголов. В 1252 г. он выступил в поход вместе с Уриангадаем, сы-

ном Субудэя, в качестве полководца, намереваясь убивать как можно меньше людей. Война должна была начаться с нападений на Сычуань и Юньнань, для чего Хубилай прошел по тангутской территории до западной части Шаньси и восточной Ганьсу.

Хубилай продвигался во главе основного 70-тысячного войска по бассейну верхней Янцзы на запад, через очень горную часть царства Дали. Царь Дуань Син-ци потерпел сокрушительное поражение и прибыл в Каракорум присягнуть на верность монголам. Мункэ пощадил его и позволил по-прежнему управлять Дали как вассальным государством, послав в столицу своего ставленника. Государство Дали впервые стало частью Китайской империи. Хубилай не позволил своим войскам учинить обычную резню.

Когда Хубилай отправился на север, Уриангдай покорил народность мань в верхнем течении Янцзы, а также племена тай и шань за ними. Таким образом он овладел провинцией Юньнань, которая до этого никогда не была частью Китая, и в 1256 г. удостоился похвалы со стороны самого Мункэ. Вернувшись на юг, он прошел по бывшей китайской провинции Цзяо-ци, в то время бывшей независимой, как и государство Аннам, пребывавшее под властью династии Трань. К 1258 г. весь юго-запад Китая вместе с этими царствами перешел под власть монголов и у Сун остались земли только на юго-востоке.

К этому времени Мункэ принял судьбоносное решение перенести столицу империи из Каракорума в другое место, хотя оно и не было выполнено при его жизни. Подыскать подходящее место он поручил Хубилаю. Хубилай, как и следовало ожидать, обратился к своим китайским советникам и сначала выбрал Лункан к северо-во-

стоку от Долоннура, где у цзиньцев располагался замок. Он назвал его Шанду и позже сделал своей летней резиденцией. При монгольском дворе Хубилая обвинили в том, что он защищает интересы китайцев и готовит заговор. Но когда он приехал в Каракорум для оправданий, Мункэ встретил его довольно добродушно и обвинения были сняты. Тем не менее против Хубилая были настроены многие высокопоставленные монголы, которые позже развязали гражданскую войну.

В 1257 г. было решено разрушить сунскую столицу Линьянь (совр. Ханчжоу). В качестве повода вспомнили о том, что в 1241 г. здесь плохо приняли послов Угэдея. Войсками руководил сам Мункэ, оставив в Каракоруме Арика Богэ. Он дошел во главе основной армии до Сычуань, тогда как одна из армий под командованием Хубилая прошла вдоль Янцзы до Линьяня, а другая до Цзиньшаня, чтобы отвлечь часть сунских войск. Уриангдай должен был пройти на северо-запад и встретиться с Хубилаем затем, чтобы совместно напасть на Сун с юга и северо-запада.

На своем пути монголы встретили неожиданно сильное сопротивление со стороны сунцев, которые воздвигли оборонительные укрепления в Цюаньси на реке Лун. Фаворит императора Ли Цзуна, Дун Нацзюань, ничего не докладывал своему господину о состоянии войск на западе, пока в 1258 г. его не казнили. Монголы с некоторым трудом покорили Чжэньду и другие западные области. Осада Хочжоу в Цзялине задержала Мункэ на целое лето, там он заболел и 11 августа 1259 г. умер.

Монголы решили, что необходимо вернуться домой и созвать курултай. Одержав победу, Хубилай объявил перемирие с требованием выплатить дань. До него

дошли слухи о том, что Арик Богэ в Каракоруме, послал войска в Лункан и хочет объявить себя великим ханом. Хубилай направился на север, чтобы защитить свои владения.

Великим деянием во время правления Мункэ было также покорение Западной Азии. В 1255 г. Мункэ отправил на запад своего брата Хулагу во главе (предположительно) 129-тысячной армии монголов и тюрков (около одной пятой всех монгольских войск). По пути из Джунгарии до Амударьи с пастбищ согнали кочевников с их стадами, а из Китая вызвали инженеров и специалистов по осадным машинам. В сентябре Хулагу достиг Самарканда и собрал 20000 человек под командование Кетбогэ, чтобы напасть на ассасинов в Северном Иране.

Он созвал всех правителей подчиненных ему земель, чтобы они принесли ему присягу. На зов откликнулись два сельджукских султана Рума и правители Герата, Фарса, Ирак-аль-аджема, Хорасана, Азербайджана, Шиврана и Грузии, но при этом отказались подчиниться Алад-дин Мухаммад, шейх ассасинов, и Мостассем, новый халиф Багдада.

Хулагу решил при первой же возможности напасть на ассасинов. У этой секты фанатиков-исмаилитов имелись преданные «федайины», которые готовы были убить любого, кто встанет у них на пути. Покорить ассасинов пока не удавалось ни одному правителю. Предполагалось, что из своей центральной крепости Аламут в Кухистане они контролируют 360 горных крепостей в Северном Иране и далее на запад.

Зима задержала продвижение Хулагу, и он послал новому шейху, Рох-ад-Дину Хуршаху, сыну и убийце Мухаммеда, послание с требованием сдаться. Когда в назна-

ченное время Хуршах не прибыл, Хулагу послал три колонны для осады крепости Маймундиз. После осады и голода Хуршах был вынужден сдаться и приказал разрушить свою крепость. Со временем были взяты или разрушены остальные крепости ассасинов в Северном Иране, в том числе и Аламут, осада которой длилась три года. Хулагу отослал Хуршаха к Мункэ, который приказал казнить его по дороге.

В 1257 г. Хулагу был готов выступить на Багдад. Он послал угрожающее письмо с требованием сдаться, на которое Мостассем ответил гневным отказом. Хулагу пришел в ярость и объявил о предстоящем вторжении. Халиф, считавший, что его защищает сам Бог, прислушался к советам одного из своих министров, «маленького деватдара» Мунджахида-ад-Дина Аибека, который убеждал его в необходимости стоять на своем до конца. При этом халиф не обращал внимания на предупреждения своего визиря, Мувейд-ад-Дина, и обвинил его в пособничестве монголам. Полководец Сулейман-шах собрал большую армию, но скупой Мостассем не платил воинам жалованья пять месяцев, пока они не подняли мятеж.

В 1257 г. Хулагу двинул войска с северных иранских гор, в то время как Хормаган и Байджу шли с запада, со стороны Рума. Подкрепление ожидалось и со стороны улуса Джучи.

Армия халифа под командованием Фатх-ад-Дина Ибн Керра, располагавшаяся на восточном берегу Тигра, пересекла реку, чтобы встретить Байджу и Богэ Тимура. Монголы разрушили плотину и затопили равнину позади врага. Потом они атаковали войска халифа и обратили их в бегство, убив 120 тысяч и еще больше утопив в грязи. «Маленькому деватдару» с несколькими приближенными

удалось убежать в Багдад, но люди Байджу достигли западного пригорода, а в начале 1258 г. Хулагу и Кетбогэ завершили окружение с востока.

Монголы осаждали город, окруженный рвом и стенами, пока не пробили восточную стену у Персидской башни. Халиф запросил мира, но послов прогнали обратно и в течение шести дней обстреливали город камнями и бревнами с гор. Через стены пускали стрелы с обещаниями, что всякий, кто сложит оружие, будет пощажён. Когда Персидская башня обрушилась, монголы штурмом взяли вал, заняли всю восточную часть города и схватили всех, кто пытался спастись бегством на лодках. Увидев монголов на стенах, халиф сдался. Монголы перебили его военачальников и личную гвардию, а также ещё 8000 человек. Халифа заставили показать сокровища, накопленные за пять столетий, которые перевезли в лагерь Хулагу, а потом его затоптали насмерть копытами лошадей.

Бывшего визиря назначили правителем и приказали восстановить разрушенные постройки. Другие города безропотно сдались. У монголов образовался немалый запас драгоценностей. Награбленное перевезли в Азербайджан, где Хулагу намеревался учредить свою «орду». Три пятых добычи он обещал Мункэ. Перейдя в Сирию, монголы взяли Алеппо и перебили все его население, за исключением ремесленников. Дамаск и вся Сирия покорились им.

Но когда Хулагу собирался напасть на султана Египта, пришло известие о смерти Мункэ. Хулагу отправился на восток, оставив Кетбогэ продолжать операцию с относительно малыми силами.

Помимо всего прочего, что происходило в период правления Мункэ, стоит упомянуть о дипломатических отношениях с католической Европой. Здесь ключевой фигурой является Вильгельм Рубрук, который в 1253 г. отправился с миссией по приказу Людовика IX. Ему, как и Карпини, не приказывали ехать в Монголию, но его направил туда Бату. Когда в 1254 г. Рубрук достиг орды возле Каракорума, устав от верховой езды и страдая от простуды, он обнаружил, что Мункэ проявляет исключительно праздный интерес к христианству и что он, посол, должен еще и участвовать в диспуте с представителями других религий. В 1254 г. он отправился в обратный путь и привез с собой письмо от Мункэ Людовику IX, которое как и письмо Гуюка папе Иннокентию IV, заканчивалось следующим образом:

«Пошлите нам ваших послов, и так мы узнаем, намереваетесь ли вы сохранять с нами мир или развязать с нами войну. Когда могуществом Вечного Бога весь мир, от восхода до заката солнца, станет единым, счастливым и спокойным, то нам будет объявлено о том, как мы должны будем поступить, но только если вы поймете повеление Вечного Бога и подчинитесь ему, а не будете говорить: «Наша страна далека, наши горы высоки, наше море широко». И если вы в своей самоуверенности начнете с нами воевать, Вечный Бог, который делает все сложное простым и делает близким все далекое, будет знать о том, что мы уверены в своих силах».

Людовик пожалел о том, что попытался общаться с монголами, не говоря уже о том, чтобы обратить великого хана в христианство. Но Европу в очередной раз спасло то, что Хубилай, который сам себя избрал великим ханом в Кайпине, вынужден был вести гражданскую войну с Ариком Богэ, избранным в Каракоруме. С тех пор среди

монголов уже не было того единства, которое наблюдалось при Чингисхане.

Описание единой Монголии нельзя завершить без описания ее столицы, Каракорума. Повествование Рубрика теперь можно дополнить материалами советской экспедиции, которая вела частичные раскопки участка в 1948-1949 гг. Экспедиция обнаружила остатки зданий, черепиц, архитектурных украшений, керамики, монет и металлических изделий. Это свидетельствует о том, что Каракорум, помимо административного центра, был важным центром торговли и промышленности. Сам город был построен монголами, как и Сарай на Волге, что представляет особый интерес.

Скорее всего, сам Чингисхан на бывшей территории найманов выбрал место для центрального военного лагеря и арсенала.

Но строительство собственно города и зданий вели по приказу Угэдея, который также приказал построить дворец. Каракорум располагался у южного склона нагорья Хангай, в верхнем течении Орхона, у правого его берега. Эта область в течение столетий была одним из центров кочевничества, и иногда, как, например, во времена тюркских ханов, здесь даже занимались земледелием. Точное расположение Каракорума, забытое в течение нескольких веков, удалось уточнить. Раскопки предоставили доказательства, подтверждающие точность древних описаний и хроник, особенно свидетельство Рубрика.

Согласно Рубрику город вне дворца казался совсем не примечательным. В нем было два основных квартала – один сарацинский, в котором располагались рынки и проживали купцы, привлеченные близостью двора и множеством послов, а другой – китайский, в котором обитали

ремесленники. Кроме этих кварталов, были еще огромные дворцы, где работали придворные чиновники. В городе насчитывалось 12 храмов со святилищами различных божеств, две мечети и одна христианская церковь, которую окружала толстая кирпичная стена с четырьмя стенами. У восточных ворот располагался рынок, где продавали просо и зерно; у западных ворот продавали овец и коз; у южных – быков и повозки; у северных – лошадей.

Двор великого хана окружали толстые кирпичные стены. Внутри находился дворец, построенный по образцу храма с центральным нефом и двумя крыльями, каждое из которых ограничивали два ряда колонн. Хан восседал на ложе, стоявшем на помосте у северной стены и доступном взгляду любого посетителя. На помост вели две лестницы: по одной вносили кубки, а по другой уносили. Пространство между лестницами и серебряным деревом (см. ниже) было пустым, чтобы там могли пройти чашеносцы и послы, доставившие дары. Справа от великого хана, на особой террасе, восседали его сыновья и братья, а слева – его жены и дочери, за исключением старшей или любимой жены, сидящей рядом с ним.

Возле дворца, подобно амбарам, располагалось несколько длинных зданий, в которых хранились продукты и сокровища. Перед входом, где казалось недостойным проносить мехи с молоком и напитками, стояло серебряное дерево, сделанное захваченным в плен ремесленником Гийомом Парижским. У его подножия сидели четыре серебряных льва, из пастей которых через трубы струилось белое молоко кобылиц. Четыре трубы шли по стволу дерева до вершины, и оттуда напитки стекали в рот золотых змей и вытекали через их хвосты. По одной трубе текло вино, по другой очищенный кумыс, по третьей «бо-

ал» – медовый напиток, и по четвертой рисовое пиво. Они накапливались в серебряных чанах на конце каждой трубы. На вершине дерева стоял серебряный ангел с трубой. В потайной камере у подножия дерева находился человек, который дул в трубу ангела всякий раз, как главному виночерпию требовались напитки; со стороны казалось, будто это дует ангел. Услышав сигнал, кравчие в хранилищах наливали в трубы соответствующие напитки. Подобная церемония устраивалась дважды в год – во время весеннего и осеннего пиров.

В китайских документах Каракорум называется Хо-линь. Согласно китайцам, дворец Угэдея был построен в 1235 г., за год до сооружения городской стены, которая защищала накопленные богатства и служила барьером перед таможенными постами. Рашид сообщает, что Угэдей, построив двор и канцелярии чиновников, решил, что его братьям и сыновьям следует поставить рядом свои дворцы. По дороге из дворца завели почтовые станции, а в хранилищах дворца было достаточно места для 500 повозок с едой и напитками, которые ежедневно доставляли в столицу из провинций.

Два года раскопок, разумеется, недостаточный срок для исчерпывающего исследования, но благодаря им удалось многое прояснить в истории города. Основные раскопки велись на месте дворца и примыкающих к нему зданий, но некоторые – и в самом городе.

Именно они показали, что стены не представляли собой серьезного оборонительного сооружения. Ширина едва достигала метра, а глубина – полтора метров. Высота стен не превышала двух метров, хотя вдоль ее верха шла плетеная изгородь. К тому времени монголы

достигли такого могущества, что им для защиты не требовались оборонительные сооружения.

В плане город слегка вытянут, длина с севера на юг составляет 2500 м, а ширина – 1500 м (слегка уменьшаясь к югу).

Раскопки восточных ворот, через которые шла дорога на Китай, обнаружили остатки пригорода, тянувшегося по обеим сторонам дороги. В его восточной части находится одна из гранитных черепаш, выполненных по китайскому образцу, на которых некогда стояли колонны, – возможно, с надписью для путешественников. Поблизости располагаются остатки длинного строения 6-7 м в ширину, идущего от ворот внутрь. Такой коридор мог препятствовать проходу, и из него можно было наблюдать за посетителями города. В высоком здании основных ворот найдены остатки массивных деревянных колонн (около полуметра в ширину), которые покоились на каменных основаниях. Стены его, по всей видимости, состояли из вертикальных брусьев толщиной около 20 см. У входа, где стояли стражи, была обнаружена прекрасно сохранившаяся кирпичная печь с круглым отверстием, из которого теплый воздух с дымом поступал под каменные плиты всего здания. Было найдено очень много костяных фишек для игры, которой, очевидно, увлекались стражники. Во время раскопок 1950 г. южнее был обнаружен целый склад металлических изделий, в основном сельскохозяйственных инструментов.

В центре города располагалось большое и сложное здание, названное «Домом у перекрестка». Наиболее сохранившиеся его участки выходили на заднюю улицу: они дважды сгорали и их дважды восстанавливали в том же стиле. Крышу покрывала черепица ярких цветов, а

притолоки украшали глиняные фигурки рогатых драконов; снаружи и изнутри стены покрывала штукатурка с росписью и изображениями цветов, бабок (суставов животных) и иероглифов. Отапливалось здание таким же образом, как и сторожевое помещение восточных ворот. На небольшом пространстве нашли десять печей для выплавки металла. Среди предметов, произведенных в них, нашли втулки для огромных колес, перевозивших осадные машины и шатры великого хана. Некоторое количество котлов на ножках несомненно предназначалось для нужд армии; кроме того, там нашли наконечники для стрел и сабли.

Образцы чугуна послали в Московский институт стали для анализа, и там установили, что такой чугун невозможно отлить с применением ручных мехов. Необходимую тягу для такой температуры могли получать при помощи мехов, соединенных с водяными колесами. Их приводила в движение вода, поступавшая по каналу из Орхона*[Об изобретении китайцами белого чугуна см.: L. Aitchison, *A History of Metals*, Vol. I, 236, где говорится, что изобретение было сделано в I столетии н. э. О деталях китайских механических мехов, приводимых в движение водяным колесом вроде того, что было найдено в Каракоруме, см.: J. Needham, *Science and Civilization in China*, Vol. 4, Part 2, Section 27 (1965), 369, *The Metallurgical Blowing-Engines of the Han and Sung*, с иллюстрациями 602 и 603, изображающими воздуходувную машину. Она состоит из горизонтального водяного колеса с веслообразными спицами на вертикальной оси и приводится в действие падающей водой. На той же оси имеется колесо, соединенное ременной передачей со шкивом. На оси шкива расположен кривошип, соединенный с поршнем, который поднимает и опускает лопасти мехов. Должно

быть, в Каракоруме воду отводили из реки выше по течению, чтобы вода падала с достаточной высоты.]. Остатки канала и прудов можно различить до сих пор. Под остатками кузниц обнаружены каналы, по которым мог под давлением поступать воздух. Возле кузниц нашли печати со словом «иджи», что значит «приказано» или «установлено» – знак царской власти.

Было также найдено большое количество керамических изделий, некоторые из которых просто серые, другие украшены светло-коричневым, оливковым, темно-синим и голубым орнаментом. Гончарные изделия изготавливали горшечники и ремесленники из Китая. Кроме того, экспедиция обнаружила торговые весы и большое количество китайских монет разного времени и достоинства. Плужные лемеха и отвалы свидетельствуют о том, что местные жители занимались обработкой земли, а большое количество костей животных говорит о том, что здесь забивали скот.

Основной целью раскопок был дворец и прилегающие к нему участки.

Дворец был построен на искусственной насыпи, которая сейчас выглядит как пологий холм, состоящий из чередующихся слоев земли и песка, сжатых до такой степени, что их тяжело раскапывать даже киркой.

Дворец стоял посреди четырехугольного двора, ориентированного с северо-запада на юго-восток. Его окружали стены высотой 4-5 м из глины, песка и гальки, предположительно выложенные кирпичами (хотя от кирпичей сейчас не осталось и следа). Всего было три ряда стен. Внешняя охватывала пространство длиной 250 м с северо-запада на юго-восток и 225 м в ширину.

Большой холм, где стоял сам дворец, в длину с севера на юг имеет 80 м, а в ширину 55 м. Его высота некогда достигала 3 м. Рвы на поверхности указывают на расположение стен дворца-прямоугольника 45 x 35 м. На запад и восток от дворца, параллельно ему, расположены холмы поменьше, достигавшие некогда в высоту 2,5 м, в длину 30-40 м и в ширину 25-30 м. Вероятно, это остатки складов, о которых писал Рубрук.

К востоку от дворца есть еще низкий круглый холм около 28 м в диаметре – здесь, вероятно, стояла большая юрта великого хана. Там он в часы досуга мог наслаждаться привычным уютом традиционного монгольского жилища.

К северу от основного холма располагался холм поменьше, около 2,5 м высотой, 38 м в длину и 25 м в ширину. Скорее всего, там находились личные покои, соединенные с основным дворцом переходом или галереей. Эти покои, так же как и основной дворец, поддерживали массивные деревянные колонны. Пол был покрыт деревянными балками, длиной 6 м каждая, лежащими на поперечных балках, расположенных с интервалом в 2 м.

Крышу покрывала глазурованная черепица. Под полом были обнаружены куски необожженной или нераскрашенной керамики, чугунные котлы и кости животных.

Здание южных ворот в длину превышало 30 м; его крыша, державшаяся на крепких деревянных колоннах, была выполнена в несколько рядов желтой, синей и красной черепицей. Входной зал, приблизительно 15 м шириной, с тремя воротами украшали позолоченные фигуры медведей и львов, а также, судя по сохранившимся остаткам лепнины (ступням), горельефы людей. Крышу зала украшали изображения извивающихся драконов с

чешуей, крыльями и когтями, раскрашенными в желтый цвет и золотой. За воротами уровень земли постепенно повышался, образуя пологий подъем по направлению к дворцу.

Детали дворца можно реконструировать по аналогии с китайскими и поздними монгольскими строениями, а также по записям Рубрука и по скудным остаткам, сохранившимся после того, как все ценные материалы забрали для строительства расположенного неподалеку ламаистского монастыря Эрдени-Цу.

Это было грандиозное сооружение, состоящее из шести параллельных колоннад под одной крышей. План его определили по остаткам рядов гранитных плит основания, каждая площадью приблизительно 1 кв. м. На них стояли деревянные.

колонны, всего, предположительно, 72 штуки. 30 колонн стояли вдоль стен, о которых сейчас можно судить только по линиям рвов, а остальные 42 – поддерживали потолок площадью 55 x 45 м изнутри. Поэтому сделали вывод, что всего было шесть рядов по семь колонн, по три ряда с каждой стороны центрального нефа. Вероятно, Рубрук не заметил внешние ряды у стен, не говоря уже о тех, покрытых штукатуркой, колоннах, что как бы вросли в стены. Кирпичные стены, скорее всего, не превышали 3 м в высоту. Над кирпичами, между колоннами, по всей видимости, находились деревянные доски, которые прорезали украшенные окна со средниками.

Пространство над окнами и под карнизом также было украшено узорами, а непосредственно под крышей деревянные балки поддерживали доски или кирпичи. Скорее всего, в таком большом здании крыша состояла из нескольких ярусов; внутренние и более высокие ярусы

покоились на более высоких колоннах. Ярусы, вероятно, изгибались и были покрыты полуцилиндрическими черепицами в китайской манере, наклоняясь по краям и не оставляя вертикальных фронтонов. По краю крыши, на фоне ярких зеленых, красных и темно-синих черепиц, были расставлены скульптурные украшения в виде фантастических животных и драконов.

Пол был вымощен квадратными кирпичными плитами шириной 34 см и толщиной 4 см, покрытыми светло-зеленой глазурью, за исключением плиток на северном конце зала, где возвышался помост с тронем хана и местами для членов его семьи. Во время суровой монгольской зимы этот пол, должно быть, становился очень холодным и дворец нужно было обогревать жаровнями, вроде найденной в центре города и имеющей форму широкого чугунного блюда. Где-то у южного конца должно было располагаться серебряное дерево с текущими из него напитками. В этом зале собирались придворные, слуги и послы. Хан и члены его семейства взирали на происходящее с помоста.

Примечательно, что все здания дворцового комплекса находились на насыпях, соединявшихся между собой проходами, – позже это станет характерной чертой для Китая династии Мин. Наверное, дворец Угэдея и прилегающие к нему здания впервые были построены в таком стиле.

Итак, можно сделать вывод, что за все недолгое время своего существования в качестве имперской столицы Каракорум своеобразно и нетрадиционно объединил в себе монгольские, китайские и центральноазиатские черты.

Глава 4 ГОСУДАРСТВА НАСЛЕДНИКОВ

ХУБИЛАЙ И ДИНАСТИЯ ЮАНЬ

Война между Хубилаем и Ариком Богэ, двумя претендентами на трон, продолжалась до 1264 г., когда последний потерпел поражение.

Арик Богэ прожил в почетном плену до 1266 г.

На западе Хулагу поддерживал Хубилая, а Берке, ставший ханом Золотой Орды, поддерживал Арика Богэ.

Монголы вновь разделились на два лагеря, когда Кайду в Центральной Азии в 1268 г. начал войну против Хубилая и отрезал его от запада.

Договор о мире, который Хубилай заключил с империей Сун после смерти Мункэ, долго не продлился и фактически так и не был подписан. Посланника Хубилая, приехавшего обсудить подробности мира, предательски арестовали по приказу Цзя Сы-дао, который не желал сообщать своему императору об истинном положении вещей.

В 1261 г. Хубилай объявил, что на смену Сун должна прийти его собственная династия Юань и что править он будет из Чжунду, который переименовали в Даду, а летней столицей станет Кайпин, переименованный в Шанду.

Весь Китай следует объединить в одно государство. Согласно стратегическому плану, разработанному китайскими советниками, монголы должны были продвинуться

на юг и восток через Сяньян на реке Хань, Аньхуэй между Хуай и Янцзы и Янчжоу и далее прямо на Линьань.

Тем временем сунский император Ли Цзун умер и его сменил сын его младшего брата, Ду Цзун, который в еще большей степени поддавался влиянию Цзя Сы-дао.

В 1267 г., после смерти Арика Богэ, Хубилай предпринял последний решительный шаг. Его военачальники Аньшу, Лю Чжэн и Ши Тяньцзы осадили Сяньян.

Эта осада длилась пять лет. Продовольствие и припасы сунцы доставляли в город на джонках по реке с востока. Водный путь защищали лодочный мост и крепость Фаньчжэнь на северном берегу. В 1272 г. крепость пала под ударами огромных катапульт.

Сяньян был окружен полностью. Его сдал командующий Лю Ванхуань, которого Хубилай принял с почетом и назначил правителем города.

Дальнейшее продвижение на Линьань началось в 1273 г. под командованием Ши Тяньцзы и монгола Баяна, находившегося на службе у Хулагу.

Хубилай пообещал пощадить всех мирных жителей, которые сдадутся и не будут сопротивляться.

В 1274 г. Ду Цзун умер и императором стал его четырехлетний сын. Практически власть перешла к императрице Се. Баян и Аньшу покорили все города вплоть до Цзенкана и продолжили захваты, несмотря на то что в Монголию вторгся Кайду. К Линьаню подошли четыре колонны китайцев и аланов, одна – возглавляемая Ду Сун Гуанем, одна – вниз вдоль Янцзы, одна – у Чанчжоу и четвертая – через Хунань и Цзянси. Цзя Сы-дао был вынужден лично возглавлять битву с монголами. Его армия была разбита у Динцзячжоу близ Янчжоу. В Линьане его

судили, лишили должности, выслали в Фуцзянь, и по дороге туда глава сопровождения лишил его жизни.

Другие полководцы продолжали защищать Линьянь вплоть до 1276 г.

После многочисленных атак Баян договорился о сдаче, но оставался снаружи, запретив своим войскам вступать внутрь города и грабить его. Чиновникам приказали продолжать свои обычные дела, а императрицу с сыном вызвали ко двору Хубилая. Там они жили в роскоши до 1288 года, потом отправились в Тибет изучать буддизм и приняли там монашество.

Сокровища, предметы старины и книги, хранимые в Линьяне, перевезли в Дадун, но частную собственность ученых, храмов и богатых домов не тронули.

Таким образом, победа над Сун по меркам того времени была в высшей степени гуманной.

Двух юных представителей имперской семьи, Ши из И и Пина из Гуана, сунским военачальникам удалось увезти на дальний юг. Сопротивление в провинциях Южная Цзяньси, Фуцзянь и частично Гуандун продолжалось, пока Ши, провозглашенный императором, не умер в 1278 г. на острове Цзянчжоу близ Учуня. После сопротивляющиеся объявили императором Бина и продолжили битву. Но вскоре весь юго-восток перешел к монголам, а Бин утонул в море вместе с последним своим соратником. Таким образом, династия Сун прекратила свое существование в 1279 году.

Отныне Хубилай мог беспрепятственно принять титул Сына Неба, как традиционно именовали китайских императоров.

Издавна правители Китая считали свое государство Чжунго, или «Срединное царство», центром цивилизации, а жителей окраин – варварами, которые должны поклоняться представителям власти и которых в иные времена следовало покорять силой. Хубилай охотно воспринял эту идею после того, как сам поставил себя в один ряд с величайшими императорами истории.

Вместе с тем он продолжал придерживаться монгольского представления, согласно которому завоевание мира – это исполнение воли Бога. Он продолжил начатое Чингисханом, только по-своему, объявляя все земли принадлежавшими себе по божественному праву, но вместе с тем воздерживаясь от насилия и прибегая к нему лишь в крайних случаях.

На севере он не прекращал войну с Кайду, которую вел бы всякий великий хан, а на юге и востоке он попытался раздвинуть границы Китая.

В 1267 г. Хубилай впервые отправил послов в Японию и потребовал от японцев признания покорности. Но шторм помешал послам доплыть до восточных островов. Тех послов, что отправил по приказу Хубилая царь Кореи, отослали обратно из Камакуры чиновники «бакуфу», военного управления сёгуна, реального правителя Японии. Сёгун не позволил им доехать до Киото.

Когда японцы отправили обратно ни с чем и других послов, Хубилай собрал в Корею флот численностью в 900 кораблей, 150000 матросов и 10000 солдат. Этого было явно недостаточно для завоевания всей Японии, но достаточно, чтобы запугать сёгуна. В 1274 г. этот флот занял Цусиму, Ики и даже высадился на Кюсю, но во время жестокой битвы у Хакадзаки у воинов кончились стре-

лы. Затем монголы испугались сильного шторма и им пришлось вернуться.

После того как в 1277 г. в Камакуре японцы казнили нескольких послов, Хубилай объявил Японию своей провинцией и в 1281 г. послал 100000 воинов на 3500 кораблях.

Два флота должны были отплыть из Кореи и из Янцзы и встретиться у небольшого острова близ Кюсю. После внутренних стычек между командующими и кровавых, но не решающих сражений с японцами налетел тайфун и разрушил большинство кораблей. Командирам удалось спастись, вернуться и даже получить прощение, но их войска остались без снаряжения и попали в плен. Около 30000 монгольских воинов были казнены или обращены в рабство.

Очередная экспедиция намечалась на 1286 г., но обстоятельства воспрепятствовали ее отправке. Так цепь неудачных для монголов, но счастливых для японцев случайностей помешала осуществить захват Японии.

На юге Хубилай намеревался утвердить власть монголов от Дали до царств Юго-Восточной Азии.

За исключением Аннама, где была распространена китайская культура, эти государства входили в сферу индийской культуры, религии и искусства. Хотя их правители не были индийцами, они носили индийские имена и исповедовали индуизм или буддизм. Аннам и Чампа располагались на территории современного Вьетнама, а Мьен – на территории современной Бирмы (Мьянмы) и Таиланда.

В ходе кампаний 1252-1258 гг. монголы достигли границы Аннама и навязали его царю, Трану Таитонгу,

своего советника. Тран Таитонг, откупившись от завоевателей на севере, напал на Чампу и сделал его вассальным государством. Ему не нравились условия договора с Хубилаем, и он постоянно старался их изменить вплоть до самой смерти в 1276 г.

Его сменил его сын Тран Тхантонг, который не захотел лично оказать почтение Хубилаю.

От правителя Чампы, Индравармана V, Хубилай получил формальные заверения покорности. Но в 1280 г. царь объявил себя слишком старым для того, чтобы ехать на принесение присяги, и тогда Хубилай приказал своему полководцу Сугету сделать Чампу обычной провинцией.

Сын Индравармана, позже ставший правителем Джая Синхаварманом III, задержал нескольких монгольских послов, которые направлялись дальше на юг требовать покорности от государств Съен и Малабар в Индии.

В 1283 г. армия Чампы встретилась в жестокой битве с монголами среди джунглей. Монголы победили и захватили крепость Му Чен. Но голод и лихорадка вынудили их отступить.

Другая экспедиция во главе с Сугету и сыном Хубилая Тоганом вторглась в Аннам, но из-за недостатка продовольствия была вынуждена вернуться, и на обратном пути ее атаковали войска Аннама. Половина монголов погибла вместе с Сугету.

В 1287 г., несмотря на полученную дань от Аннама, Чампы и Камбоджи, Хубилай снова напал на Аннам 100-тысячной армией, набранной в основном из китайцев. Ханой пал, но царю удалось сбежать, а флот, посланный на подмогу монголам, был разбит. Армии пришлось вернуть-

ся в Сычуань, причем по пути она вступала в стычки с аннамскими войсками с многочисленными потерями.

Новую армию для похода на Аннам собрали лишь в 1294 г., после смерти Хубилая.

На востоке от Дали монголы в 1275 г. атаковали царство Мьен, располагавшееся на севере современной Бирмы. Его царь Нарасихапати отказался присягнуть на верность монгольскому хану, и его арестовали. Синь Сецзи, правитель Дали, пришел во главе небольшого отряда и одержал победу над 40-тысячной бирманской армией, в которой были пехота, кавалерия и слоны. Наконец в Бирму послали большие войска под командованием царевича Сингтаура, который вышел в 1283 г. и взял Каунгсин. Так как царь не желал сдаваться, монголы прошли до Тагаунга на реке Иравади и на обратном пути оставили гарнизоны. В 1287 г. сын Нарасихапати, Сихасура, отравил своего отца. После того как в 1293 г. в Бирму вошло очередное монгольское войско, Сихасура послал дань от пока еще не покоренной страны.

Хубилай также послал посла с требованием дани на Яву. Тот вернулся ни с чем.

В 1293 г. из Южного Китая на 1000 кораблей отправилась 20-тысячная армия. Один из правителей Явы, Туан Виджая, покорился, но его западный соперник, Хаджи Катанг, оказал сопротивление. Когда монголы отступали, Виджая заманил их в засаду.

Монголам с трудом удалось отступить, и на Яве они не добились особых успехов.

Но им прислали дань малые государства Малайского архипелага. Дань потребовали также от различных правителей Южной Индии и Цейлона, формально признав-

ших власть Хубилая (вероятно, надеясь получить от этого какую-то выгоду).

В 1277 г. Кайду напал на Каракорум, но нападение отразил Баян, которого быстро послали на подмогу защитникам. Но в Маньчжурии Кайду нашел сторонника в лице Наяна, сына Темугэ. В 1287 г. Хубилай лично возглавил поход на Ляодун против Наяна во главе 100-тысячной армии. Руководя ходом битвы с платформы на четырех слонах, Хубилай одержал решительную победу, взяв многих в плен и еще больше перебив. В 1289 г. Баян снова победил Кайду, на время захватившего Каракорум, но тот продолжал воевать и после смерти Хубилая, пока его не убили в 1301 г. в очередной битве за Каракорум.

После этого оставшиеся потомки Угэдея помирились с потомками Толюя.

В самом Китае правление Хубилая отличалось спокойствием и порядком. Марко Поло даже отзывался о нем как о великолепном правителе. В отличие от последующих императоров китайцы называли Хубилая Сыном Неба. Но хотя Хубилай и восхищался конфуцианской ученостью, по своей сути он не был китайцем и, по всей видимости, к тому же не знал китайского языка. Ему приходилось полагаться на монгольских воинов и военачальников, даже когда он командовал другими войсками. На гражданские посты он продолжил назначать уйгуров, мусульман и даже европейцев, таких, как Марко Поло.

К концу его правления население Китая поделили на четыре категории по привилегиям: первыми шли монголы, вторыми сэмужэнь и другие иностранцы-чиновники, третьими хань-жэнь, или северные китайцы; последними шли нань-жэнь, или южные китайцы.

В 1271 г., когда было официально объявлено о начале династии Юань, Хубилай ввел новый порядок, разработанный Яо Шу и называвшийся «государственным порядком».

В то же время Лю Бинчжун и Ху Хэн провели централизованную административную реформу. Отныне верховный суд имел отделения во всех одиннадцати больших провинциях, где они заменили прежних наместников. Такие же отделения имелись и у военного совета, подчинявшегося великому хану и цензору, который наблюдал за законностью во всех ветвях власти. К прежним провинциям добавили Южную Монголию, Южную Маньчжурию, Корею и Юньнань (на месте царства Дали). Армию поделили на две группы: «сувэй», в которую входили лучшие монгольские войска и иноземная стража дворца и столиц провинций; и «чэньшу» – войска провинций и границ под командованием монголов, наблюдавших также за порядком. Обычно монголов не набирали в регулярную армию, но многих вербовали как наемников и еще больше были вынуждены тем или иным образом служить в войсках.

Для официальных документов, монет и надписей Хубилай ввел особый алфавит, разработанный тибетским ламой Пхагспой. Этому новому письму не удалось вытеснить традиционное китайское и уйгурское, и вскоре после смерти Хубилая оно вышло из употребления. Высшие чиновники говорили прежде всего на монгольском языке, а сэмужэнь также на персидском и тюркском. Марко Поло обходился этими тремя языками и, по всей видимости, никогда не учил китайский.

Что касается религии, то были учреждены особые министерства буддизма, даосизма, ислама, христианства

и конфуцианства. Признавали также иудеев и манихеев. Изначальный монгольский шаманизм, а также магические культы Тибета и Кашмира оставались исключительно в рамках двора.

Сам Хубилай весьма почитал буддизм, не говоря уже о том, что передал Тибет под управление лам.

Он, как и последующие правители, выделял большие средства на постройки храмов и монастырей. При нем тибетские ламы стали привилегированным классом, который многие ненавидели за высокомерие и жадность. В 1260 г. лама Пхагспа был назначен Учителем Царства («го ши»). До возвращения в Тибет в 1274 г. ему удалось настолько укоренить буддизм среди монголов, что эта религия надолго пережила династию Юань. По требованию ламы Хубилай лишил привилегий приверженцев даосизма, которые те получили при Чингисхане по совету Чжан Чуна.

Ислам не пользовался расположением Хубилая из-за таких не принятых среди монголов обычаев, как обычай перерезать горло жертвенным животным, но более всего из-за требований Корана вести постоянную войну против неверных. К христианству же в его несторианской форме он, напротив, выказывал расположение. В качестве защитника христиан Азии он послал в Багдад двух несторианских монахов тюркско-китайского происхождения, Марка и Раббана Сауму.

Позже Марк добился значительного влияния при дворе ильханов и стал патриархом Ябаллахой III. Раббан Саума в 1287 г. отправился с миссией в Европу, посетил Рим, Геную и Флоренцию, встретился с Филиппом Красивым, королем Франции, и Эдуардом I, королем Англии. Со своей стороны братья Одорик Порденоне и Иоанн

Монтекорвино попытались продолжить дело Карпини и Рубрука.

Сообщения по суше через Азию по-прежнему велись посредством яма, несмотря на военные действия со стороны Кайду. Эта почтовая служба сохранялась до конца династии Юань.

По морю торговля велась с Южной Азией и Африкой.

Внутри Китая водные пути были соединены Великим каналом, связавшим Линьань с Даду и Хуанхэ. По нему на больших судах доставляли припасы для столицы и армии.

Как и все императоры до него, Хубилай продолжил использование бумажных денег. Они служили эквивалентом различных ценностей, в том числе монет, металлических слитков и шелка, которые сами по себе использовались в качестве обменного средства. Бумажные деньги были обязательны для приема; любой, кто отказывался их принимать, подлежал наказанию. Их стоимость зависела от способности императора обеспечить их хождение. Ослабление центральной власти немедленно влекло за собой инфляцию. Иностранным купцам, прибывавшим в Китай, двор платил этими бумажными деньгами, которые купцы могли обменять на понравившиеся им товары. Нечистые на руку менялы делали на этом огромные состояния.

Богатство и роскошь, поразившие Марко Поло, остались в основном со времен династии Сун; это было то, что пощадил Хубилай.

Следует помнить о том, что Марко Поло смотрел на страну глазами привилегированного иностранца. Он восхищенно описывает великий дворец Даду, его новую

мраморную отделку, его стены, дворы и залы, сокровищницу, склады и арсеналы, а также летний дворец в Шанду, окруженный лугами, ручьями и заповедником для охоты на дичь. Этот дворец был сооружен из позолоченного и крашеного бамбука, чтобы его можно было легко разобрать и перенести в другое место, подобно жилищу кочевников.

Когда в 1294 г. Хубилай умер, его империя досталась менее величественным наследникам. Они достойны лишь краткого упоминания.

На курултае, учрежденном внуками Хубилая, ханом выбрали Камалу, но, так как он предпочел защищать северные границы от Кайду, великим ханом и императором стал его брат Тэмур. Он сразу же прекратил подготовку войны с Аннамом, продолжая при этом получать дань с Аннама, Чампы, Мьена и других государств. Это был осторожный и благоразумный правитель, но, к несчастью, в 1307 г. он заболел и умер.

Его сменил Хайшань, племянник Тэмура, прославленный воин. Правителем он был довольно мирным, покровительствовал буддизму и конфуцианству. После смерти Хайшаня в 1311 г. его брат Буянту, продолживший его политику, процарствовал только до 1320 г. После него императорами были Судхибала (1320-1323), Есун Тэмур (1323-1328), Асицзиба и Кушала (1328) и Тог Тэмур (1328-1332) – дети или юноши, на которых оказывали давление монгольские министры и буддийские ламы.

Когда на трон в 1338 г. вошел Тоган Тэмур, монгольские вельможи, китайские землевладельцы и буддийское духовенство договорились между собой и стали готовить почву для продолжительных крестьянских

восстаний, в то время как состояние монгольских войск постепенно ухудшалось. За пределами Китая императоры Юань уже не имели власти великих ханов.

Министр Баян попытался укрепить власть, издав приказ, согласно которому все чиновники и судьи должны быть монголами или «сэмужэнь», а китайцам запрещалось учить монгольское или арабское письмо. Говорят, что в 1337 г. он даже предложил казнить всех китайцев, которые носили традиционные китайские имена. По настоянию его племянника Тохты Баяна сместили. Тохта возродил конфуцианство и публичные экзамены на занятие должности, покровительствовал китайской культуре и взял в свои руки все общественные дела.

Но восстания и мятежи продолжились и после того, как в 1356 г. Тохту отравили.

Самым способным и влиятельным вождем восставших был Чжу Юаньчжан. Он решил покорить всех других вождей и сам возглавлял окончательные сражения против династии Юань. Он одну за другой покорил провинции Южного Китая, учредил свою администрацию в Интяне (совр. Нанкин), где в 1367 г. объявил себя царем У. Два монгольских правителя воевали между собой на севере, пока коронованный царевич Аюсидхара не взял командование на себя. Когда Чжу Юаньчжан пробился на севере до равнины Даду, Тоган Тэмур решил сбежать, невзирая на призывы защищать свое наследие. Он неожиданно отправился вместе с семьей и свитой в Шанду, а оттуда в 1369 г. переехал в Джехол, где в 1370 г. и скончался. Формально концом династии считается 1368 г., когда генерал Су Да вошел в столицу практически без кровопролития. Чжу Юаньчжан объявил о том, что новая династия будет называться Мин, а сам принял имя Хун У.

Так закончилось владычество монголов в Китае – столь же недостойно, как и династий Цзинь и Сун. Победоносное восстание было направлено исключительно против монгольских сановников и тех китайцев, что пользовались особым благорасположением властей. Монголы, занимавшие не слишком высокие посты, продолжили жить в Китае и служить в армии. Как монголы, так и сэмужэнь через несколько поколений полностью «окитаились».

Что касается культурного и интеллектуального развития, то период Юань не сравнится даже с периодом Сун. Однако за пределами классически образованного круга наблюдалось распространение народной драмы и литературы, удовлетворявшей вкусы необразованных китайцев и монголов. До некоторой степени китайцы выиграли, вступив в непосредственный контакт с персами, хотя их влияние на культуру Ирана было несравнимо большим. Кое-что китайская наука заимствовала у мусульман, особенно в области астрономии. В других отношениях китайская культура не испытала особого влияния со стороны других культур, поскольку она издавна была самодостаточной. Развитие и расцвет неклассической литературы приходится на период династии Мин.

ИЛЬХАНЫ В ИРАНЕ

Начиная со смерти Мункэ монголы в Иране следовали своим собственным путем, хотя и продолжали взаимодействовать со своими собратьями в Центральной Азии и русских степях. Покинув Сирию и прибыв в Тебриз, Хулагу услышал о том, что великим ханом избрали Хубилая. Он поддержал его, но не считал необходимым завоевывать его признательность дальше на востоке, особенно

когда кипчакский хан Берке за Кавказом стал его врагом. Тем временем решительные сражения остановили продвижения монголов на Египет.

Кетбогэ, командовавший войсками в отсутствие Хулагу, послал посольство с требованием сдачи к египетскому султану, мамлюку Кутузу, захватившему власть после смерти юного принца из династии Аюбидов в 1250 г. Кутуз, как и множество гвардейцев-мамлюков, был тюрком-кипчаком. Его соратники имели прекрасное представление о методах монголов, кроме того, к ним на подмогу пришли остатки хорезмийцев Джелаль-ад-Дина. После проведения совета Кутуз отверг предложение монголов, повесил их послов и немедленно начал боевые действия с целью предупредить нападение монголов.

Кетбогэ прошел в Палестину с армией в 10000 воинов, в основном тюрков, но под командованием монголов. 3 сентября 1260 г. монголы, авангард которых был задержан в Газе, встретились с армией Кутуза у Айн-Джалута. Кутуз послал небольшую часть армии под командованием Бейбарса для того, чтобы она отвлекла монголов и приняла удар на себя. Своих мамлюков он оставил в засаде. Войско Бейбарса принялось отступать, и монголы преследовали их до засады. Затем мамлюки напали на монголов со всех сторон. Битва велась с переменным успехом до полудня, после чего большинство монголов было разбито и обратилось в бегство. Для поднятия боевого духа Кетбогэ лично сражался в первых рядах; его взяли в плен и привели к Кутузу, который осыпал его оскорблениями. Тот ответил, что одного года будет достаточно, чтобы женщины и кобылицы Монголии возместили потери этого дня, и что месть великого хана будет ужасна. Чтобы не выслушивать очередные оскорб-

ления, он попросил обезглавить себя, что немедленно и сделали.

Остатки монголов следовали по Сирии до Евфрата, который стал постоянной границей. По пути домой Бейбарс убил Кутуза. Во время правления Бейбарса и его преемников мамлюки выдержали все нападения монголов. Поражение они потерпели только от османских турков в 1517 г.

Военачальники Хулагу сосредоточили монгольские силы в северной Месопотамии и далее до Кавказа. Ильханы, или «послушные ханы», как их называли, потому что формально они подчинялись великому хану, стали правителями Ирана, страны с хорошо укрепленной границей по Евфрату, Кавказу и Амударье. Их соседи относились к ним враждебно, открыто или тайно, и единственной их опорой был Хубилай. Так продолжалось все правление Хулагу. Ему и его преемникам приходилось постоянно отражать нападения ханов Золотой Орды и мамлюков с запада и правителей улуса Джугатай с востока. Поскольку Мункэ передал Кавказ улусу Джучи, на эту территорию заявил права Берке, преемник Бату. У Берке имелись и другие причины для враждебности – он принял ислам и ему не понравилась осада Багдада; его участие в последующих походах не оценили должным образом, и он перешел на сторону мамлюков. В 1261 г., когда стало ясно, что Хулагу не пойдет на уступки, начались сражения у Дербента, Куры и Терека. Также восстали Аль-Малик-ас-Салих, правитель Мосула, и грузинский царь Давид V, но эти восстания удалось подавить. В январе 1263 г. войска Берке одержали решительную победу на Тереке, но не смогли прогнать войска Хулагу с Кавказа. Война продолжалась до смерти Хулагу и после.

Граница владений ильханов и Золотой Орды отныне пролегла по Кавказу.

В Малой Азии сельджуки Рума оставались данниками. Михаил VIII, константинопольский император, чей отец, Мануил I, до некоторой степени считался вассалом Мункэ, в 1261 г. заключил с Хулагу тайное соглашение.

Поскольку основная угроза находилась на западе, а в Азербайджане было много хороших пастбищ для лошадей, Хулагу сделал своим административным центром Тебриз, где проживали визирь и чиновники. Он сам наблюдал за делами своей «орду», проживая летом в Алатаге, где построил дворец, а зимой в мугханской степи.

В 1265 г. он неожиданно скончался после пира в возрасте сорока восьми лет, и его похоронили в огромной гробнице на острове Сахи посреди озера Урмия. Его преемником стал его сын Абака.

Во время правления Хулагу и его ближайших наследников монгольское право непосредственно осуществлялось только в Хорасане и на севере Ирана, за исключением Гилана. В Фарсе, Кермане и Шабанкаре, в Ормузе и Каифе у Персидского залива, в Луристане на западе и в Герате на востоке повседневными делами продолжали заведовать местные кланы, и в некоторых случаях их система управления надолго пережила ильханов.

За пределами Ирана Грузия, Малая и Большая Армения и территории сельджуков в Малой Азии зависели от ильханов, но не подчинялись им напрямую.

Теоретически правителями считались ханы и знатные монголы, собиравшиеся на курултай, но гражданскими делами на местах заведовали визири, как и в других

мусульманских странах. Наследника трона часто посылали управлять Хорасаном, при необходимости с помощью атабега, которые помогал ему, если наследник был слишком юн, а также с помощью эмиров, которые командовали войсками, охранявшими район Амударьи. Правителей провинций в основном заботили внутренние дела, в том числе и поддержание порядка. Вне Ирана монголы, как правило, занимали руководящие посты в армии, оставляя гражданское правление в руках местных жителей.

Центральная канцелярия была организована по примеру канцелярии великих ханов, но в ней, что естественно, служило гораздо больше мусульманских чиновников. Главный контроль над доходами и расходами государства осуществлял «сахиб-и-диван», или великий визирь, а в более поздние времена два визиря. Этот визирь также заведовал почтовой службой, строительством общественных зданий, чеканкой монет и регистрацией земельных сделок. В качестве денег ходили золотой динар и серебряный дирхам, унаследованные от Арабского халифата и сильно различавшиеся по весу и чистоте. Налоги взимались по системе великого хана, в том числе налог на скот, на землю, на продажу и подушный налог. Сборщиков налогов, часто продажных и жадных, сопровождала вооруженная охрана. На косвенно зависимых территориях налоги собирали баскаки, передававшие часть собранных средств на поддержание почтовой службы и войск.

В религиозном вопросе Хулагу не был таким терпимым, как большинство других монгольских ханов. Он открыто не преследовал и не оскорблял мусульман, но ему не нравился ислам, против которого он так долго сражался, и он не мог принять его в качестве государственной религии. Сам же он принял буддизм, ставший связующим звеном с Восточной Азией. Поначалу эта

религия распространялась довольно быстро и было построено много буддийских храмов. Христианство, известное монголам в его несторианской форме, также пользовалось покровительством со стороны правителя. Несторианкой была Докуз-хатун, любимая жена Хулагу, основавшая много христианских храмов. Первые ильханы прославились в Европе как защитники христианства, а их преемники продолжали считать его полезной религией.

В данной книге невозможно полностью проследить судьбу дальнейших ильханов, но стоит упомянуть об основных чертах внешней и внутренней политики, войнах и религиозных вопросах. В основном наблюдался упадок, приостановленный на время при Газане, самом могущественном правителе после Хулагу; после него государство ильханов опять начало разлагаться и в конце концов прекратило свое существование. Во внешней политике наблюдались повторяемые от правления к правлению события; ильханы пытались расширить свое влияние, чему противились их враги, часто действовавшие сообща.

Когда Абака одержал победу, золотоордынская армия под командованием Ногая продолжала нападать на Кавказ, но ее в конце концов удалось прогнать. На востоке Борак из дома Джагатая, потерпевший поражение от Кайду, решил возместить свои потери, напав на Хорасан; после неудачного похода он вернулся в Бухару, где его убили приспешники Кайду. Абака, в свою очередь, занял Бухару, но не смог удержать ее. Граница по-прежнему проходила по Амударье. На западе Бейбарс вторгся в Киликию и попытался избавить мусульман Рума от владычества монголов, но его встретила большая монгольская армия, и в 1277 г. он вернулся в Египет, где и скончался. Попытки же Абаки завоевать Сирию в 1278-м и 1279 г.

также были безуспешны, поэтому граница осталась проходить по Евфрату.

Брат Абаки, Текудер, взошедший на трон в 1281 г. и принявший ислам под именем Ахмед, предложил в 1282 г. мамлюкскому султану Калавуну свою дружбу, но его предложение было отвергнуто. Сын Абаки, Аргун, враг ислама и Египта, в 1289 г. попытался привлечь на свою сторону европейских христиан, послав французскому королю Филиппу Красивому письмо с предложением передать ему Иерусалим, если он выступит против мамлюков.

Газан, еще один достойный упоминания правитель, взошедший на трон в 1295 г., отразил очередное вторжение из Средней Азии. На западе его полководец Кутлугшах отразил вторжение мамлюков в Малую Армению, усмирил восстание правителя Суламыша в Малой Азии и сместил грузинского царя Давида VI, поставив вместо него его брата Давида V, более преданного ильханам. В 1299 г. мамлюк Аль-Малик-аль-Назир вторгся в Северный Ирак. В контрнаступлении войска Газана достигли Дамаска, правитель которого перешел на сторону монголов; однако при приближении египетской армии тот же правитель опять поддержал мамлюков. Газану пришлось позабыть о всех притязаниях на земли за Евфратом. Ближе к концу своего правления он предпринял еще одну попытку после того, как мамлюки свергли и ослепили царя Малой Армении Хетума. Кутлугшах и Чобан направились в Сирию, где осадили Хомс, но у Шаккаба им нанесли решительное поражение. На северо-западе золотоордынский хан Тохта снова решил завладеть Кавказом.

Брат Газана, Олджету, ставший правителем в 1304 г., настолько воспрянул духом при известии о мире в Трансоксиане, что послал послов к французскому королю

Филиппу и английскому королю Эдуарду I с сообщением о согласии среди монгольских правителей и с предложением о дружбе с правителями Европы. Но из попытки заключить союз против мамлюков ничего не вышло. Вновь перейдя к боевым действиям, Олджету послал свою армию в Мосул, но в 1312 г. ей пришлось вернуться из-за недостатка продовольствия и из-за болезней. В 1314 г. среднеазиатские ханы Копек и Ясавур вторглись в Хорасан, но их оттеснили назад к Бухаре. На Кавказе Тохта так и не решился на открытое столкновение.

При Абу-Саиде, который стал правителем в 1316 г., Копек и Ясавур снова вторглись в Хорасан. Позже Копек перешел на сторону ильханов и напал на вернувшуюся из похода армию Ясавура. На западе Чобан успешно подавил восстание турецких правителей Малой Азии и успешно отражал атаки кыпчакского хана Узбека. Но после смерти Чобана Узбеку повезло больше. К концу своего правления, когда государство ильханов распадалось, он занял Азербайджан.

Религиозная политика при ильханах имела особое значение. Изначально монголы были врагами ислама, но впоследствии и они стали правителями, мало чем отличающимися от других. Абака запретил монголам, занимавшим руководящие посты, переходить в ислам, и всячески содействовал распространению буддизма. В 1281 г. Марк, прибывший из Китая по пути в Иерусалим, был выбран католикосом несториан. Он пережил семь правителей, оказывая на них влияние и защищая христиан от преследований мусульман. Переход Ахмеда в ислам был политическим шагом; ему не удалось помириться с мамлюками, и он был свергнут восставшими монголами. Желая навре-

дять мусульманам, Аргун оказывал содействие христианам и приблизил к себе несторианина Абаллаху.

Это был последний пример благорасположения ильханов к христианству.

Сам Аргун постепенно становился преданным сторонником буддизма. После его смерти последовали гонения на евреев вследствие того, что его визирь-еврей занимался вымогательством. Во время правления Гайхату и Байду монгольская знать, воспользовавшись ослаблением центральной власти, перешла в ислам. Газан, желая укрепить власть, также перешел в ислам. Буддийские храмы были разрушены, и с тех пор буддизм в Иране больше не распространялся. Абу-Саид был мусульманином уже с самого начала.

Что касается внутренней политики, то здесь ильханам приходилось сталкиваться с многочисленными трудностями. При Абаке возникла вражда между Маджд-аль-Муликом, которого он назначил визирем, и прежними визирями, братьями Джувайни; похожее противостояние наблюдалось и при последующих правителях. Ахмед казнил Маджд-аль-Мулика и вновь назначил визирем Шамс-ад-Дина Джувайни, которого потом посадил в тюрьму. При Аргуне Шамс-ад-Дин Джувайни поссорился с новым визирем, Богэ. Шамс-ад-Дина обвинили во взяточничестве и несправедливо приговорили к смертной казни вместе с членами семьи. Богэ казнили в 1289 г., чтобы заслужить одобрение мятежников. А после этого, когда Аргун лежал больным, казнили визиря-еврея Сад-ад-Даулу, который был известен как вымогатель и взяточник.

Гайхату, брат Аргуна, будучи наместником Малой Азии, завоевал всеобщую любовь благодаря своей щедрости. Став ханом, верховным правителем, он тратил го-

сударственные средства на подарки, и это в то время, когда налог на скот значительно сократился из-за болезни домашних животных. По совету своего визиря он ввел бумажные деньги по китайскому образцу, но этим только ухудшил положение, запретив хождение металлических денег. В городах прекратилась торговля продуктами, и жителям приходилось самим добывать пропитание в деревнях, пока запрет на хождение монет не отменили.

С двоюродным братом Гайхату, Байду, враждовал Газан, принявший по совету своего сторонника Навруза ислам и сделавшийся ханом в ноябре 1295 г.

Газана можно назвать вторым основателем династии. При нем правящий дом стал независимым от великого хана. В честь этого он ввел новое летосчисление, которое должно было существовать наряду с мусульманским. Благодаря жестоким казням ему удалось остановить гражданскую войну. Были введены новые деньги, система мер и весов, а также система налогов. Оплата и содержание армии также проводились теперь по новому образцу, были реформированы средства сообщения. Среди военных командиров Навруз по навету недоброжелателей лишился благорасположения и был казнен. Во время всех этих перестановок до поста великого визиря быстро возвысился Рашид-ад-Дин.

Он продолжал исполнять обязанности главного визиря, когда в 1304 г. Гасан неожиданно скончался.

Олджету, попытавшийся поддержать изменения государственного строя, в 1307 г. перенес столицу в Султание. В остальном ничего не изменилось. Вражда между визирями продолжалась – сначала между Сад-ад-Дином Саведи и Рашид-ад-Дином; затем, после казни Саведи, между Рашидом и Тадж-ад-Дином Алишахом. В этих усло-

виях Олджету не мог прекратить взяточничество, казнокрадство и интриги при своем дворе.

Во время правления Абу-Саида Рашид, поссорившийся с Алишахом, в свою очередь был казнен. После этого Абу-Саид сначала попал под влияние полководца и администратора Чобана, но отошел от него, когда Чобан отказал дать хану в жены свою замужнюю дочь; еще больше Абу-Саид разгневался на Чобана, когда застал сына последнего с царской наложницей. Пока Чобан воевал в Хорасане, его недруги поспешили воспользоваться этими обстоятельствами. Чобан испугался и поднял восстание, а затем, когда его покинули командиры, находился в бегах до тех пор, пока в 1327 г. его не нашли в Герате и не казнили.

Если уж самых высокопоставленных сановников ждала такая незавидная участь, то неудивительно, что при ильханах административная власть была далека от совершенства.

После смерти Абу-Саида в 1365 г., скончавшегося в военном походе против Узбека, мужская линия ильханов прекратилась. Монголы попытались сохранить свое влияние посредством правителей из других родов, но безуспешно.

Какое-то время в небольшом государстве Месопотамии правили Джалаиры, тогда как остальная часть Ирана перешла к персам или другим правителям немонгольского происхождения. После удачного вторжения кипчакского хана Джанибека, имевшего место в 1357 г., Бердибек, его сын, некоторое время правил в Тебризе, а после оставил там своего управляющего.

В то время в Иране разразилась эпидемия чумы и условия жизни значительно ухудшились.

Несмотря на свое инородное происхождение и на недостаточно эффективную власть, ильханы способствовали развитию персидской культуры. Кроме своего языка они говорили и писали по-турецки, по-персидски и иногда по-арабски. Достойны упоминания их постройки, в том числе обсерватория в Мараге. Во время их правления возник и развился новый стиль изобразительного искусства, который под влиянием уйгурского и дальневосточного искусства сменил прежний персо-арабский.

Хотя большинство представителей высшего и образованного класса потеряли свое положение, в литературе этого периода заметны и некоторые достижения, например исторические произведения Джувайни и Рашида, которые служат ценным источником сведений по истории Азии того периода.

РОД ДЖАГАТАЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

На долю улуса Джагатая выпало гораздо больше неприятностей и беспокойств, чем на долю какой-либо другой части Монгольской империи.

Это случилось не только из-за того, что его окружали более могущественные и влиятельные соперники, но и из-за резкого контраста между оседлым мусульманским населением в западной части и кочевниками в остальных районах. Фактически его подстерегала та же нестабильность, что до него была характерной чертой государства хорезмшахов и каракиданей. На западе, в пустыне, находились бассейны рек Амударьи и Сырдарьи, хотя в нижнем течении они принадлежали улусу Джучи.

Там были такие великие города, как Бухара и Самарканд, выстроенные заново после разрушения. В восточной части, за исключением обработанных земель реки Или, Семиречья и оазиса в бассейне реки Тарим, раскинулись степи, подходящие для кочевого скотоводства. Орда Джагатая и его непосредственных преемников в течение года переезжала по плодородной долине Или в зависимости от сезона.

Джагатай отличался среди остальных монголов суровостью и непоколебимостью. Он был настроен резко против ислама, но покровительствовал христианству и буддизму.

Джагатай сместил Махмуда Ялавача, но назначил сына Махмуда, Масуд-бека, управляющим сельскохозяйственными землями Средней Азии от Уйгурии до Хорезма, каковые обязанности тот исполнял, несмотря на смену ханов, вплоть до 1289 г.

После смерти Джагатая правил его внук Кара Хулагу, пока великий хан не поставил вместо него Есу Мункэ, сына Джагатая. Но когда великим ханом стал Мункэ, он вновь поставил правителем этого улуса Кара Хулагу, потому что Есу Мункэ выступил против него на стороне сыновей Угэдея. В то же время великий хан сместил всех военачальников, которые были его врагами, и занял своими личными войсками всю территорию между Каракорумом и Бишбалыком.

Кара Хулагу умер, оставив улус без собственного хана. После смерти Мункэ Арик Богэ послал сюда другого внука Джагатая, Алгуя, чтобы тот занял улус для него. Алгуй взял руководство на себя, но не стал передавать улус Арику Богэ. Тогда Арик Богэ пошел на Алгуя войной, но не мог добиться победы, пока Алгуя не покинули его

военачальники, а самому ему ничего не оставалось, как подчиниться Хубилаю.

Хубилай признал Алгую ханом улуса Джагатая. Но его не признавали золотоордынский хан Берке и Кайду, большой враг Хубилая, располагавшийся на северо-востоке.

Алгуй умер в 1265 г., и его сменил Мубарак-шах, сын Кара Хулагу, принявший ислам.

Поскольку смена ханов произошла без ведома Хубилая, великий хан послал двоюродного брата Мубарака, Борака, чтобы тот сместил своего родственника. Бораку это удалось, но он сам без ведома Хубилая объявил себя ханом. Хубилай послал войско, которое было разбито. Тем временем Кайду, наследник Угэдея, захватил Семиречье. В 1269 г. Борак и Кайду договорились о том, что старшим правителем будет Кайду.

После этого Кайду стал вести себя в Средней Азии так, как будто он великий хан, по очереди сражаясь против Хубилая, ильханов и даже против Золотой Орды, тем самым усугубляя процесс раскола Монгольской империи.

Сын Кайду, Чапар, не мог удержать власти, и более авторитетным правителем стал Тува из рода Джагатая. После смерти Тувы власть захватил его сын Копек, хотя ханом назначили другого сына, Эсена Богэ. Правители из рода Джагатая вернули себе большую часть земель, захваченных Кайду, но авторитет Эсена Богэ пошатнулся из-за не очень удачных войн против Юань и ильханов, к которым перешел его наследник Ясавур. Следующим ханом стал Копек. Он и его преемники постепенно все больше интересовались своими мусульманскими владениями. Брат Копека, Тармаширин, принял ислам, и в 1334 г. его свергли восставшие монголы. Среди поздних прави-

телей Дженкши и Есун Тимур более благосклонно относились к своим подданным-монголам и проживали в Альмалыке на реке Или. Они также хорошо приняли католических миссионеров. Есуна Тимура сменил ревностный мусульманин Али-Султан, преследовавший христиан. Ханами продолжали становиться представители рода Джагатая, несмотря на соперников из числа мусульман, тюрков и монголов, но их власть уменьшалась. После 1360 г. джагатайских ханов сверг Тимур, монгол не из рода Чингисхана, после чего началась история очередной великой империи. Но поскольку свои походы Тимур предпринимал в основном против Западной Азии и Индии и умер до того, как смог повернуть на восток для завоевания Китая, род Джагатаев в восточной части его империи некоторое время сохранялся.

ЗОЛОТАЯ ОРДА В ЗАПАДНЫХ СТЕПЯХ

Сменив своего отца, Джучи, в качестве кипчакского хана Бату унаследовал обширные владения, простиравшиеся от Арала до Восточной Европы. К моменту его смерти в результате всех военных походов западная граница проходила от устья Дуная на север через Карпаты до Холма (совр. Хелм в Польше) и Люблина, а затем на северо-восток до Финского залива и Ладожского озера. Неопределенная северная граница пролегла вдоль лесов, пока он не присоединил верховья Оби. Восточная граница шла на юг от Оби через Иртыш до низовий Амударьи и Сырдарьи. Южная граница шла от Амударьи на запад до берега Каспийского моря у залива Кара-Богаз-Гол, а от западного берега Каспия от Терека на юг и затем на север до Черного моря.

Не все эти территории подчинялись непосредственно хану. За линией от Нижнего Новгорода до точки к югу от Львова располагались владения русских князей; в северном Хорезме часто бывали свои управляющие, а Кавказ едва признавал его главенство. Некоторое влияние хан оказывал и на Болгарию.

Таким образом, улус Бату охватывал большую часть плодородных степей, столь желанных для кочевников, но, за исключением Хорезма и русских княжеств, в нем не было больших городов и обрабатываемых земель. В этом отношении он походил на улус Джэгатая и отличался от империи Юань и государства ильханов. Среди кочевников было гораздо больше тюрков, чем монголов, и говорили они тоже, соответственно, на тюркском языке, хотя монгольский использовался для официальных целей, например для ханских «ярлыков». Впоследствии русские стали называть всех кочевников «татарами», поэтому многие авторы называют монголов в России «татарами». Кочевая орда Бату и его преемников располагалась в низовьях Волги, но постоянной столицей считался город Старый Сарай, или Сарай-Бату, на Волге, который сменил Новый Сарай, или Сарай-Берке, выше по течению. Эти города были построены татарами, управлялись ими и зависели исключительно от татар.

Азиатскими территориями управлял старший брат Бату, Орда, которому подчинялись другие братья, Шибан и Тоган Тэмур, а после – их наследники. О них мало что известно, за исключением тех моментов, когда они вмешивались в распри русских князей.

Итальянские торговые поселения в крымских Кафе (совр. Феодосия), Судаке и Керчи продолжали принадлежать генуэзцам и венецианцам. Им была предоставлена

некоторая независимость в обмен на услуги. Итальянцы проживали также и в Сарае.

Среди русских княжеств Бату подчинил себе Смоленское, Черниговское, Северское, Переяславль-Новое, Муромское, Рязанское и Ростово-Суздальское на востоке; на западе Новгородское, Полоцкое, Волынское, Галицкое, Киевское и Пинское.

При дворе князей находились «даругачи» или «баскаки» – политические представители монголо-татар и сборщики дани. Сначала для сбора дани татары посылали мусульман из Хорезма, но потом заменили их, поскольку тех ненавидели.

Осуществляя общее руководство над завоеванными землями, татары следили за тем, чтобы русские князья продолжали ссориться между собой и не заключали союзов. Одному из князей жаловался титул великого князя, и его татары в любой момент могли отобрать и передать другому.

Интересы князей и бояр отличались от интересов крестьян и горожан, и иногда правители даже стремились выслужиться перед татарами, если их власть не была слишком обременительной. Гораздо чаще сопротивление татарам оказывали непривилегированные классы.

Пристально следить за отношениями с русскими князьями и их соперниками, великими князьями литовскими, татарам приходилось еще и потому, что они не получали никакой поддержки со стороны своих сородичей в Азии.

Отношения с другими монгольскими государствами были не так важны, за исключением непрекращающейся вражды с ильханами и (позже) нашествия Тимура со сто-

роны бывшего джагатайского улуса. Время от времени татарские ханы заключали союз с мамлюкскими султанами Египта против ильханов.

После того как в 1255 г. в Старом Сарае умер Бату, а затем – один за другим его преемники – Сартаха и Улагчи, Мункэ назначил правителем Золотой Орды Берке, брата Бату. (Золотой Ордой ее обычно называют потому, что у Бату был позолоченный шатер с золотой вышивкой.)

Став ханом, Берке послал своих военачальников Бурундая и Ногая на расправу с восставшим галицким князем Даниилом и его сыном Львом. Успех монголов был таким, что папа Урбан IV и европейские короли стали опасаться нового нашествия. В 1263 г. умер великий князь Александр Невский. Он прославился тем, что разгромил тевтонских рыцарей на озере Ильмень. Но не меньшую услугу он оказывал своим подданным тем, что старался договориться с татарами и поддерживать порядок на подчиненных им землях.

На юге Берке был вынужден вступить в противостояние с Хулагу за Кавказ, который Мункэ передал Бату. При этом ему не нравилось, что Хулагу воюет с мусульманами, потому что он сам принял ислам. После сражения при Айн-Джалуте Бейбарс обратился к Берке за помощью против Хулагу. После смерти Мункэ Берке поддержал Арика Богэ в его войне против Хубилая, вследствие чего стал врагом великого хана и врагом ильханов; зато теперь он был готов объединиться с джагатайскими ханами. С Хулагу он также соперничал за влияние на Византию. В войне с ильханами военачальник Берке Ногай дошел до Куры.

В 1266 г. Берке умер и войскам пришлось вернуться.

Сына Берке не оставил. Хотя самым способным из рода Джучи считался Ногай, курултай выбрал ханом внука Бату, Мункэ Тэмур, также мусульманина.

В 1268 г. Мункэ Тэмур, вопреки желанию Бейбарса, помирился с ильханами, но позже поссорился с Абакой. Когда Абака напал на мамлюков в Сирии, Бейбарс снова попросил помощи у Золотой Орды.

За короткое время были образованы два альянса: объединенные силы Золотой Орды и мамлюков, Венеция, Якоб Сицилийский и Альфонс Арагонский с одной стороны; ильханы с генуэзцами, папа, Людовик IX и Карл Анжуйский с другой.

В Золотой Орде наиболее влиятельной фигурой оставался Ногай, следивший за русскими князьями и побуждавший их сражаться с поляками и угрожающими им литовскими князьями. В то же время он посадил на царство одного за другим двух царей Болгарии и оказывал влияние на византийцев.

В 1277 г. умер Бейбарс, а его преемник Калавун по отношению к ильханам был настроен не так враждебно.

Мункэ Тэмур умер в 1280 г., и ханом стал его брат Туда Мункэ, который в 1283 г. также принял ислам.

В последующие годы реальным правителем оставался Ногай, начавший новый поход против Венгрии и Южной Польши, на территории которых он осуществлял набеги. Тогда Мункэ, потерявший интерес к политике и ставший суфийским дервишем, отрекся от ханства в пользу своего племянника Телебогэ. Но Телебогэ так бездарно вел военные действия, что Ногай приказал его схватить и отдать злейшему сопернику, Тохте, сыну Мункэ Тэмур. Тохта казнил Телебогэ, после чего Ногай про-

возгласил его ханом. Тохта правил вместе с тремя братьями. Сам Ногай со своим племенем мангутами завладел землями в Крыму. В русских степях образовались два татарских центра, что имело серьезные последствия для дальнейшей истории.

Тохта поссорился со своими братьями, и они его прогнали. Он сбежал к Ногаю, который восстановил его в правах единственного правителя. Опять став ханом, Тохта немедленно пошел наперекор Ногаю, приняв противоположную сторону в выборах русского великого князя и в войне между Венецией и Генуей. В 1297 г. Ногай и Тохта вступили в открытое противостояние. В первой битве на реке Прут Ногай одержал победу, но не смог схватить Тохту.

Два года спустя на Кагамлыке войска Ногая были разгромлены, а сам он убит.

Тохта без труда расправился с сыновьями Ногая, которым было далеко до доблести своего отца, и заменил их в Крыму двумя своими сыновьями. Подобно ильхану Абаке, он взял в жены внебрачную дочь византийского императора. В 1303 г. он потребовал уступок на Кавказе со стороны Газана, но тот не согласился. Тохта собирался выступить против Олджету, но не смог заручиться поддержкой мамлюкского султана Аль-Малика аль-Назира, который отражал натиск французских крестоносцев. Однако нападение Олджету было легко отбито.

В 1311 г., послав своего сына Узбека на очередную расправу с восставшими князьями, он умер в Сарае.

Преемником Тохты стал Узбек, преданный исламу, но в то же время почитавший Ясу. В 1328 г. он утвердил назначение великим князем московского князя Ивана Калиту, одержавшего победу в длительной борьбе с твер-

ским князем. С тех пор этот титул принадлежал московским князьям, которые в конечном итоге и возглавили освобождение страны. На западе Узбек на время сдержал притязания литовских князей на обладание Венгрией, Польшей и Западной Россией. На Кавказе его самого остановил Чобан, военачальник Абу-Саида, а после падения ильханов его продвижение сдерживал Арпа. В 1341 г. он умер в Сарая и ханом стал его сын Джанибек.

При Джанибеке Золотая Орда вступила в долгий период постепенного упадка. Хотя Джанибек однажды захватил Тебриз и послал армию из Хорезма в Хорасан, его в основном интересовал запад. Великий князь Симеон не доставлял особых хлопот и старался угодить, но все же для пущей уверенности Джанибек решил подтвердить древние привилегии православной церкви, особенно после того, как польский король Казимир III пригрозил отменить их в своих владениях. Джанибек также сдерживал притязания Казимира при помощи Алигирдаса, великого князя литовского; Симеон, в свою очередь, должен был сдерживать поползновения литовцев. Но выиграли от такого расклада сил только оттоманские турки, распространившие свое влияние на север через Балканы и вдоль Дуная.

Когда в 1357 г. Джанибек неожиданно умер по возвращении из Азербайджана, его сын Бердибек сразу же прекратил завоевательные походы, приехал в Сарай и объявил себя наследником. Золотая Орда потеряла интерес к землям к югу от Кавказа.

В 1359 г. Бердибек был убит, что привело к большой смуте. Начались жестокие войны, как между татарскими соперниками – за титул хана, так и между русскими князьями, пытавшимися освободиться от растущего влияния

Москвы и поддерживавшими разных татарских претендентов. Тем временем литовские князья расширили свое влияние до Добруджи, Днестра и даже Киева, но не могли справиться с князьями московскими.

В конце концов территория Золотой Орды была поделена между Мамаем в Крыму, Хаджи Саркисом в Астрахани и Урус-ханом, претендовавшим на владение Хорезмом, в Сарае.

В это же время правителем Средней Азии вместо джагатай-ханов стал Тимур, выходец из монгольского племени барулас, не уступавшего монголам Чингисхана в боевом духе и мастерстве. При его дворе в Самарканде находили убежище сначала Тохтамыш, племянник Урус-хана, а затем Эдигей, военачальник племени мангкутов.

Так как Тимур не выдавал их, Урус-хан собрался напасть на Хорезм. Тимур, в свою очередь, решил помочь своему новому вассалу Тохтамышу.

Но в 1377 г., перед тем как две армии встретились, Урус умер.

С помощью Тимура Тохтамыш в 1378 г. завладел Астраханью и Сараем. Тем временем великий князь Дмитрий (Донской), воспользовавшись разногласиями среди татар, в 1378 г. наголову разбил войско Арабшаха на реке Вожа к северу от Рязани, а в 1380 г. разгромил войско Мамая на Куликовом поле в верховьях Дона.

После этой славной победы русские могли бы окончательно освободиться от татар, если бы те продолжали вести междоусобицы.

В 1381 г. на реке Калке захватившего власть Мамай разгромил уже Тохтамыш. Мамай бежал в Кафу и позже был там убит.

Тохтамышу не сразу удалось покорить русских князей. Но в 1382 г. он взял осадой Москву. Затем он решил возобновить притязания на Кавказ и Среднюю Азию. Многие его противники, в том числе и Эдигей, бежали к Тимуру, который перенес боевые действия из Ирана на север и напал на Тохтамыша. В 1391 г. Тимур догнал Тохтамыша после долгого преследования вдоль Кандурчи на Урале и в кровавом сражении победил его.

После этого были назначены другие ханы, хотя Тохтамыш и не был разгромлен до конца.

В обмен на поддержку со стороны литовского князя Витовта он предоставил племяннику князя, Ягайле, ярлык на княжение в некоторых русских провинциях и право сбора дани. Василию Московскому он предоставил право владеть Нижним Новгородом и некоторыми другими мелкими княжествами. Но от оттоманских турков и мамлюков помощи он не получил, так как им в то время угрожало нашествие Тимура.

В 1394 г. Тохтамыш снова вторгся на Кавказ, но в 1395 г. его войско потерпело сокрушительное поражение на Тереке со стороны Тимура. Тимур прошел по низовьям Волги и вышел к Дону у Рязани, где напал на Елец. Дальше продвинуться на русские земли ему не удалось. Вместо этого он предпочел разрушить кочевья подданных Тохтамыша в Астрахани, Сарая, Булгаре и Крыму, после чего повернул обратно и направился в Индию.

Его походы ослабили мощь Золотой Орды, ослабили ее контроль над городами и торговыми путями между Европой, Индией и Китаем.

Теперь положение Тохтамыша зависело исключительно от Витовта Литовского, который надеялся (в обмен на помощь) завладеть территориями Золотой Орды. Соперники Тохтамыша, Тэмур-Кутлуг и Эдигей, объявили себя ханом и эмиром, зависевшими от Тимура. Когда Витовт с некоторыми русскими союзниками в 1399 г. выступил в поход на защиту Тохтамыша, его армия встретилась с армией Эдигея и Тэмур-Кутлуга на реке Ворскле.

Литовские войска были разгромлены, но Тэмур-Кутлуг скончался от ран. Тохтамыша убили позже, когда он сбежал к удельному хану Шадибеку.

Золотая Орда осталась отдельным независимым государством, но под властью Эдигея.

Эдигей не пошел на Литву. Он обратился к Витовту за помощью: его целью была Москва. Витовт ответил отказом, но и Москве не помог, так как хотел, чтобы Москва и Золотая Орда ослабили друг друга. Эдигей осадил Москву, но не добился особого успеха.

В самой Золотой Орде сыновья Тохтамыша, которых поддерживала Москва, вели борьбу против соперников, которых поддерживал Эдигей.

Сам Эдигей никогда не носил титул хана.

Позже на Эдигея пошел войной Тимур-хан, сын Тэмур-Кутлуга со своими сторонниками. Эдигей пытался снова найти помощь у Витовта, но в 1418 г. в стычке был убит.

Когда в 1430 г. умер Витовт, Литву снова принялись делить между собой различные претенденты на трон.

В этой ситуации опять выиграло Московское княжество, а Золотую Орду продолжали сотрясать междоусобицы, и она стала делиться на независимые друг от друга орды.

На западе при поддержке литовцев ханом стал Улу-Махмед, родственник Тохтамыша, но у него было два соперника – Кепек и Девлет-Берди, сыновья Тохтамыша. Еще большее волнение поднял Барак, внук Урус-хана, вторгшийся со стороны Казахстана и вынудивший Улу-Махмеда искать убежища у Витовта.

Приблизительно в 1425 г. Девлет-Берди захватил Крым. Другими претендентами были Саид-Ахмед, еще один сын Тохтамыша, и Кучук-Махмед, внук Тэмур-Кутлуга. Полномочий Улу-Махмеда хватило, чтобы утвердить Василия II Московского великим князем, но в 1437 г. соперники оттеснили его в верховья Оки, где на него и его сыновей пошел войной Василий. Сыновья взяли в плен Василия и отпустили за большой выкуп. Старший сын Улу-Махмеда, Махмудек, желавший завладеть деньгами, убил отца.

В 1445 г. Махмудек провозгласил себя удельным ханом Казани.

Василий продолжил править Москвой, несмотря на то что был ослеплен врагами.

Часть татар из орды Улу-Махмеда перешла к Саид-Ахмеду, удерживавшему за собой Крым. В Москве Саид-Ахмеда признали ханом и послали ему дань. Махмудек напал на Саид-Ахмеда, но потерпел поражение. В 1449 г. , при поддержке Михаила, претендента на литовский

трон, Саид-Ахмед вторгся в литовские владения, взяв Северск и Киев. В ответ Казимир IV, король польский и великий князь Литовский, поддержал соперника хана, Хаджи-Гирея, который захватил Крым и основал там свою династию.

В 1449 г. Саид-Ахмед послал войско на Москву, но нашествие отразили. Походы 1451-го и 1459 гг. также оказались безуспешными. Вторгшись в 1452 г. в Подолье, он обнаружил у себя в тылу войска Хаджи-Гирея. Василий II умер в 1462 г., передав титул великого князя Ивану III без всякого разрешения со стороны татар.

В Крыму Хаджи-Гирей настолько усилил свои позиции, что заявил о своих правах на все кипчакские территории, хотя Саид-Ахмеда и его сыновей еще никто не лишал власти. Когда в 1466 г. Хаджи-Гирей умер, наследником стал его способный сын, Менгли-Гирей. Тем временем Большая Орда, как ее стали называть, обрела подобие былой мощи под управлением Ахмеда, сына Кучук-Махмеда.

Несмотря на союз против татар, заключенный московским князем Иваном III и тверским князем Михаилом, Ахмед прежде всего направил свои войска на Киев, Волынь и Подолье.

Казимир, не доверявший более крымским ханам, в 1471 г. договорился с Ахмедом о совместном нападении на Москву.

Ахмед в 1472 г. подошел к Москве, но не получил помощи от Казимира. Ему пришлось отступить, тем более что войско поразила болезнь.

В 1475 г. Иван напал на Казимира за то, что тот подстрекал Ахмеда, и в этом московскому князю помогал

Менгли-Гирей, вторгшийся в Киев и Подолье и потребовавший дань. В 1476 г. Ахмед и его сын Джанибек вынудили Менгли-Гирея искать убежища у турецкого султана, который с тех пор стал его союзником. Ахмед снова пошел на Москву, но опять не добился успеха.

В 1480 г. Иван договорился с вернувшимся из Турции Менгли-Гиреем о совместных действиях против Ахмеда и Казимира. Когда Ахмед выступил в очередной поход на Москву, Казимир опять не пришел ему на помощь. Менгли-Гирей и ногайцы прогнали Ахмеда на запад, на территорию шейбанидов, где хан Арибег обрушился на Ахмеда у реки Донец и убил его.

На некоторое время Большая Орда осталась без предводителя.

В 1482 г. Иван напал на Казимира с севера, а Менгли-Гирей со стороны Киева и Подолья. Литовцам также угрожали турки, продвинувшиеся по западному берегу Черного моря до Килии и Аккермана (Белгород-Днепровского). Казимир в очередной раз обратился за помощью к Большой Орде, которой теперь управляли сыновья Ахмеда, Муртеза и Шейх-Ахмед. В 1485 г. войска Крымской орды одержали победу над Большой Ордой и взяли в плен Муртезу, которому удалось бежать. В 1487 г. Казимир, вновь поссорившийся с Большой Ордой, сражался при Копистрине и разгромил ее армию.

После этого Иван III вступил в союз с Крымской ордой против Большой Орды, которую рассматривал как своего главного врага. Муртеза, снова воюя с литовцами, потерпел поражение в битве на реке Горынь, и Шейх-Ахмед его прогнал.

Перед тем как Иван и Менгли в 1492 г. вместе ударили на Большую Орду и литовцев, опять объединившихся с ней, Казимир умер.

На его сына Александра, которому не удалось сокрушить Менгли, армия Крымской орды напала в 1493 году. Но Менгли был остановлен у Перекопа, и таким образом было прервано сообщение между Москвой и Крымом. Затем Иван договорился с Александром о совместных действиях против татар, но его удерживали обязательства по отношению к Менгли. С другой стороны, Александр и польский король Ян предложили Шейх-Ахмеду совместно напасть на крымских татар и низложить Менгли.

Поляки и литовцы потеряли свое влияние на юго-востоке во многом благодаря нерешительной политике, разительно отличавшейся от настойчивых действий Москвы. Когда Менгли продвинулся по Днепру, их силы оказались отрезанными.

Турки прошли вдоль Дуная, а москвиты заняли северные земли.

Большая Орда и польско-литовские князья не могли успешно выступить против Менгли и Ивана, потому что у них были разные интересы и разные основные враги. Шейх-Ахмед понимал, что решительная схватка у него будет с Менгли. Он разбил укрепленный лагерь у впадения реки Сосны в Дон, но его покинули брат Саид-Махмед и некоторая часть войск; к тому же в этом походе Александр его не поддерживал. В 1502 г. Менгли сообщил Ивану о своей готовности напасть на Большую Орду, численность войск которой сократилась до 20000, а основной лагерь располагался у устья Десны.

Поход закончился удачей и разгромом войска Шейх-Ахмеда. Шейх-Ахмед сбежал в Астрахань, где его приня-

ли неприветливо, и поэтому ему пришлось бежать в Литву. Для Александра беглец также оказался помехой, и потому он решил казнить Шейх-Ахмеда, чтобы угодить Менгли. После этого Менгли взял Сарай.

Так в 1505 г. Большая Орда прекратила свое существование.

В том же году Иван III умер и его преемником стал Василий III, а после него Иван IV. Окончательная победа Ивана IV над татарами (за исключением крымских) была одержана во многом благодаря новым видам огнестрельного оружия, в том числе большим и малым пушкам, которых в степи еще не знали.

Династия Гиреев еще долго продолжала править в Крыму. В 1571 г. крымские татары даже совершили набег на Москву и потребовали дань, которую им время от времени выплачивали до Петра I. Крымское ханство зависело от турецких султанов вплоть до 1774 года, когда оно перешло под власть Екатерины II. Формально Крымское ханство вошло в состав России в 1783 г.

Материальные памятники Золотой Орды известны по находкам в древних татарских городах, таких, как Сарай-Бату, Сарай-Берке, и в ряде крымских поселений. Своим богатством они были обязаны торговле, дани и труду пленников. Более всего по средневековым описаниям и современным раскопкам известен Сарай-Берке. Предполагается, что некогда его население превышало 100000 жителей.

Сарай-Берке был построен без стен, посреди солончака. На его территории располагалось искусственное озеро, заполняемое водой из Волги. Воду из реки, так же как и в Каракоруме, использовали для питьевого запаса и для приведения в действие различных механизмов. Рези-

денцией хана служил величественный дворец, над которым сиял золотой полумесяц ислама. На нескольких улицах и на пяти рынках толпились люди, но в остальном между кирпичными и деревянными домами почти не было проходов или садов. Кроме 13 больших мечетей, имелось множество малых. Город населяли монголы, аланы, кипчаки, черкесы, русские, византийцы, итальянцы и другие. У каждого народа был свой рынок. Приезжавшие купцы и другие иностранцы селились в особых кварталах, окруженных стенами.

В одной части города, площадью 450 кв. м, археологи обнаружили остатки кирпичей, керамических изделий, шкур, тканей, оружия, орудий труда, медные кубки и подсвечники, черепицы, гвозди и иглы; также остатки фруктов и овощей, кофе, квасцов, селитры и других веществ. Все они были повреждены в ходе осады города войсками Тимура и последующих разграбления и пожаров, но кое-что сохранилось. Стиль сохранившихся гончарных изделий и архитектурных деталей походит на стиль таких же предметов из Хорезма, хотя иногда заметно влияние Китая, Византии и даже египетских мамлюков.

ЭПИЛОГ

Повествование, посвященное обширным походам монголов по территории Азии и Европы, закончено. Остается только проследить некоторые обрывки последующей истории, которые тем не менее не дотянутся до нашего времени. Время от времени монголы предпринимали попытки возродить былое величие, но не столь усердно, как следовало бы ожидать от потомков тех, кто завоевывал Китай, Среднюю Азию, Иран и Россию.

Среди этих попыток вряд ли стоит упоминать об империи Тимура. Хотя Тимур и его непосредственные преемники происходили из монголов и помнили традиции Чингисхана, они все же принадлежат совсем к иному миру. Тимур основал свое государство по большей части на остатках государств чингисидов, воюя с последними джагатай-ханами за Среднюю Азию и Тохтамышем за улус Джучи. Он, подобно многим монголам за пределами Монголии, говорил на тюркском языке, жил в Средней Азии и столицей своей сделал Самарканд.

Именно отсюда, а не из Монголии он руководил завоеванием мира, причем не как враг ислама, а как ревностный мусульманин, желавший распространять свою веру любыми путями. При этом он не слишком упорствовал в завоевании восточной части улуса Джагатая, не говоря уже о Монголии, которую его войны не затронули.

Для завершения истории мы должны вернуться в Монголию и близлежащие страны, но некоторые страницы требуют экскурса и в более отдаленные места. В некоторых событиях будут по-прежнему принимать участие потомки Чингисхана.

После падения династии Юань первые императоры из династии Мин охотно принимали в ряды своих войск пленных или сдавшихся монголов. Они по возможности старались оставлять их в тех же войсках, где они служили и раньше, и даже сохраняли за ними руководящие посты, если они не были слишком высокими. Судя по всему, эти монголы вместе с членами своих семей образовывали особые военные поселения. На северной границе были расположены заставы из монголов, перешедших на сторону правящей династии из степи.

Эти иммигранты шли из обедневшей и страдавшей от междоусобиц Монголии, где ханы-чингисиды постепенно теряли влияние, а местные правители объявляли о своей независимости и вели войны. Вместе с тем все опасались нашествия китайской армии.

В 1372 г. минская армия напала в Северной Монголии на Аюршидару, сына Тоган Тэмур, подобно тому как еще до Чингисхана цзиньские войска нападали на монгольские племена. Несмотря на то что этот поход оказался для китайцев неудачным, во время очередного похода 100-тысячного войска следующий хан Токур Тэмур потерпел сокрушительное поражение южнее озера Буйр-Нур, после чего его убил один из родственников.

Когда в 1399 г. его преемника Элбека разгромил и казнил киргизский хан Угетчи, правление рода Хубилая прервалось. Угетчи объединился с аланским вождем Аруктаем и ойратским вождем Махаму из Западной Монголии. Алджай (Улдзий) Тэмур, сын Элбека, пытался восстановить свои права, но проявил недальновидность и отказался признать себя вассалом минского императора Ян Ло, войска которого его потом и разгромили. Послед-

ний удар нанес Махаму, ставший в 1412 г. правителем Монголии.

С тех пор лидирующее положение в Монголии перешло к ойратам; иначе их называют дэрбэн-ойратами или «союзом четырех племен» – чоросов, игравших ведущую роль, дэрбэтов, хошутов и торгутов. Махаму упрочил свое положение, признав себя вассалом империи Мин, но у него оставались соперники – в Восточной Монголии Эссе-ху, сын Угетчи, и Адай, вождь корчинов, в Западной.

Минцы использовали ойратов для того, чтобы воспрепятствовать потомкам Чингисхана вновь обрести власть.

Тогон, сын Махаму, не казался им особо опасным, заняв территорию между озером Байкал и Иртышом. Он напал на джагатайского хана Вайса, правившего в долине Или и бассейне Тарима. В правление Эсена Тайджи, сына Тогона, государство ойратов достигло своего расцвета, охватив земли от Балхаша до Байкала и далее к Великой Китайской стене и Маньчжурии. В 1449 г. Эсен Тайджи одержал победу над императором Инцзуном, перебив более 100000 китайских солдат и взяв в плен императора. Но Пекин взять ему не удалось. В 1450 г. он отпустил императора и в 1453 г. заключил мир. Его сын Амасанджи также вторгся на территорию джагатаидов, но вынужден был вести обременительные войны с соперниками внутри своей страны. На западе ойраты оставались самым влиятельным племенем, но на востоке после смерти Эсена они утратили власть.

К тому времени род Хубилая еще не пресекся.

В последний раз возродить его былое величие решила Мандугай-хатун, вдова Мандугол-хана, двадцать седьмого преемника Чингисхана. Она провозгласила ха-

ном внучатого племянника Мандугола, пятилетнего Даяна. Мандугай-хатун воспитала его, женила в 1481 г. в возрасте восемнадцати лет и в 1491 г. отправила сражаться с ойратами. Сам Даян оказался таким же энергичным и доблестным. Он разделил монголов на две группы: в одну вошли чахары, халка и уриангаты, в другую – туметы и карачины. В период с 1497-го по 1505 г. Даян провел успешные походы на Китай от Ляодуна до Ганьсу и правил до 1543 г. Но после его смерти сыновья и внуки согласно монгольскому обычаю поделили между собой племена, хотя титул хана остался у правителей чахаров. Алтан-хан, правивший с 1543-го по 1583 г., успешно сражался с войсками Мин по всем северным провинциям Китая, хотя вместе с тем пытался наладить с Китаем и торговые отношения.

Империя даянидов развалилась приблизительно так же, как и империя чингисидов, только гораздо быстрее.

Правители, прогнавшие ойратов на запад и захватившие их территории, отказались повиноваться чахарханам. Последний великий хан, прославленный воин Лигдан, в 1643 г. был низложен маньчжурами после того, как их предводитель Нурхаци основал в Китае династию Поздняя Цзинь, а затем была основана маньчжурская династия Цин. Ханы Восточной Монголии стали ее вассалами.

На западе ойраты, или калмыки, как их называют турки и русские, в XVI веке начали продвижение дальше на запад, через реку Эмбу вплоть до Астрахани, и на север по территории шейбанидов до Тобола. Они также совершали набеги на Хивинское ханство в Трансоксиане. Им удалось наладить хорошие отношения с русскими, надеясь в их лице получить защитников от тюркских

или тюркско-монгольских кочевников, некогда входивших в состав Золотой Орды. Некоторое время торгуты также служили России, но потом стали недовольны и вернулись в долину Или. Хошуты обрели известность как защитники буддизма в Тибете, где ламаистская церковь воспитывала сыновей их вождей и вождей других племен. Из Тибета в 1717 г. их выгнали чоросы.

Ханы чоросов создали Джунгарское ханство в долине Черного Иртыша, Урунгу, Имила и Или, поддерживая контакты с Монголией и оказывая также влияние на дэрбэтов и хойтов. Самым прославленным их правителем стал Галдан, стремившийся создать в Центральной Азии новую империю.

Он занял не только Джунгарию к северу от Тянь-Шаня, но и Кашгар к югу от него, где расправился с последними правителями рода Джагатая. Галдан простер свое влияние до Орхона, Туула и Керулена, вероятно намереваясь возродить величие Чингисхана. Но недалеко от Пекина его продвижение было остановлено императором Канси, у которого в распоряжении были пушки, производимые под руководством иезуитов.

В 1695 г. Галдан вновь напал на Китай, собираясь подчинить себе монголов-корчинов в Северной Маньчжурии. Но корчины сообщили о его планах императору. Военачальник Канси, Фэй Янгу, в 1696 г. с помощью артиллерии и мушкетов разгромил силы Галдана в битве при Чао Модо близ Урги (ныне Улан-Батор).

Канси собирался отогнать джунгарцев за Тарбагатай, но в 1697 г. ему сообщили о смерти Галдана.

Восточные монголы, избавленные от власти Галдана, благосклонно приняли китайских чиновников и гарнизон, размещенный в Урге. Китайцы позволили монголам в

Северной Монголии и в Ордосе сохранить некоторую самостоятельность. На протяжении XVIII века джунгарские ханы продолжали воевать с китайцами, пока император Цяньлун не завоевал в 1757 г. долину Или, а в 1758 г. Кашгар. Тем временем Россия включила в свой состав многие земли Средней Азии и Сибири до Амура, где русские встретились с китайцами, заключив в 1685 г. Нерчинский договор о разделе территорий. Начиная с конца XVIII века империя Цин клонилась к упадку, но монголы не сумели воспользоваться этим – во многом из-за растущего влияния России. Они оставались вассалами Цин до падения этой династии в 1912 г.

Военную мощь монголов начиная с XV века сдерживало огнестрельное оружие в руках китайцев и русских.

Находясь в отдаленных районах северной Центральной Азии, они не могли приобрести или изготавливать новые типы оружия. В этом отношении им повезло куда меньше, чем туркам, которые в то время, когда распалась Золотая Орда, стали ведущей военной силой в Западной Азии и Восточной Европе.

Другой причиной упадка их военной доблести можно назвать обращение в буддизм ламаистского толка. Вместо того чтобы становиться воинами, многие монголы становились ламами. Весьма примечателен тот факт, что на месте Каракорума позднее располагался монастырь Эрдени-Цу, основанный в 1586 г., – на протяжении нескольких веков основной центр монгольского буддизма.

Такова история Монголии до тех времен, когда они оказались буквально зажатыми между последней китайской императорской династией Цин и Российской империей, то есть между двумя активно наступающими силами, чего раньше никогда не было. Тогда же кочевники пере-

стали представлять угрозу для оседлой цивилизации. В данной книге не рассматривается влияние, какое на Монголию оказали падение династии Цин и Октябрьская революция, так как это находится вне нашей темы.

Гиббон, часто упоминавший о заслугах монголов, оправдывает свой интерес к ним и более ранним кочевникам следующим образом: «Не могу я отказаться и от описания тех событий, которые благодаря своему необычайному величию обратят философский ум к истории крови».

История кочевников всегда была весьма кровавой – не в меньшей, но и не в большей степени во времена монголов, которые известны широкой публике в основном своими зверствами и разрушениями. Однако все свои победы они одержали благодаря поразительной отваге, храбрости и дисциплине, ведь, как показывают исследования, им почти всегда приходилось сражаться с врагом, намного превосходящим их в численности. Из их среды вышло как минимум два непревзойденных полководца – Чингисхан и Субудэй. Их завоевания были нашествием варваров, но все-таки несравнимым с чудовищным стихийным бедствием, как иные нашествия.

Ближайшая аналогия – победоносное распространение ислама, также посредством армий кочевников, обладающих фанатической преданностью своей идее и превосходной дисциплиной. Но все же у арабов была религия, создавшая особую цивилизацию, которую не смогли разрушить даже монголы и которая надолго пережила власть монголов.

Поэтому роль войск Чингисхана несравнима с ролью приверженцев ислама, и они не знаменовали собой наступление новой эры в истории человечества. В наши

дни монголы не забыли величие своих предков, но у них теперь иные заботы и они не хотят, чтобы их воспринимали наследниками воинственных варваров.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

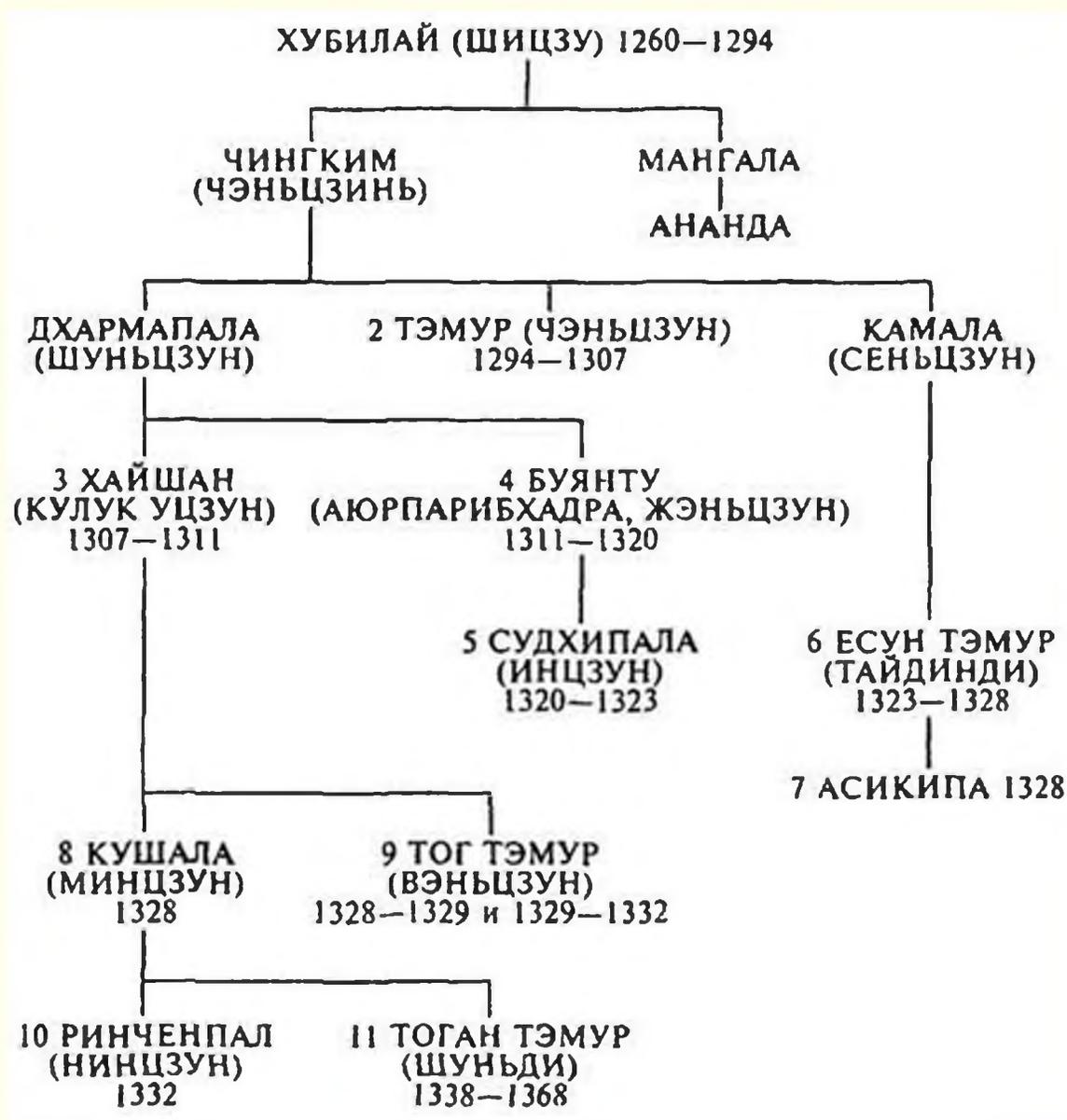
I. ДИНАСТИЯ ЧИНГИСХАНА

Титул «хан» после имени обозначает
великого хана

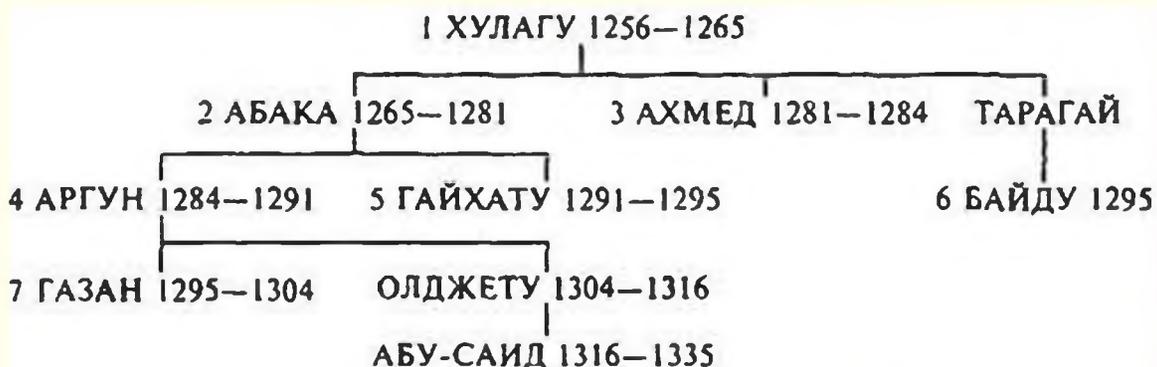

II. ДИНАСТИЯ ХУБИЛАЯ (Китайская династия Юань)

Сначала приводятся монгольские имена, если они известны, затем буддийские и храмовые китайские (посмертные)

III. ИЛЬХАНЫ ИРАНА

IV. ДИНАСТИЯ ДЖАГАТАЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(После 1338 г. ДЖАГАТАЙ-ХАНЫ не имели реальной власти).

ИЗДАТЕЛЬ

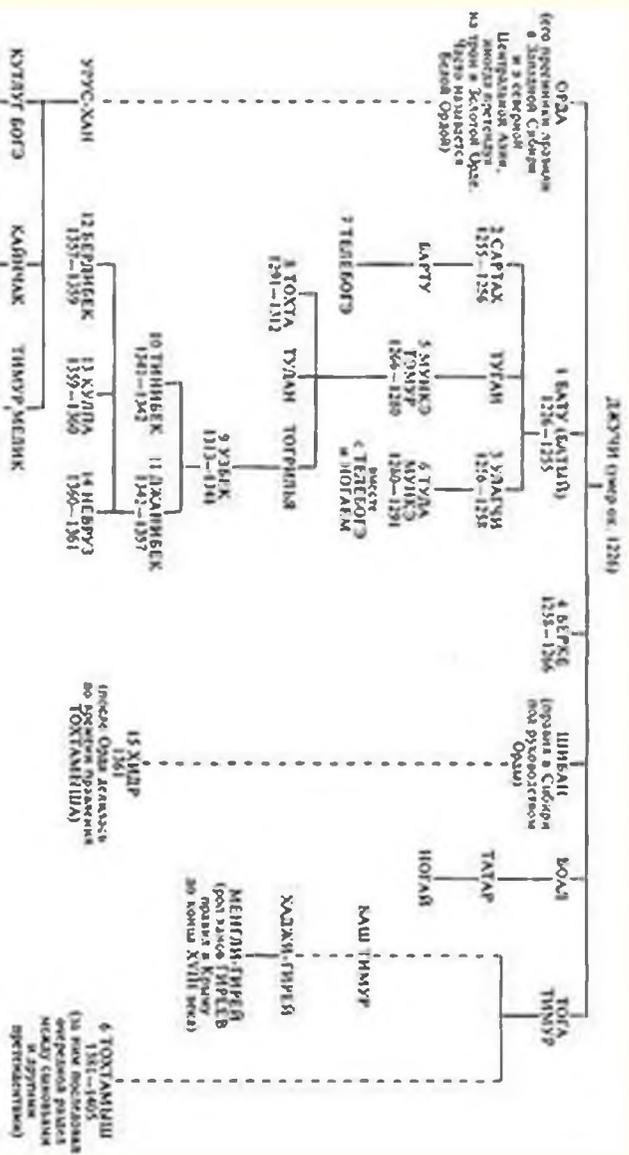
ВУЗЫ

АКЦИЯ

ШЕРХ-АКЦИЯ

Сфера в сфере обслуживания науки. Знания. Наука в сфере ее приложения, наука
на ее пути. Наука не обременена секретом, спешит распространяться.

У. ДИНАСТИЯ ДЖУЧИ – ЗОЛОТАЯ ОРДА В РОССИИ И ЕЕ ОТВЕТВЛЕНИЯ

ФОТОГРАФИИ

Китайская миниатюра, на которой изображен монгольский охотник с добычей. Очень подробно прорисованы упряжь, одежда и оружие, особенно чехол для лука, в котором также хранились и стрелы. Так как это охота, то монгол не надел доспехи и не взял иного оружия, кроме лука и стрел. Хорошо показана коротконогая монгольская лошадь.

Портрет Чингисхана из Императорской портретной галереи в Пекине. Это скорее условное идеальное изображение правителя, чем достоверный портрет, но, по всей видимости, он ближе других портретов к действительности. Здесь у Чингисхана рыжие волосы, указывающие на то, что среди его предков были представители европеоидной расы.

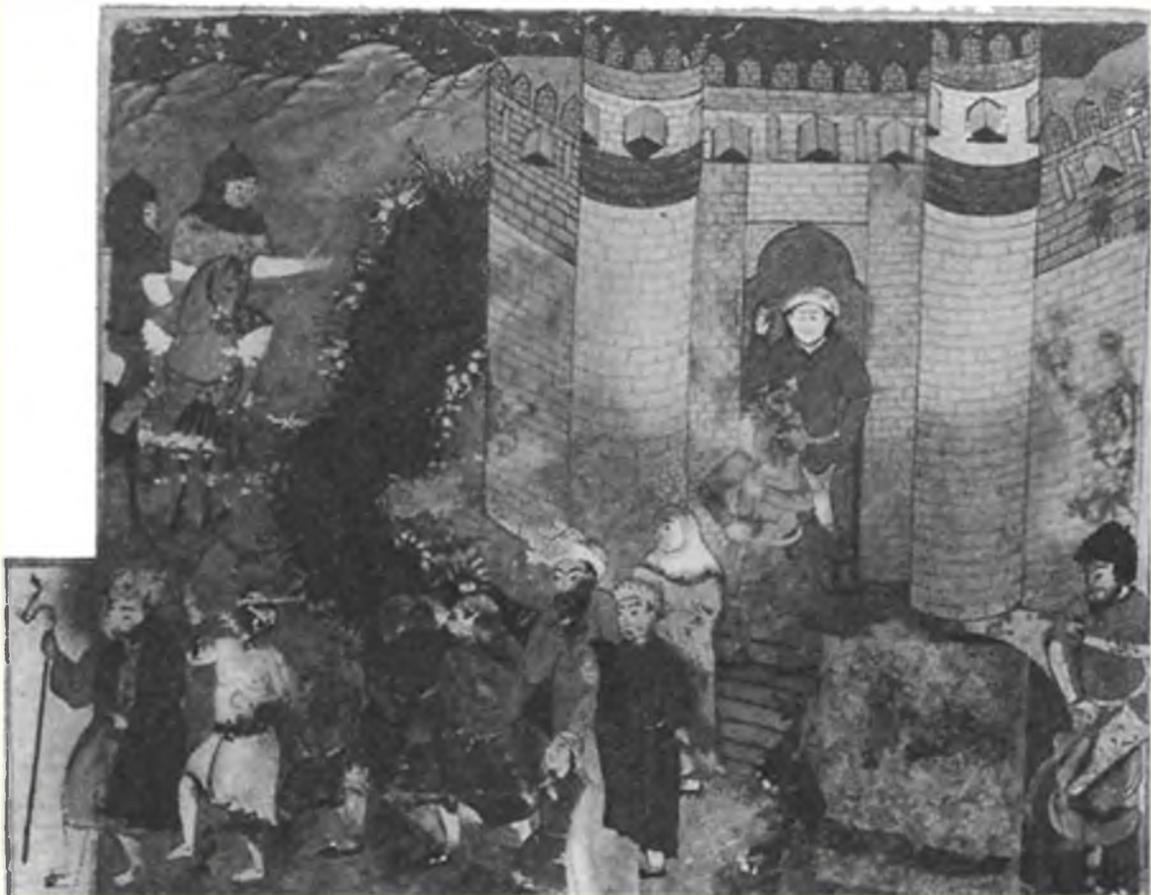
Возведенный на трон Темучин провозглашает себя Чингисханом. Справа его сыновья Угэдей и Джучи. Из иллюстрированной рукописи Рашид-ад-Дина.

Чингисхан на троне с Бортэ, перед ним коленопреклоненные сыновья, по сторонам придворные, слуги готовят яства. Примечателен головной убор Бортэ – «бок-таг».

После падения Бухары взошедший на трон Чингисхан принимает сановников.

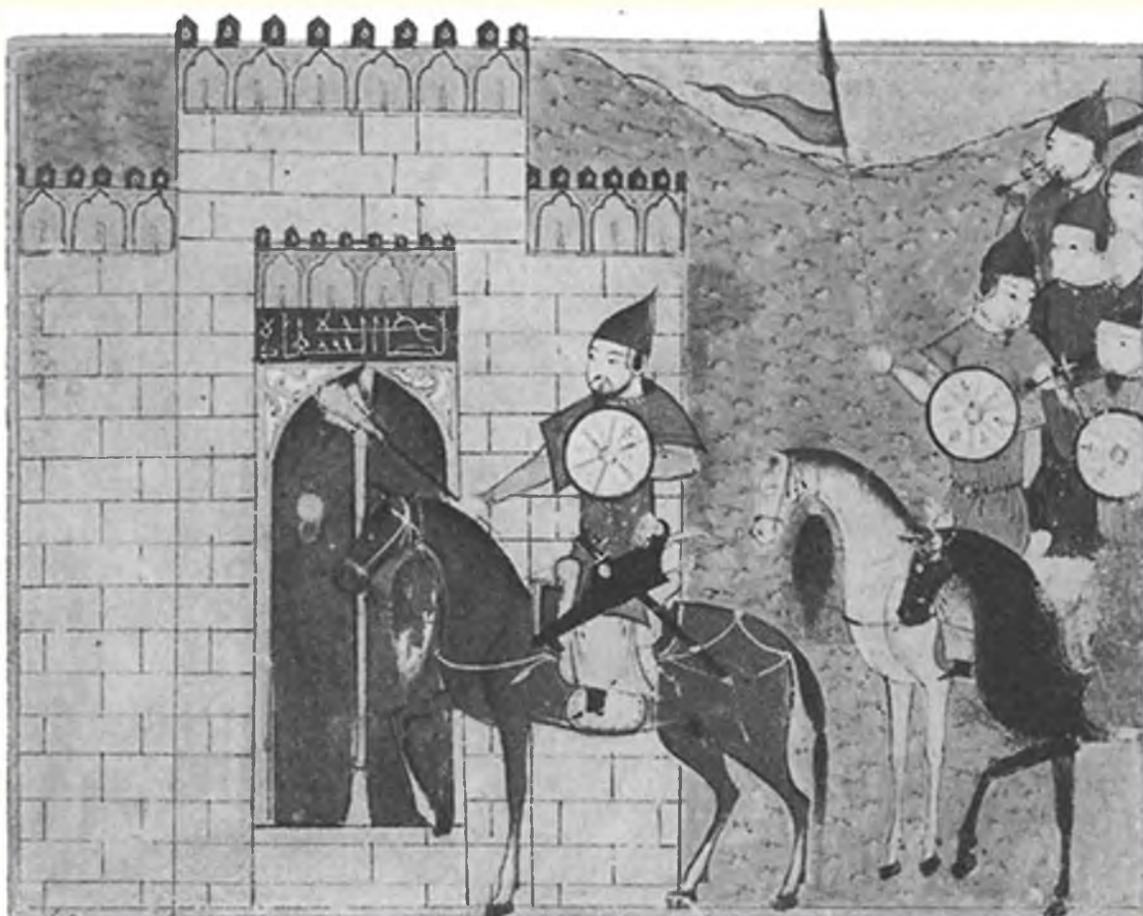
Жители Балха покидают город после его сдачи.

Сражение воинов Чингисхана с воинами Джелаль-ад-Дина.

Лагерь, или «орду», Чингисхана.

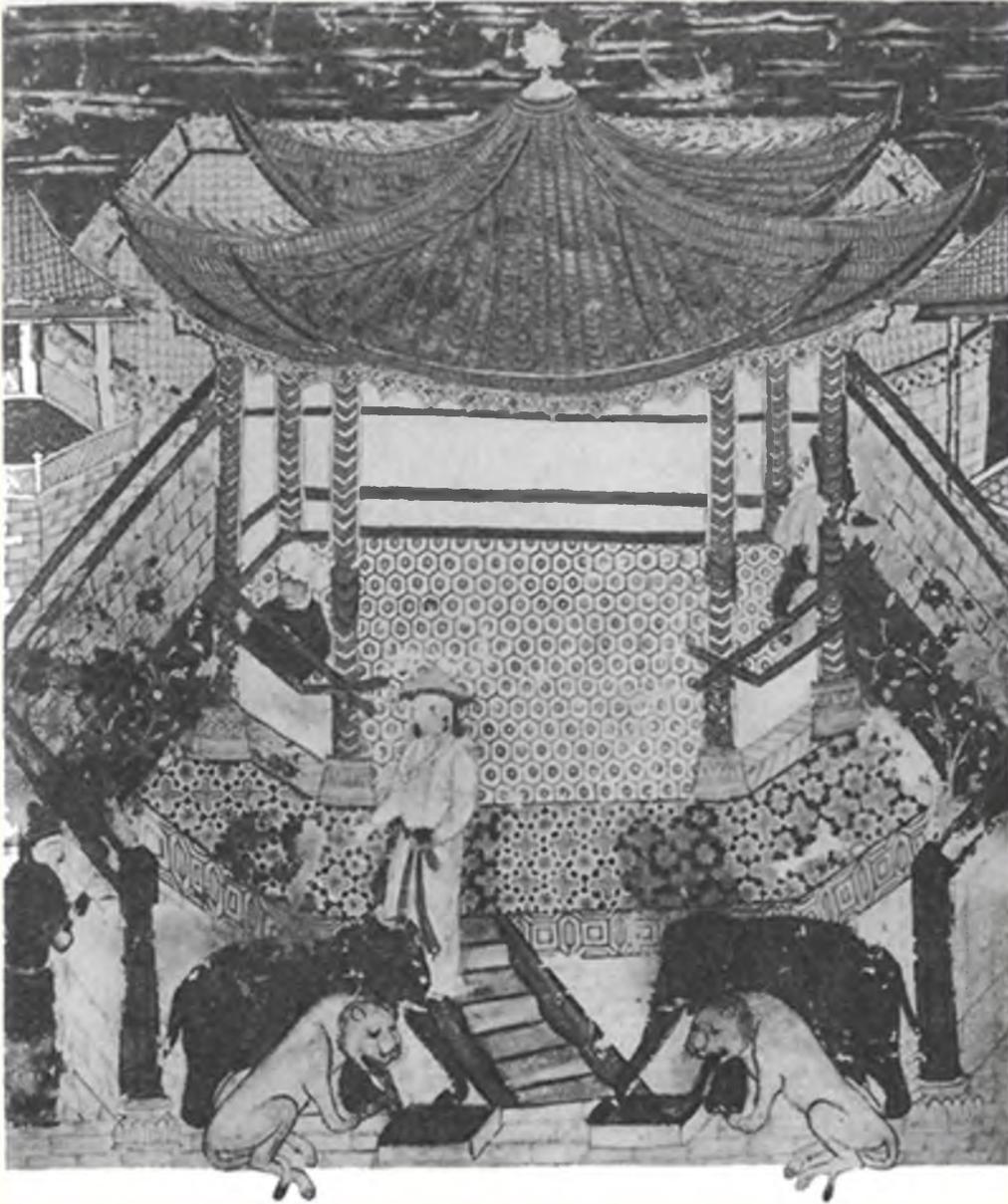
Монголы под командованием Самухи-багатура осаждают Чжунду.

Помост с гробом Чингисхана.

Угэдей-хан восседает с двумя своими сыновьями,
Гуюком и Каданом.

Павильон «Фраши» в Каракоруме.

Портрет Угэдей-хана.

Портрет Хубилай-хана в пожилом возрасте.

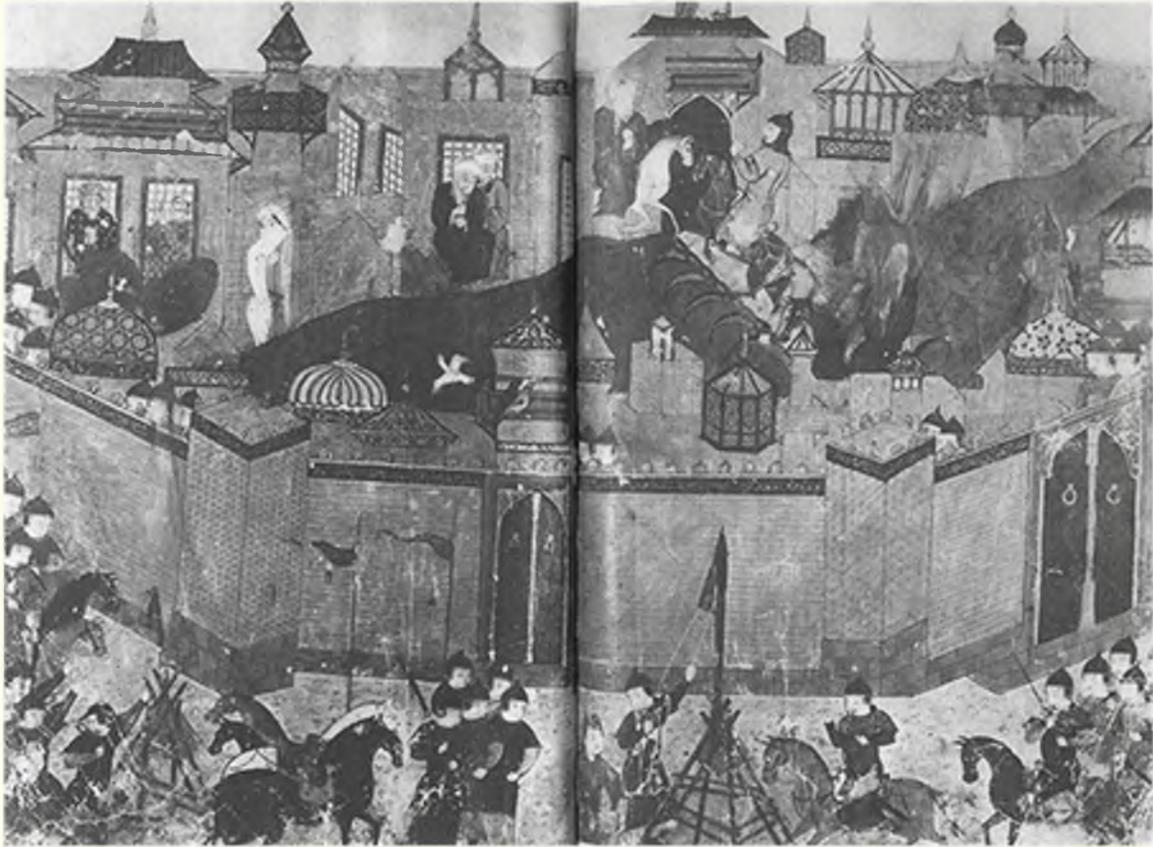
Хубилай-хан переходит через реку по мосту во время завоевания Южного Китая.

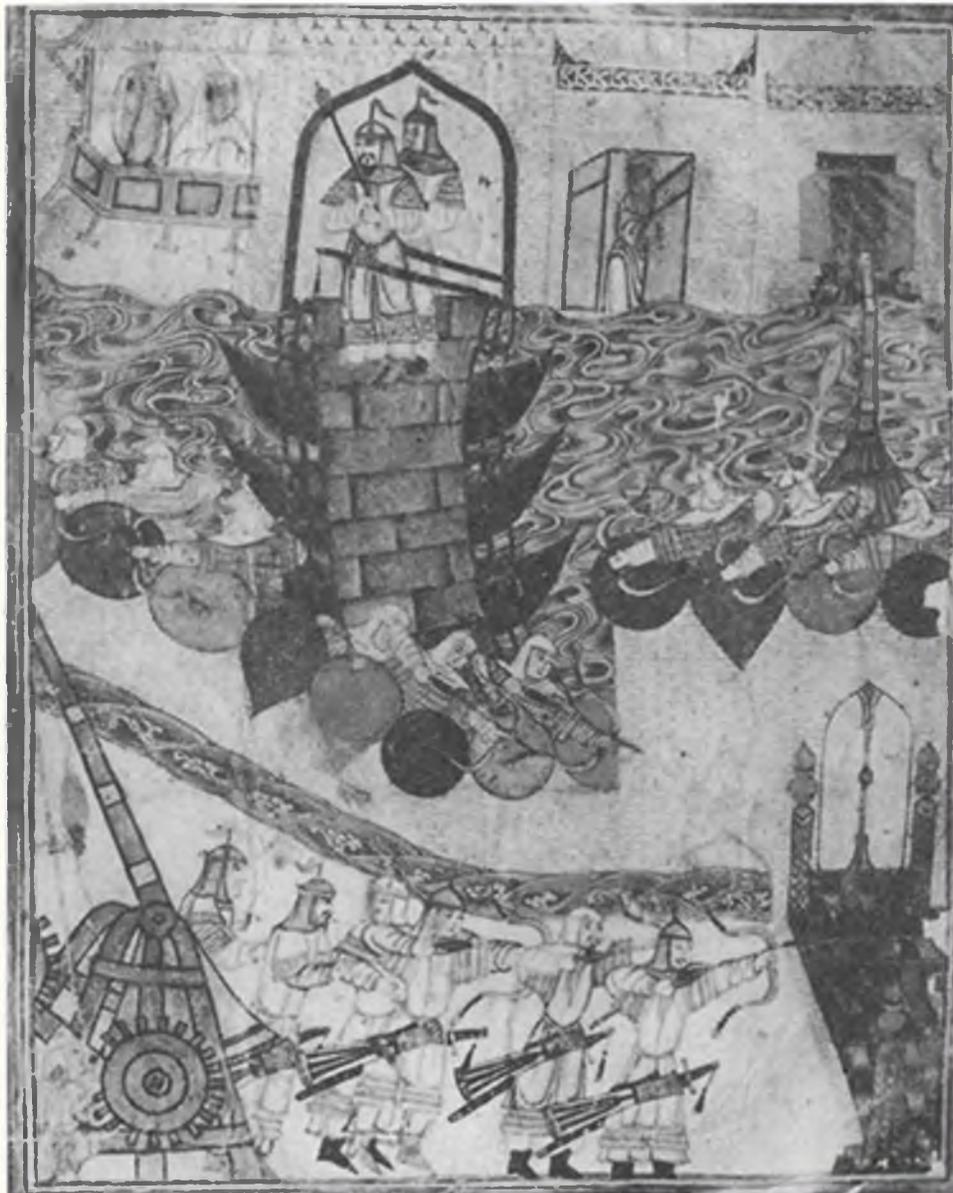
Хулагу на пиру в Монголии, перед тем как отправиться на завоевание Ирана.

Хулагу в походе на ассасинов. Примечательно изображение «тука» или стандарта из хвостов яка.

Хулагу осаждает Багдад. Последняя сцена: монголы стреляют из осадных орудий и халиф сдается.

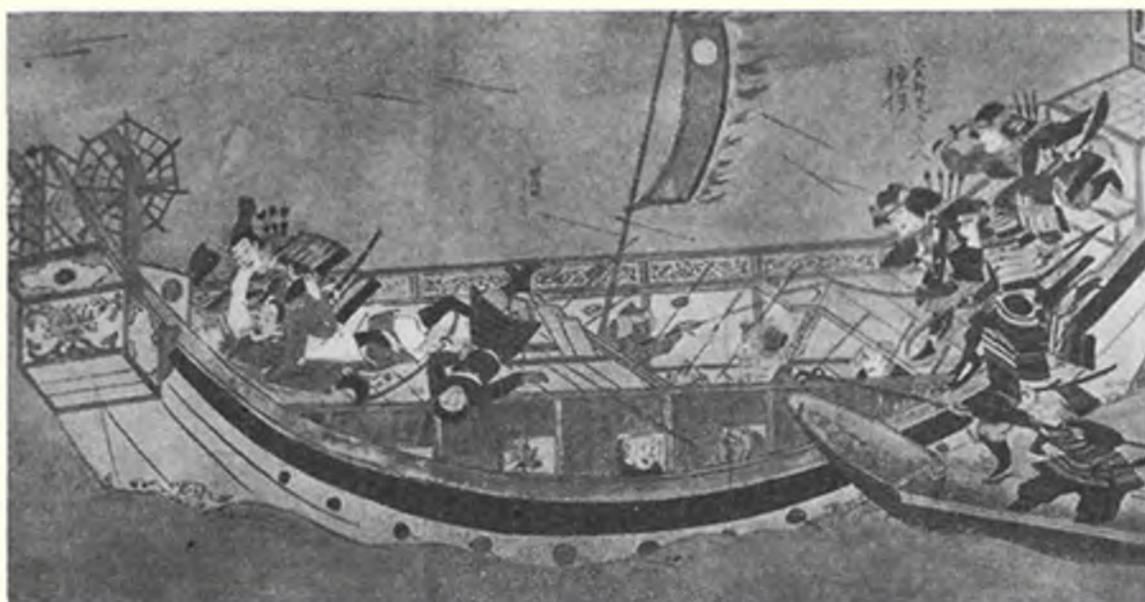
Монголы осаждают город на реке, на мосту через которую стоит их командир. Скорее всего, это Багдад.

Лошади, в которых монголы стреляют со стен, обращаются в паническое бегство и устремляются против неприятеля.

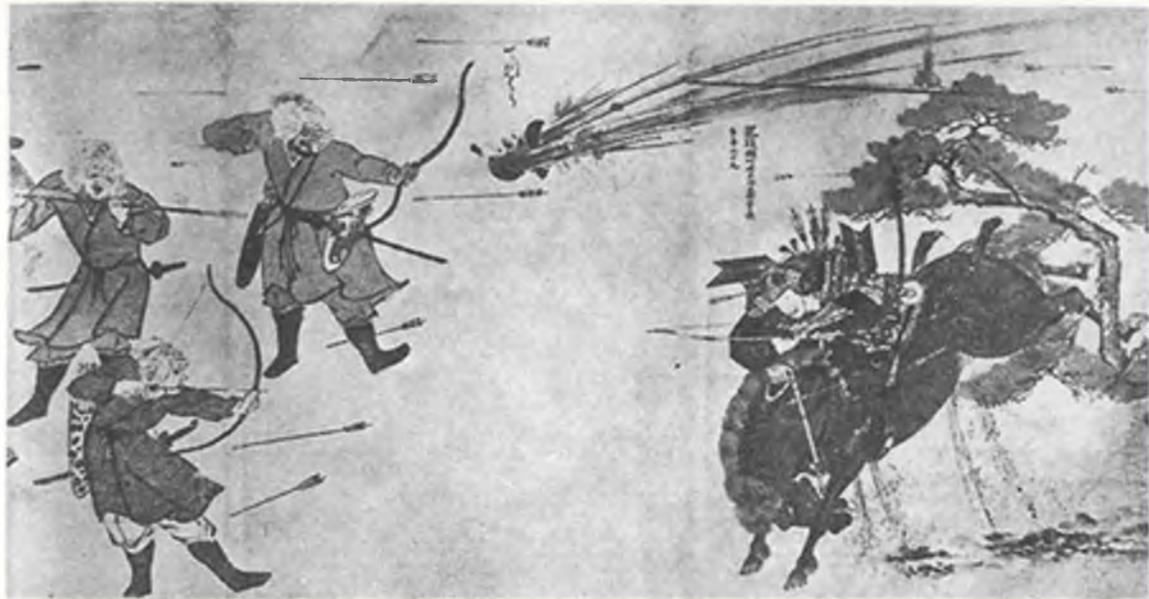
Монголы-всадники ведут пленников, которые привязаны к веткам дерева, прикрепленного к седлу. Таким образом пленники вынуждены принаравливаться к ходу лошадей.

Сцена из «Свитка о монгольском завоевании» («Моко сурай эктоба»). Воины Такедзаки и три брата Огано нападают на монгольский военный корабль.

Сцена из «Свитка о монгольском завоевании». Японский военный корабль нападает на монгольский.

Сцена из «Свитка о монгольском завоевании». Японский воин Такедзаки нападает на монгольских лучников.

Всадники преследуют неприятеля.

Сражение между татарской конницей и каким-то восточным войском.

Битва на мосту через Дунай между венграми и татарами.

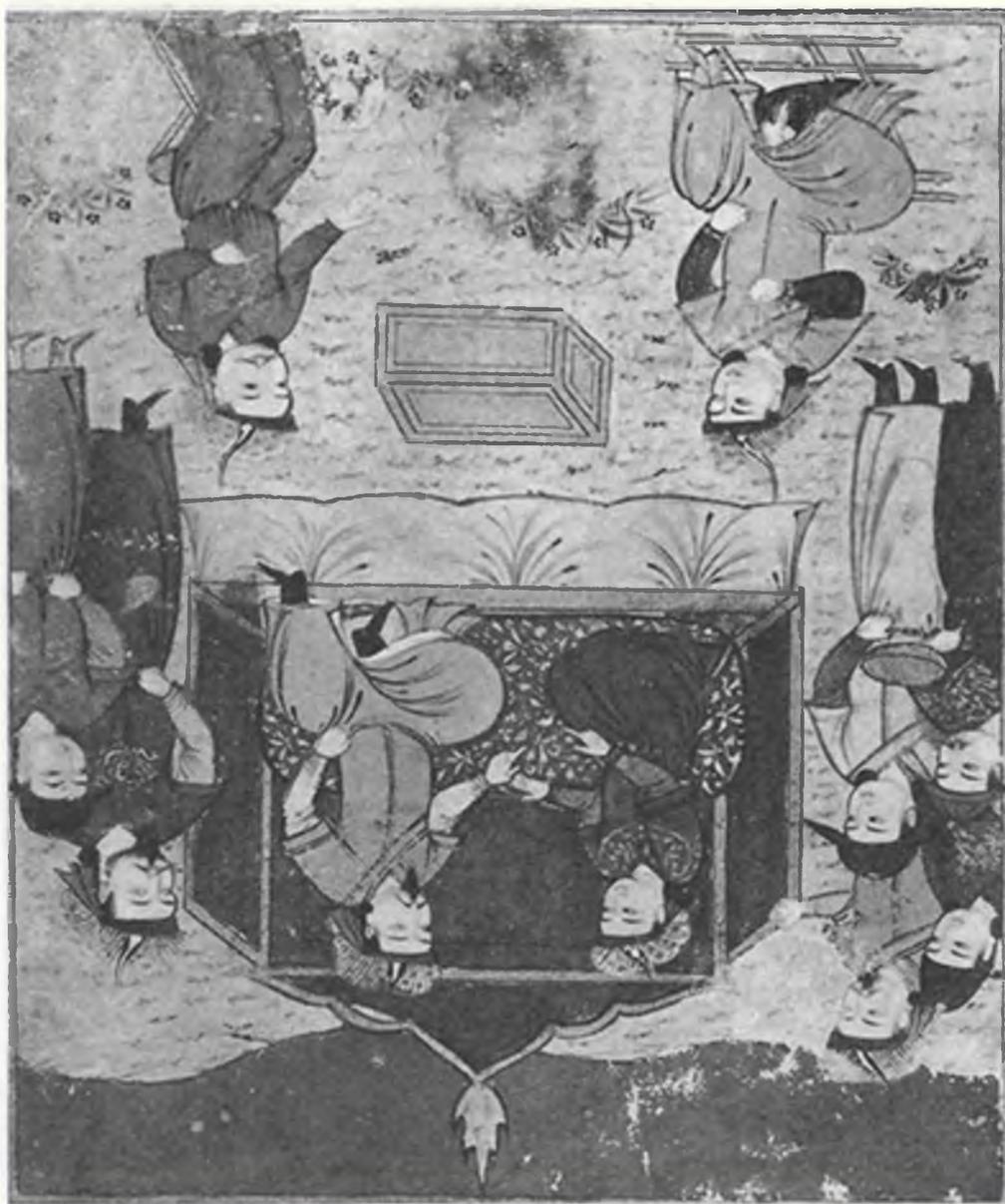

Сцена монгольского нашествия на Венгрию. Не полностью вооруженные монголы преследуют венгерского короля Белу.

Еще одна сцена из той же рукописи. Монголы в обычном платье с пленницами. Один из них натягивает лук, собираясь стрелять в неприятеля, а венгерские воины, очевидно, не решаются напасть, боясь нанести повреждения женщинам. На этой и других иллюстрациях монголы изображены без шлемов и доспехов, что, вероятно, говорит об их победе.

Ильхан Абака и его сын Арлун.

Аргун, сын Абаки, с двумя своими женами, Газаном и братьями.

Монгольские правители и придворные Газан-хана. Газан-хан сидит на троне со своей женой Булуган-хатун, четыре других восседают на сандаловых креслах.

Ильхан Гайхату-хан, сидя на троне, готовится судить военачальников, восставших после смерти Аргуна.

Гроб Газан-хана.

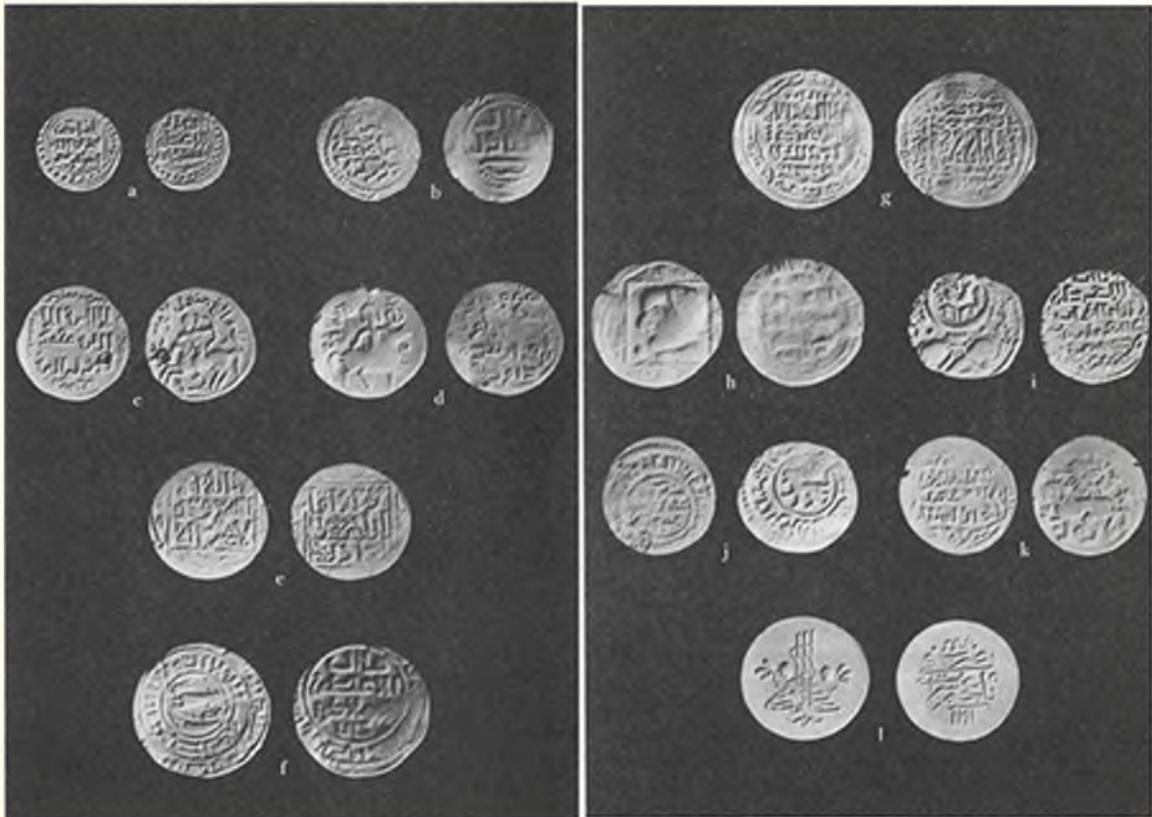
Борак-хана признают правителем улуса Джагатая.

Заголовок надписи, выполненный иероглифами стиля «малой печати». Надпись сделана по приказу Хубилай-хана для буддийского священника близ летнего дворца в Шанду.

Портрет Хайшань-хана династии Юань.

Монеты XIII-XVIII вв.

а) Серебряная монета Чингисхана, Афганистан, ок. 1220 г. (ср. рис. 17).

б) Серебряная монета великих ханов, северо-западная Персия, ок. 1240 г. (ср. рис. 20).

с-е) Серебряные монеты из Тифлиса (Грузия): с) 1244-1245 гг., времен регентства царицы Торегенэ (ср. рис. 21); d) 1247 г., с именами Гуюк-хана и Давида Нарина (ср. рис. 22); e) 1252-1261 гг., с именем Мункэ (ср. рис. 23).

ф) Бронзовая монета Хулагу из Ибрила (Месопотамия), 1262-1263 гг. (ср. рис. 31).

г) Золотая монета Газана Махмуда из Шираза, 1300-1301 гг. (ср. рис. 32).

h, i) Бронзовые монеты из Мосула: h) монета Хулагу, ок. 1263-1264 гг. Аверс: голова с диадемой, повернутая

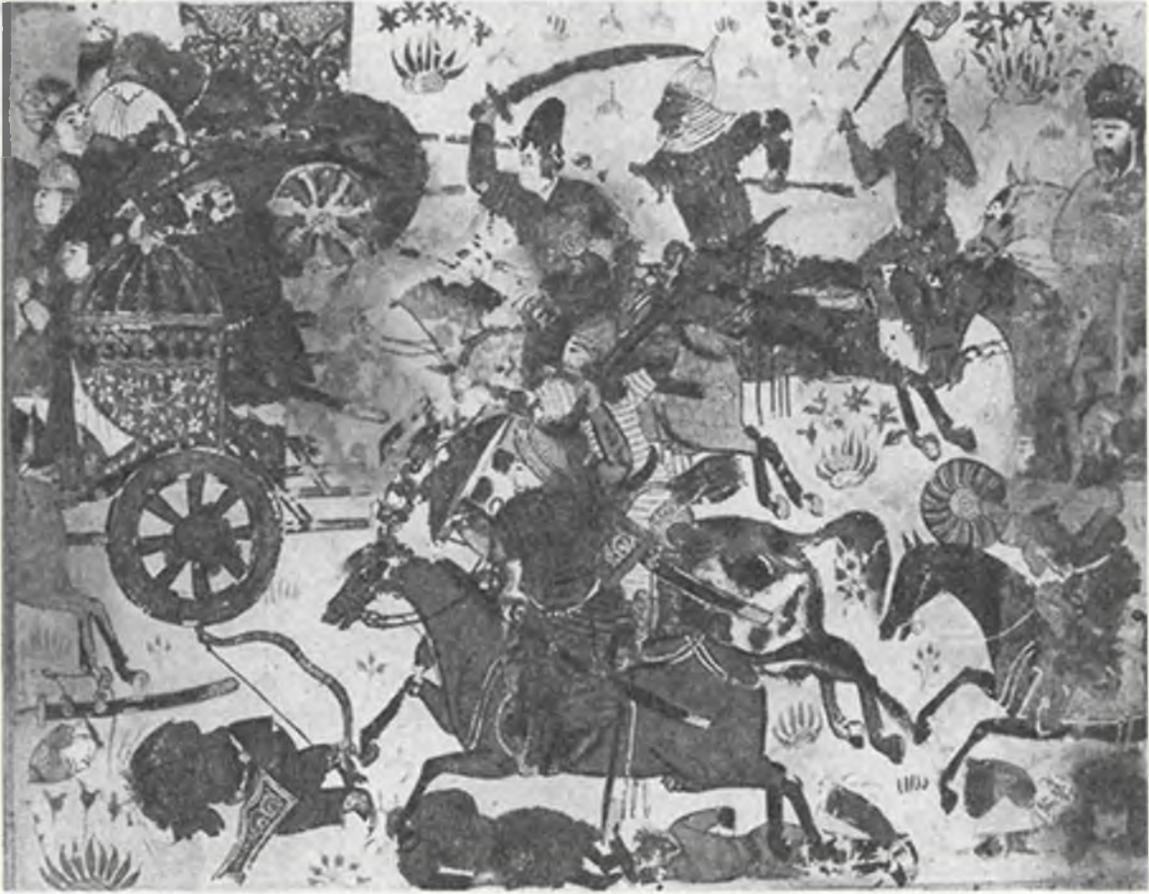
влево. Реверс: «Каан, Владыка, Мункэ-хан – Хулагу-хан». По надписи ясно, что Хулагу считают подданным Мункэ.

і) Монета из Абаки, 1274-1275 гг. Аверс: сидящий на скрещенных ногах человек с полумесяцем в приподнятых руках. Реверс: «Каан, Владыка – Абака, Ильхан, Великий – пусть их владения увеличиваются». Здесь также подразумевается, что Абака является вассалом великого хана.

ј) Бронзовая монета Улджейту из Багдада, 1312-1313 гг. Аверс: указание монетного двора, года. По краю идет надпись: «Нет бога кроме Аллаха, Мухаммед пророк Аллаха». Реверс: под солнцем лев, идущий налево. По краю идет надпись: «Высший султан Улджейту-султан, да пребудет его царство вечно». Великие ханы со времен Газана уже не упоминаются.

к) Бронзовая монета Абу-Саида, 1316-1335 гг., дата и место чеканки неизвестны. Аверс: «Высший султан Абу Саид, да пребудет его царство вечно». Реверс: под солнцем лев, идущий налево.

л) Серебряная монета Шагин-Гирея, крымского хана в 1777-1783 гг., отчеканенная в Бахчисарае. Аверс: монограмма хана. Реверс: «Тамга крымских ханов». Ниже указание монетного двора и года вступления на престол. Одна из самых последних монет монгольских династий.

Ногай одерживает победу над Тохтой на берегах Дона.

РИСУНКИ

Рис. 1. Средневековые хижины и повозки татар.

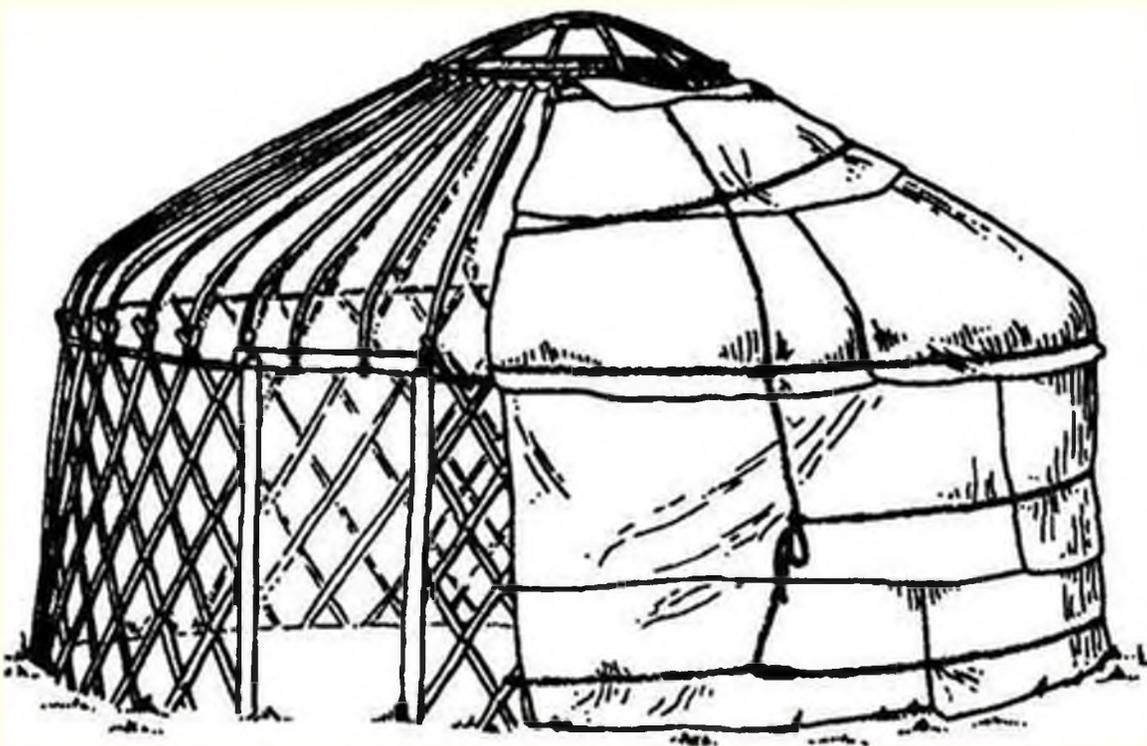

Рис. 2. Рисунок монгольского «гера», или юрты.

Рис. 3. Китайский рисунок с изображением Чингис-хана передает скорее идеальное представление о хане, нежели подлинные черты лица.

Рис. 4. Китайский рисунок, изображающий, как сравнительно молодой Чингисхан советуется с предсказателями судьбы. Особые предсказатели («толган») кидали на землю гадательные палочки («толга»). По тому, как они падали на землю, судили о будущем или о возможном исходе событий.

Рис. 5. Китайский рисунок воина-монгола в полном облачении, с длинным кривым мечом, луком, стрелами и копьем за спиной.

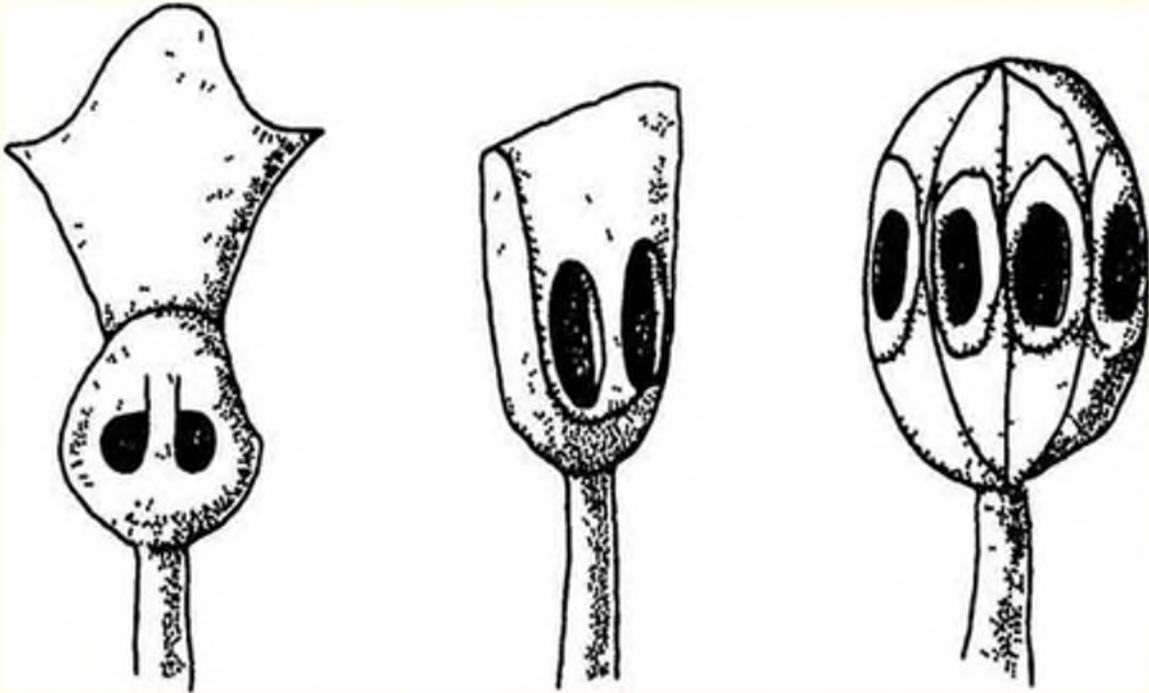

Рис 6 Свистящие наконечники стрел, через которые во время полета проходил воздух Их пускали, чтобы показывать направление и цель для других стрел Их также использовали для подачи других сигналов.

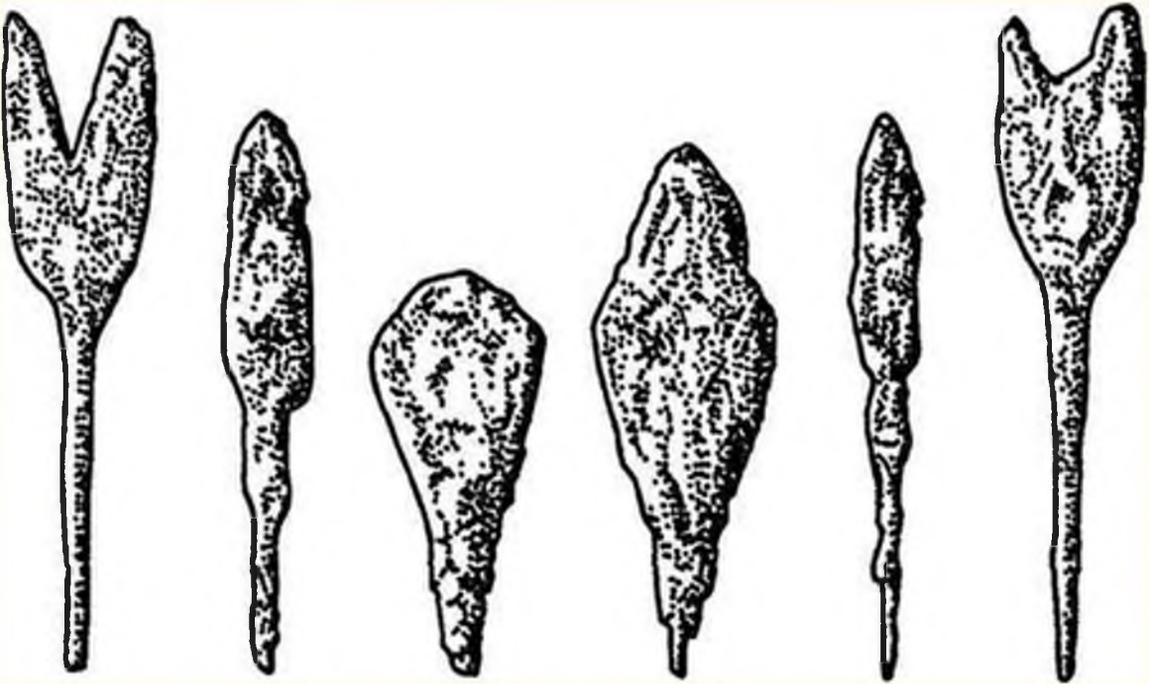

Рис 7 Железные наконечники стрел из Каракорума. Те по краям, что имеют вырез в форме полумесяца, в

длину достигают 11 см и предназначались для расчленения плоти, остальные, изображенные согласно масштабу, втыкались как обычно.

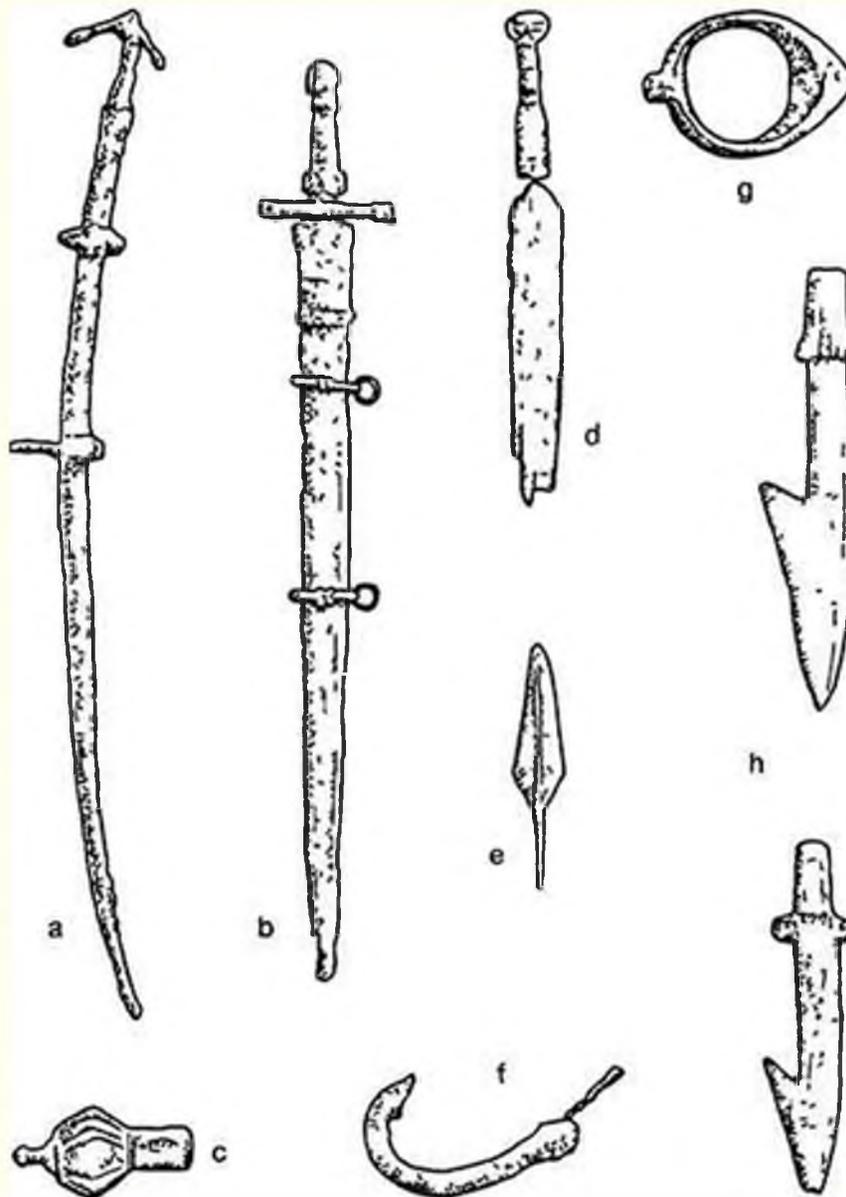

Рис 8 Оружие и инструменты с территории Золотой Орды, а и б – сабля и меч неустановленного происхождения, с – железный наконечник копья, д – костяная рукоять меча, е – наконечник копья, ф – железный рыболовный крючок, г – бронзовое кольцо для натягивания тетивы, h – костяной гарпун.

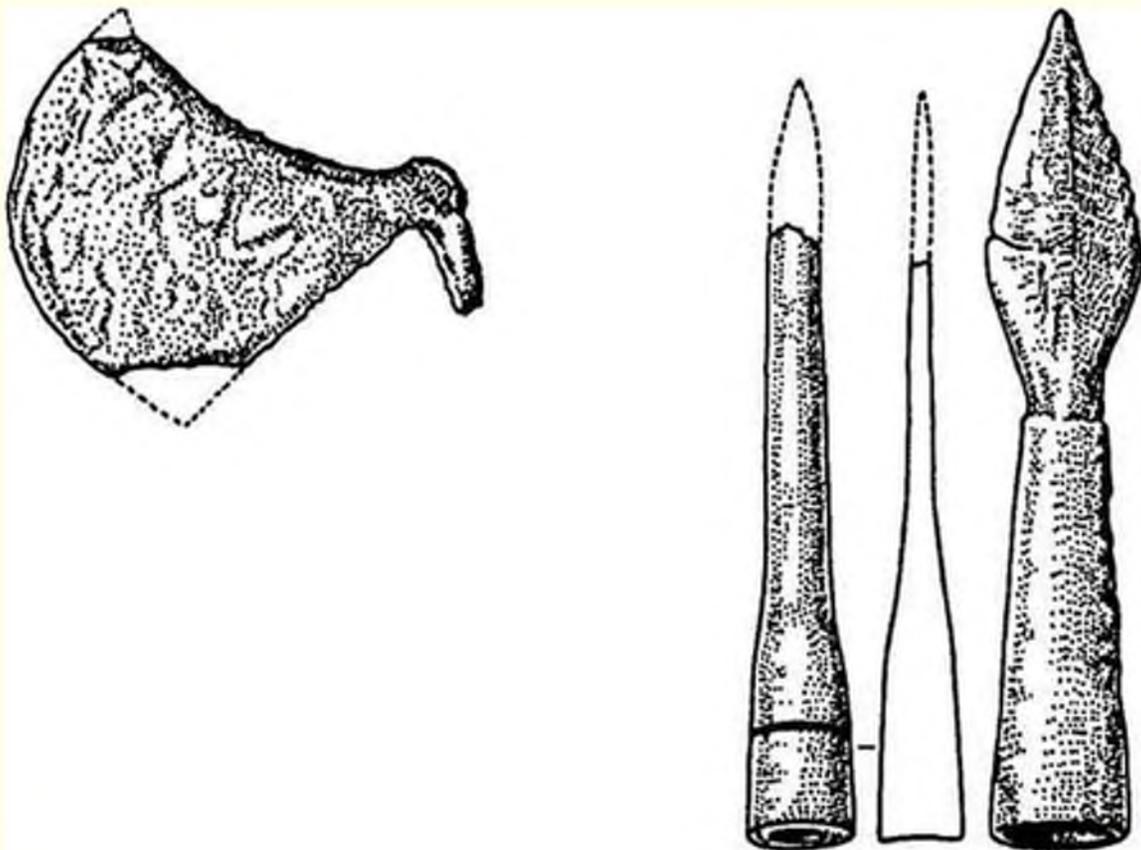

Рис. 9. Железное оружие из Каракорума. Боевой топор со штырем (ширина лезвия 16,5 см). Цилиндрическая трубка для насадки сломана и изношена. Два наконечника копья.

Рис. 10. Миниатюра из манускрипта Рашид-ад-Дина (вероятно, из «Эдинбургского»), на которой монгольский воин изображен в чешуйчатой кольчуге, покрывающей его от шеи до локтей и колен.

Рис. 11. Японские рисунки монголов-стрелков из «Свитка о монгольском нашествии».

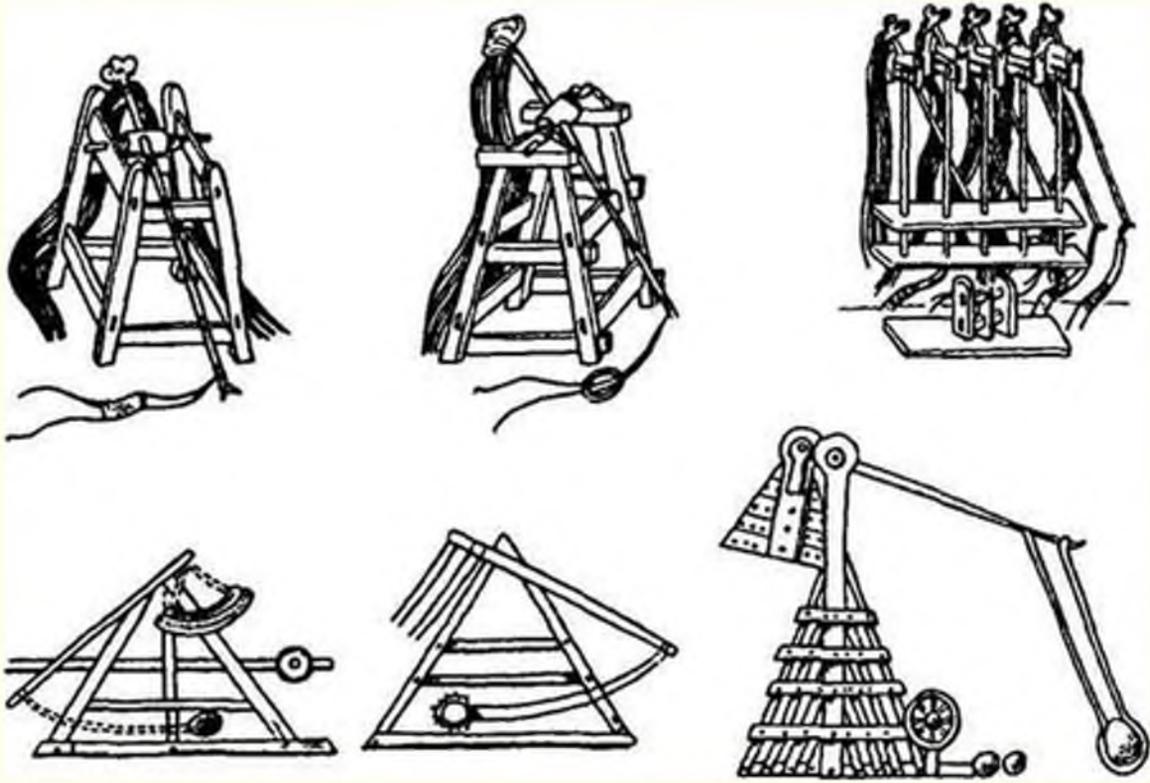

Рис. 12. Китайские и сарацинские осадные машины, которые использовали монголы: баллисты для метания тяжелых камней и других метательных снарядов.

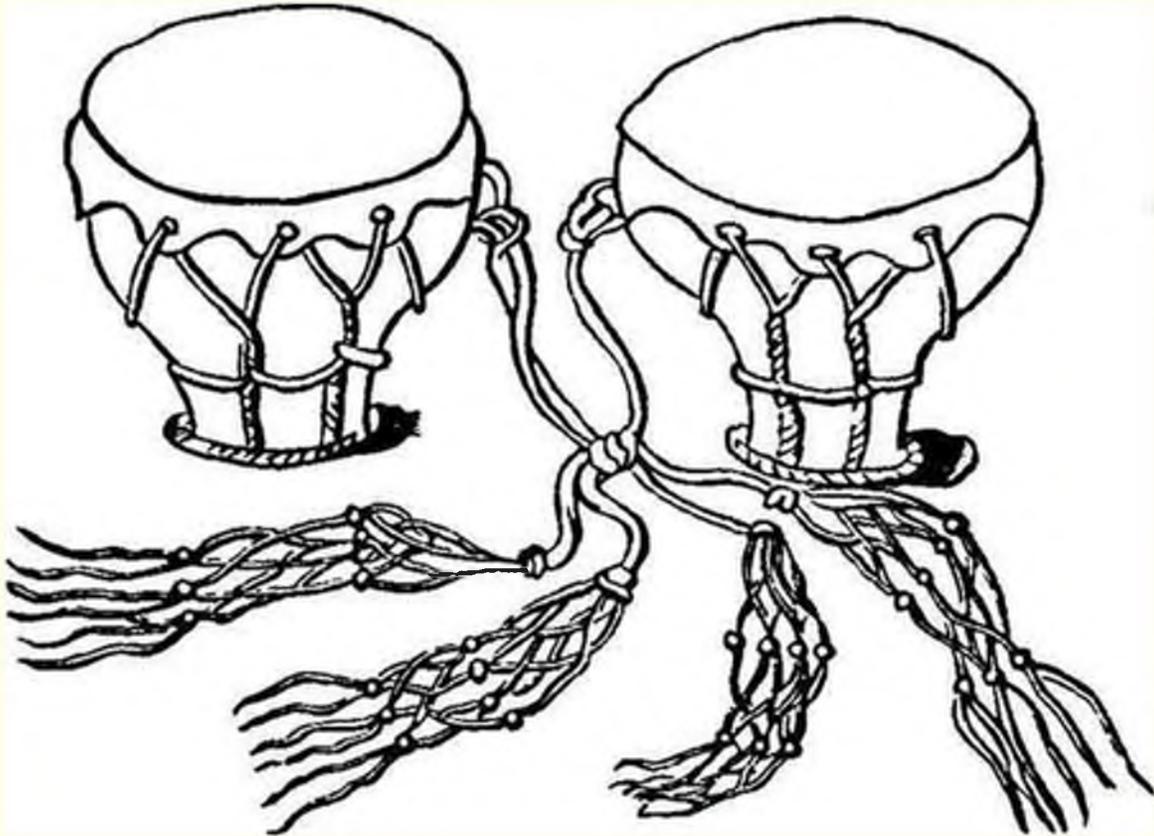

Рис. 13. Китайские рисунки литавров («нагаров») из бронзы и кожи. Во время войн Хубилая самые маленькие из них, приблизительно 1 м в диаметре, вероятно, перевозились на верблюдах; самые большие, приблизительно 2,5 м в диаметре, перевозились на слонах.

Рис. 14. Восточная Азия до монгольского завоевания.

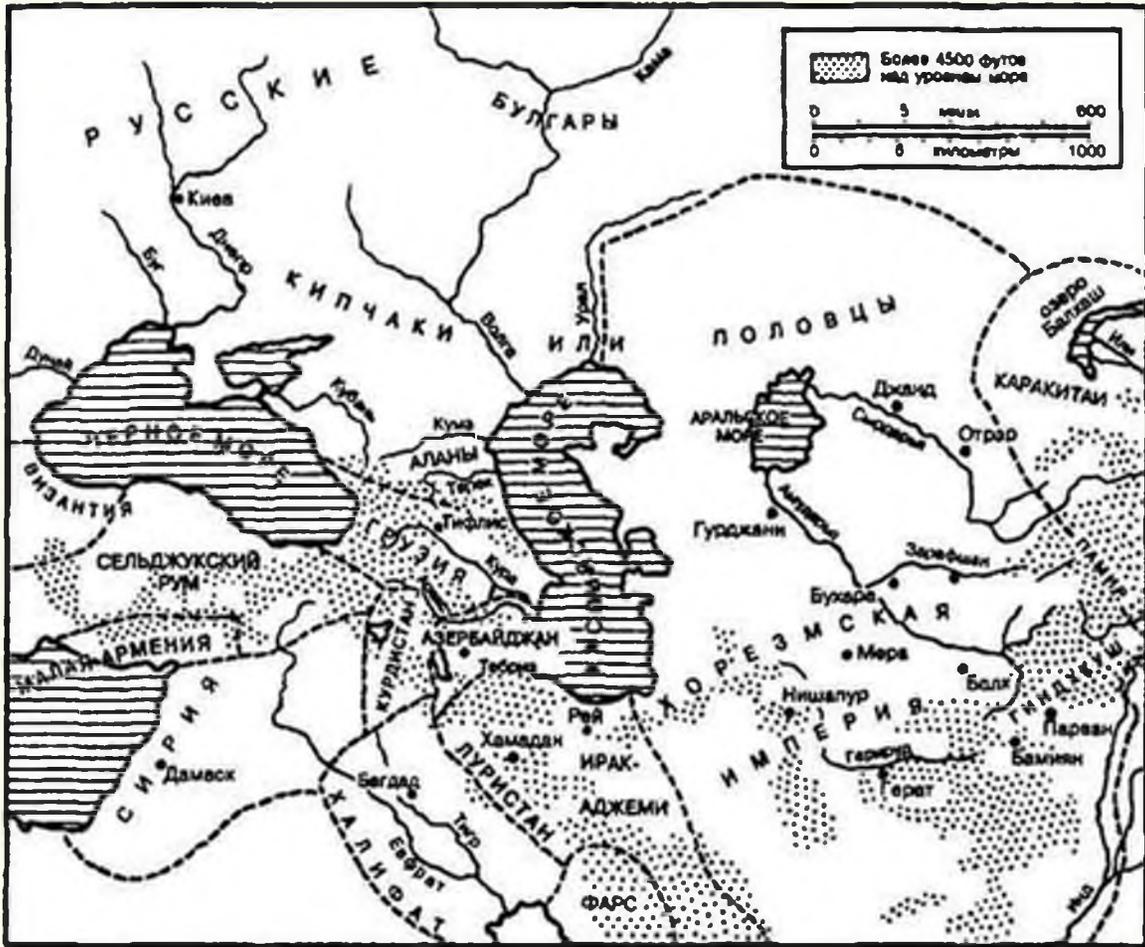

Рис. 15. Центральная Азия, Западная Азия и Россия до монгольского завоевания.

Рис. 16. Китайский рисунок Субудэя.

Рис. 17. Серебряная монета Чингисхана, вычеканенная в Афганистане около 1220 г. Аверс: «Предводитель верных» – обычная надпись для халифов, но не для Чингисхана, который не был мусульманином. Реверс: «Справедливый верховный хан Чингисхан».

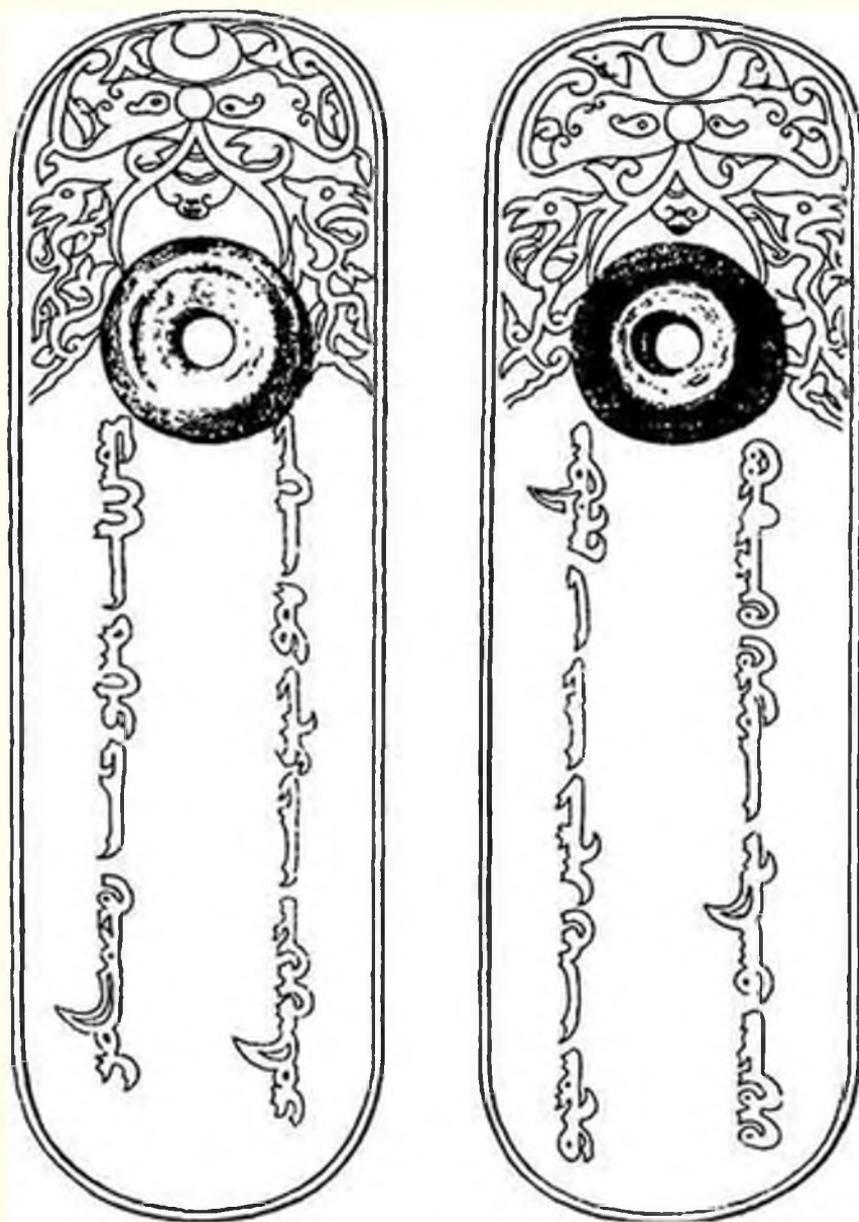

Рис. 19. Обе стороны монгольской пайцзы с надписями уйгурским письмом, найденные близ Днепра. Длина 26,5 см.

Рис. 20. Серебряная монета великих ханов, отчеканенная на северо-западе Персии около 1240 г. Аверс: «Нет бога кроме Аллаха и Мухаммед пророк его». Реверс: «Каан, справедливый», ниже лук, символ монгольской власти. (См. также фото 38b).

Рис. 21. Серебряная монета, отчеканенная в Тифлисе в 1244-1245 гг., во время регентства Торегенэ. Аверс: «Нет бога кроме Аллаха и Мухаммед пророк его». Реверс: скачущий всадник, натягивающий лук и целящийся в пти-

цу; ниже собака, выше надпись «Великий монгол, наместник, главнокомандующий». (См. также фото 38с).

Рис. 22. Серебряная монета, отчеканенная в Тифлисе в 1247 г. с именами Гуюк-хана и Давида Нарина, грузинского царя. Аверс: царь на коне справа монограмма царя Давида. Реверс: «Властью Бога, подданный Куюка Хана – раб Давид». (См. также фото 38d).

Рис. 23. Серебряная монета Мункэ, отчеканенная в Тифлисе между 1252-м и 1261 гг. Аверс: «Нет бога кроме

Аллаха. Нет равного ему». Реверс: «Мункэ Каан, верховный, справедливый». (См. также фото 38е).

Рис. 24. Монгольская империя во времена великих ханов.

Рис. 25. Гранитная черепаха близ дворца в Карако-
руме. Очень похожая на другую, находившуюся на окраи-

не города и описанную в тексте, но лучше сохранившаяся. На обеих теперь навалены кучи камней. Некогда черепахи служили основанием каменных стел, где были выбиты официальные надписи. Приблизительно 6 м в длину.

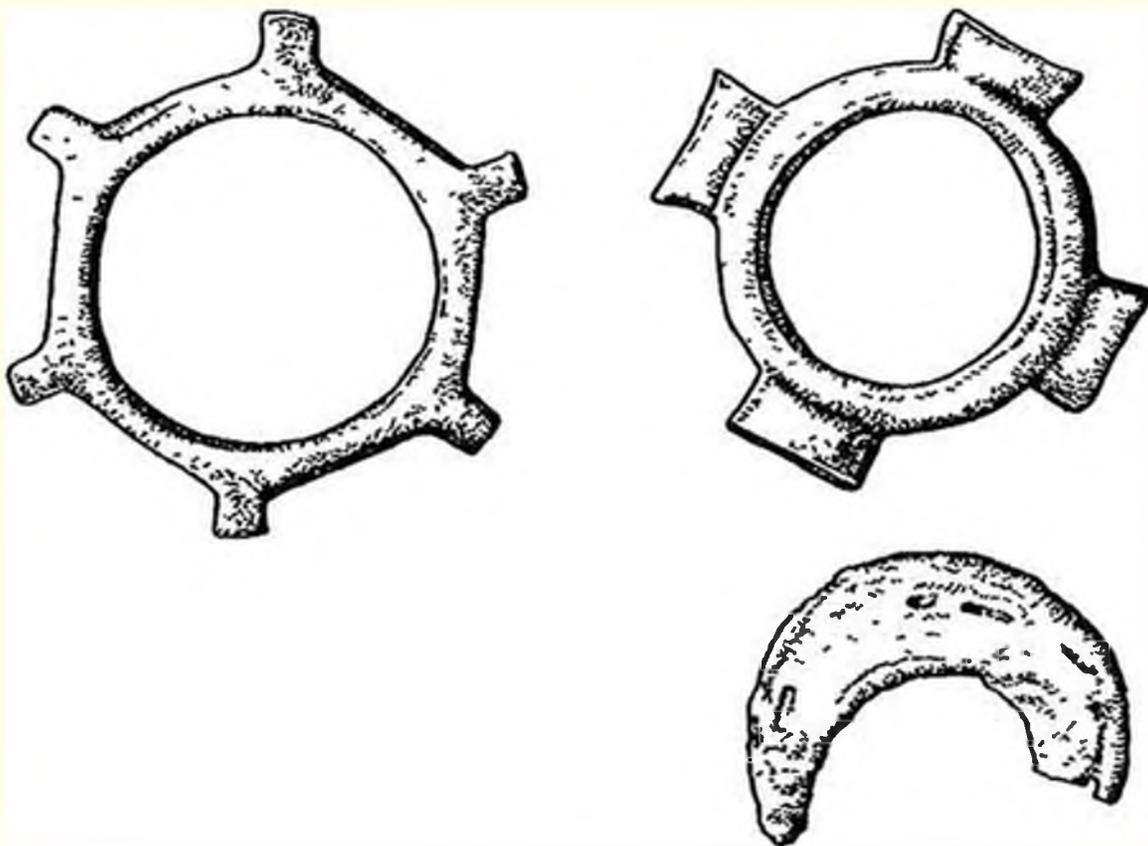

Рис. 26 Две чугунные втулки для огромных повозок, на которых перевозили продовольствие и другие ресурсы для Каракорума, а также самые большие из передвижных шатров. Внешний диаметр приблизительно 9 см. Внизу железный серп. Находки из Каракорума.

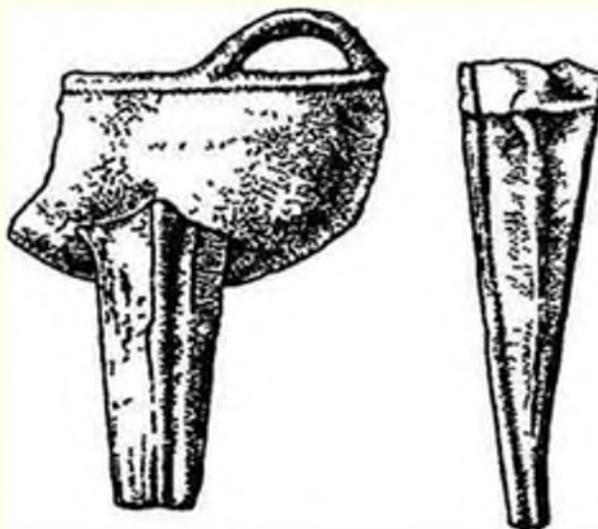

Рис 27. Фрагменты железных котлов на трех ножках из Каракорума. Фрагмент справа около 20 см высотой, но кончик ножки отломан.

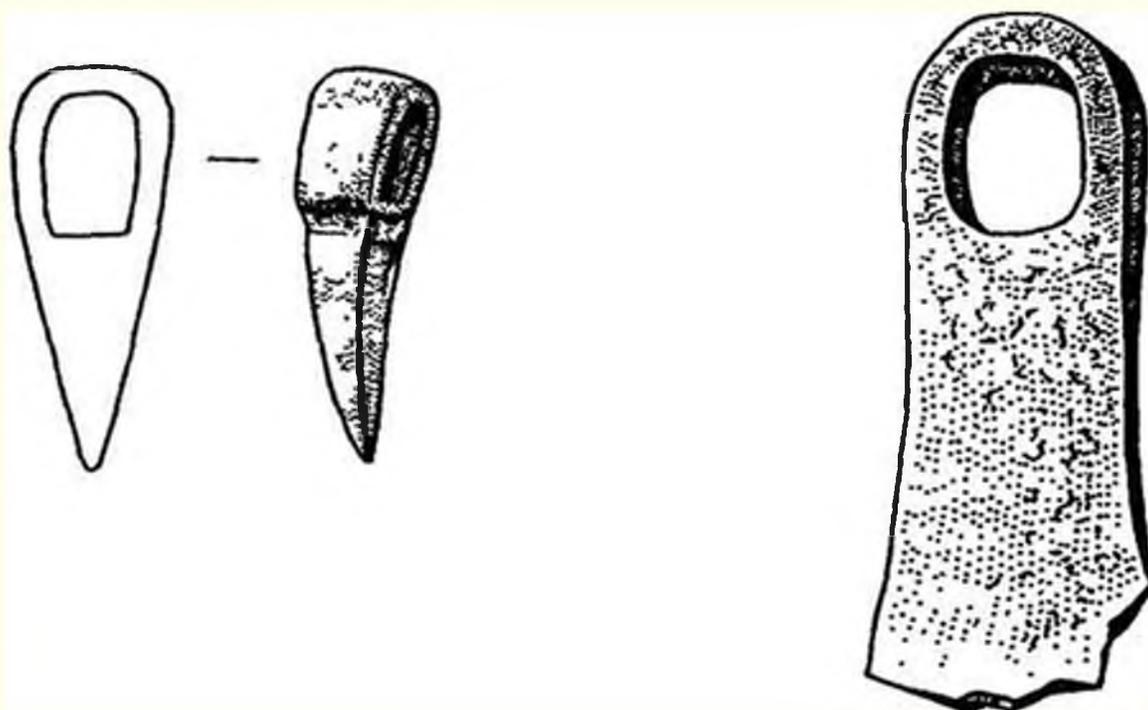

Рис. 28. Железные орудия труда из Каракорума. Слева: кирка в двух ракурсах; 19,5 см в длину. Справа: мотыга, 20 см в длину.

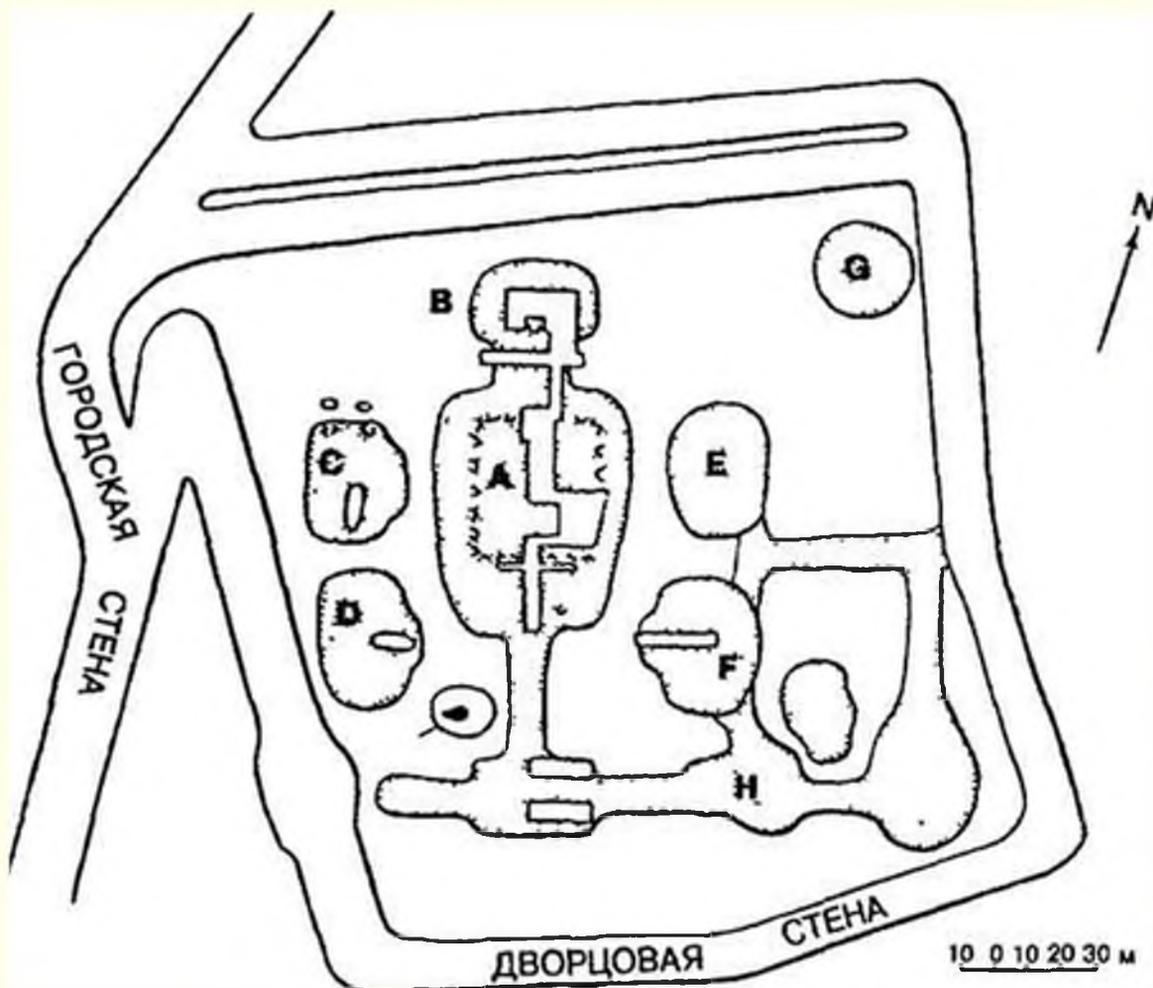

Рис. 29. План дворца в Каракоруме, установленный в ходе раскопок. Серым обозначены насыпи. А – основной дворец; В – личные покои за основным дворцом (т. е. северный павильон); С-Е – склады или сокровищницы; Г – вероятно, место для юрты великого хана; Н – ворота, сторожевое помещение и другие здания неустановленного назначения; I – каменная черепаха.

Рис. 30. Бронзовая монета времен династии Юань, конец XIII или начало XIV века. Надписи выполнены письмом Пхагспы: «Действительная монета периода Чжи-Юань».

Рис. 31. Бронзовая монета Хулагу, вычеканенная в Иrbиле (Месопотамия) в 1262-1263 гг. Аверс: в центре заяц, выше слева полумесяц. Вокруг надпись: «Нет бога кроме Аллаха и Мухаммед пророк его». Реверсе «Каан, великий Хулагу-хан».

Рис. 32. Золотая монета Газана Махмуда, вычеканенная в Ширазе в 1300-1301 гг. Аверс: «Нет бога кроме Аллаха и Мухаммед пророк его». Реверс: надпись уйгурским письмом «Чеканено Газаном по повелению небес». Между строками надпись по-арабски: «Газан Махмуд». Слева вертикально три знака письма Пхагспы (Кан? Газан?). (См. также фото 38g).

Notes